

ЕФИМ ЗЛАТКИН

ОТ МИХАЛИНА –
ДО ИЕРУСАЛИМА!

Роман–хроника

Израиль, 2015

ЕФИМ ЗЛАТКИН

ОТ МИХАЛИНА – ДО ИЕРУСАЛИМА!

Роман-хроника

Книга журналиста Е. Златкина рассказывает о нелегкой еврейской судьбе в Белоруссии на протяжении почти сто лет. В основу романа-хроники «От Михалина – до Иерусалима» положена история одной еврейской семьи, в которую вплетены другие судьбы. Автор рассказывает о долгой дороге в Иерусалим.

Ефим Златкин, От Михалина – до Иерусалима!,
Израиль, 2015, 240 с.

Редактор-составитель – Ася Тепловодская
Дизайнер – Нэля Васильницкая

© Все права сохраняются за автором

*Посвящаю нашим незабываемым родителям –
Давиду Златкину, Ирине Хенькиной-Златкиной,
безвременно ушедшему из жизни брату Льву
Златкину, всем жертвам европейского еврейства,
всем уцелевшим после Катастрофы, а главное –
потомкам, чтобы ПОМНИЛИ!*

*Посвящаю 70-летию Великой Победы
и 25-летию Большой Алии!*

ОТ АВТОРА

Исход евреев из бывшего Советского Союза в 1990 году 20–го века напоминал в чем-то бурную реку, которая долгие годы была закрыта бетонной многотонной плотиной.

Но река эта, в отличие от других рек, не довольствовалась своим заточением, а все время мечтала о свободе.

Репатриация евреев из бывшего Советского Союза в чем-то сродни прорыву плотины, в данном контексте – своду государственных законов, которые не разрешали древнему народу вернуться на свою историческую родину.

А может, никакой исторической родины и в мыслях не было?

Может, все дело в другом, и огромную массу людей подвигло на великое переселение что-то иное?

Но что?

Почему уравновешенные русские, белорусские, украинские евреи, их горячие соплеменники из Кавказа, Средней Азии, Казахстана, будто сговорившись, в одно мгновение оставив свои дома, близких, друзей, любимую, и, как правило, хорошо оплачиваемую работу, оставив могилы своих предков, помчались в неведомый край песков и зноя?

Туда, где мирное сосуществование со своими соседями столь призрачно, что, порой, кажется вовсе не достижимым...

Что это было?

Наваждение?

Коллективный психоз или исторический момент, который еще предстоит оценить историкам, философам как сегодняшних, так и будущих поколений?

Этому советскому исходу – назовем его так по названию бывшей советской империи, еще предстоит такая же оценка, как и библейскому исходу из Египта...

Его мы вспоминаем от одного пасхального застолья до другого, передаем память о нем из глубины веков, от поколения к поколению.

Тогда евреи бежали от фараона.

А мы от кого?

От такого же фараона, только имя его было – советская власть!

Как из маленьких речушек берет свое начало большая река, так и из маленьких семей начиналась наша миллионная Алия, которой в 2015 году исполнится 25 лет...

Накануне юбилея я вам хочу рассказать историю своей семьи – одну из многих, из которых и сложилась та самая Большая Алия 90-ых годов.

На фоне семейной истории, протяженностью в 100 лет, в неразрывной связи с событиями в стране, я рассказываю про главные вехи в истории российского, а затем и советского еврейства – Первую мировую войну, бандитизм в годы гражданской войны, жизнь еврейских местечек вдали от больших городов, становление еврейских колхозов в Крыму и в Белоруссии перед Великой Отечественной войной, участие в ней евреев и их массовые расстрелы...

Возвращение выживших в Катастрофе, создание еврейских семей на обломках послевоенной жизни, воспитание детей, постоянная борьба за выживание в обстановке антисемитизма и, наконец, – выезд в Израиль.

Нелегкие годы абсорбции, поиск своего еврейского счастья в новой стране, передача жизненной эстафеты детям – а от них к внукам, правнукам, непоколебимая вера в лучшее, надежда на мощь своего еврейского государства, на не повторение Катастрофы еврейского народа – красной нитью проходит от первой страницы книги до последней.

... Завтра – день рождения моей книги, она выходит в свет и начинает жить своей, уже независимой от меня жизнью.

Этот день был бы настоящим праздником для наших родителей – отца Златкина Давида и матери Хенькиной-Златкиной Ирины.

Духовным вдохновителем книги был отец, а мать – первым читателем, а по существу и – соавтором.

Именно из крупиц их воспоминаний и родилась эта книга.

Мы, послевоенные, не были избалованы жизнью – выросли рано. Вместе с родителями делили тяготы, разруху и нищету в разоренной дотла Белоруссии. Вместе сидели за праздничными столами в дни Победы, вместе горлачили военные песни.

Наши отцы были для нас, как старшие братья. Все мы знали про них, будто с ними, молоденькими пареньками, и мы, послевоенные, поднимались в атаку...

Когда умер отец в 2007 году, столько боли и горя накопилось в моем сердце, что не знал, как быть и что делать. Б-г до этого берег нашу семью. Из 60 лет, прожитых мной, почти все годы, за исключением службы в армии

и учебы, я и отец были вместе, рядом. В одном городе, в одной квартире. И вдруг отца не стало...

Почувствовав необходимость писать, я впервые за долгие годы в Израиле снова, как и в далекой юности, сел за письменный стол...

Я будто видел возле себя отца, всю его жизнь. Разговорил с ним, спорил.

Так рождалась повесть «Жил среди нас Батя».

– Истинная правда, откуда ты это все знаешь? – всплескивала руками наша мама, близоруко читая опубликованные воспоминания. – И добавила вдруг, – А Батю вы, видимо, больше любите...

В этих словах я почувствовал упрек. И я увидел свою мать в ином свете, увидел всю ее героическую, необычную жизнь... И писал уже про нее!

И в день своего 90-летия наша мама получила от меня подарок – повесть «В жизни раз бывает 90 лет!», которая была опубликована в журнале «Русское литературное эхо».

После этого я стал вспоминать рассказы своего деда, обратился к воспоминаниям других родственников, к документам.

Так появился мой роман-хроника «От Михалина – до Иерусалима».

Почему именно так я назвал свою книгу?

В Белоруссии был и есть небольшой поселок Михалин. Он раньше всегда чем-то незримо отличался от своих соседних поселений. Этаким прототип маленькой еврейской Одессы.

До Великой Отечественной войны здесь был крупный еврейский колхоз, который дал стране еврейских военачальников, комиссаров, руководителей крупных строек, промышленных предприятий.

После войны молодая еврейская поросль ринулась в большие города. На этот раз маленький поселок подарил стране еврейских генералов, полковников, инженеров, учителей, журналистов, ученых.

Впоследствии многие переехали в Израиль, в Америку, Германию. И опустел Михалин, утратил свою самобытность, перестал отличаться от своих соседей.

Но именно здесь для нашей семьи, для моих земляков начался долгий путь восхождения в Иерусалим.

Словно протянулась незримая нить между Михалином и Иерусалимом.

Я расскажу вам про эту нить в память о тех, кто не дождал до Иерусалима, кто не дошел до него.

Декабрь 2014 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ЗАЛМАН – ЕВРЕЙСКИЙ СОЛДАТ ЦАРСКОЙ АРМИИ

Корни отцовской линии начинаются с деда Залмана – сироты, рекрута царской армии...

Усатый фельдфебель ещё раз осмотрел своих солдат, усталых, изможденных. Да и как могло быть иначе – уже столько месяцев провели в окопах. Германец с высоты стреляет и стреляет, а им что остаётся делать? Только затаиться и ждать приказа.

И вот, наконец, он поступил – готовиться к ночной атаке на высоту, видимо, по всему фронту начинается наступление, неспроста прибыло пополнение боеприпасами и молодыми солдатами.

Но как надеяться на них? Пушечное мясо.

Бывший воронежский крестьянин фельдфебель Сашка Королев нутром понимал, что его главная боевая сила – старослужащие, которые знали и как в бой пойти, и как правильно укрыться во время артобстрелов.

Спустился в нижний ряд землянок. Солдаты возились с оружием – чистили, проверяли. С доброй улыбкой оглядел их бывалый фельдфебель.

Сколько уже боёв вместе выдержали, сколько потерь пережили! Казалось бы, все равны, все в одной землянке, все под Б-гом ходят. Так, да не так – порой находились те, кто начинал подтрунивать над иноверцами: «Ты же нехристь!», или проведут салом во время сна по губам. Вроде шутят, но во время боя такому «шутнику» может не поздоровиться, ведь этот самый «нехристь» возьмет да и отомстит обидчику, благо вокруг стрельба, никто и не заметит.

Фельдфебель всегда стоял на стороне православных, но старался не обижать и других. Если и покрикивал на них, то только для видимости, при этом глаза его светились лукавой улыбкой.

– Командыр, крычы – нэ крычы, мы знаем – мы твои дэти. Что нэ скажэш – всё сдэлаем! – горячился в ответ Ахмед, низкорослый, узкоглазый татарин.

Рядом с ним – его самый лучший друг – еврей Залман Златкин.

Вроде совсем разные, но как-то потянулись друг к другу, подружались, может быть, от того, что оба чувствовали себя одинокими. Кроме них не было среди солдат ни татар, ни евреев. А как на войне выжить без надёжного друга?

Залман прижался к земляному брустверу, в руках – трёхлинейка, за плечами – маленький вещмешок. Вокруг бегают солдаты, офицеры раздают какие-то распоряжения, а у Залмана глаза сами собой слипаются. Спать хочется страшно, но нужно держаться, в любой момент может начаться атака.

– А если останусь здесь навсегда под Варшавой? – мелькнула шальная мысль.

– Святое дело, ребята, отдать жизнь за Царя-батюшку, – напутствует солдат полковой священник.

– Царь-то он царь, но батюшка ли? – борясь со сном, думает еврейский солдат русской армии.

В три года остался круглым сиротой, отца и мать во время погромов убили местные бандиты. Долго мыкался по дальним родственникам, но у этой еврейской бедноты в маленьких местечках хватало своих ртов. Уже тогда, в далёком детстве, Залман твердо усвоил – нужно быть незаметным, ничем не выделяться и ни о чем не просить. К столу подсаживался последним, одежду донашивал ту, которая уже никому не была нужна. Только подросток немного – пошел в батраки, работал у зажиточных хозяев за кусок хлеба.

А как исполнилось 18 лет – забрили в царскую армию.

– Да какой же ты батюшка, если я всю жизнь в холоде, в голоде, а теперь за тебя жизнь должен отдавать? –засыпая, продолжает сомневаться Залман.

И снится ему, что по его местечку на золотой колеснице едет Царь Всея Руси и ищет его, Залмана, чтобы попросить у него прощения. Мол, не знал, что ты сиротой остался, не держи зла, не подведи меня, не пощади

живота своего ради твоего государя. Колесница всё ближе и ближе, Царь говорит всё громче и громче, а голос совсем, как у фельдфебеля...

– В атаку! – взлетает команда.

Сна как не бывало, Залман уже на ногах, перепрыгивает через бруствер и – в атаку...

Рядом – тяжёлое дыхание солдат, крики, ругань. Впереди – цепи укреплений, колючая проволока, блиндажи. А на самой высоте – пушки, которые без перерыва извергают огненный смерч. Обратной дороги нет – пристрелят идущие сзади казаки.

– Аааааа! – кричит Залман то ли от ярости, то ли от жалости к себе, и бежит, бежит вперед навстречу смерти, а может быть, от жизни, которая хуже смерти...

Колючая проволока разрезана, на ней повисли солдаты. У одного из них вывалились наружу все внутренности.

– Братцы, пристрелите, не дайте мучиться! – кричит несчастный. Кто-то из бегущих солдат стреляет в него в упор.

В образовавшуюся щель устремилась людская лавина в серых шинелях. Залман понимает, что сейчас он уже не может остановиться.

Спрыгнул в траншею. Впереди показался германец в остроухом шлеме возле пулемёта. Странно, его лицо как будто знакомо, будто Мойше из родного местечка. Но почему этот «Мойше» наставил на него пулемёт и не стреляет, почему?

Воспользовавшись замешательством немецкого солдата, Залман с размаху всаживает стальной штык в его грудь... А рядом – ещё один германец, второй, третий...

Каким-то боковым зрением Залман замечает, что здоровенный немец повалил на землю Ахмета и занес над ним штык. Он мгновенно вскинул винтовку, выстрелил, спас друга от неминуемой смерти и снова вперед, к очередной траншее...

Ночная атака завершилась победой, высота была взята.

– А ты молодец, Залман! Нэ знал, что так можэшь штыком, – улыбается его друг Ахмет.

– А чем я мог орудовать, пером? Так я его в жизни в руках не держал. С детства орудовал лопатой, вилами. Какая разница между вилами и штыком? Почти никакой.

– Для тэбе нет разницы, а для мэне есть. Тэпер мы братья, – татарин не скрывал слез, обнимая своего еврейского спасителя.

Погибших подобрали, похоронили в общей могиле. Раненых отправили в лазарет. Ну, а счастливых – домой, в отпуск, на переформливание в новые части. Впереди далеко светятся золотые купола Варшавы.

– Красота-то какая! Берёзовая роща, голубые облака и... непривычная тишина. Хлопцы, я даже не знал, что здесь такой рай! – улыбается один из них.

Слушая друзей, Залман только мечтает. Среднего роста, круглолицый, со смеющимися глазами, которые излучают доброту и радушие, он собирает свои пожитки. Как отличившегося в бою солдата, его отправляют домой в отпуск.

Залман задумался – но куда домой, к кому? Как к кому? Есть родные братья, есть двоюродные, есть родное местечко на стыке России с Белоруссией.

Глава вторая

ЭШЕЛОН ИДЕТ НА ВОСТОК

Из Москвы состав пошёл в восточном направлении. Здесь повезло тоже – попутчики славные оказались.

– Давай, служивый, давай к нам, мы потеснимся. Кому-кому, а тебе найдётся место в теплушке, – люди в поезде уступают солдату место.

– С германского фронта? Ну, как там дела? Говорят, что скоро войне конец. Что скажешь, солдат? – интересуются у него мужики в вагоне.

– Что я вам скажу – нечего мне сказать. Домой бы скорее доехать, в своё местечко. – Отмахивается от назойливых вопросов Залман.

– Так ты еврей?

– Еврей. И отец еврей, и дед, все мы евреи.

– Расселся здесь – «Еврей, еврей», – шипит губастый мужичок.

– Ша! – встаёт над ними мастеровой. – Как Россию защищать – так все: и русские, и евреи. Ему нашлось место на фронте, а здесь он лишний? А ты где был? – вовсе разошёлся рабочий.

Залман удивился. Чтобы когда-либо русский защищал его от русского, мужик от мужика? Нет, что-то изменилось в России, пока он в окопах мёрз. Не та Россия, не та...

На вокзалах тьма народу: в бушлатах, в шинелях. Все выступают, все что-то предлагают, спорят.

– А ты за кого, солдат? За большевиков, или за Керенского?

Залман ничего не понимал в этих спорах, он никогда не любил политику. Может, потому, что был всегда далек от неё.

Он любил взять в руки косу и выйти на луг. Вокруг – кузнечики пощёлкивают, роса серебрится, а трава шёлковая, сочная, рядами укладывается и укладывается. Любил подойти к берегу реки и с размаху броситься в её бурное течение. А потом лежать на берегу и наблюдать за облаками, и, выбрав самое пушистое, следить, как оно плывёт, плывёт... Любил лесные прогулки, всё то вечное, незыблемое, что от души, без фальши.

А здесь сплошная политика, непонятная пока. Большевики – все сплошь барчуки, и даже брезгуют ему, солдату, руку подать. А если все-таки поздороваются, то потом незаметно ту руку и вытрут. Большевики? А что они обещают? Землю – крестьянам? Лозунг хороший. Но кто отдаст свою землю просто так, без крови, без насилия?

А Залман против кровопролития, хватит, навиделся убитых боевых товарищей. А сколько сам пролил чужой крови за годы войны?! Вот и тот, убитый им немец, все стоит перед глазами – может, такой же, как и он, еврей, посланный воевать за чужие интересы?

– Нет-нет, и большевики, и меньшевики – не для меня, – думает Залман. – Моя политика – моё местечко. Куда оно, туда и я.

Глава третья

ИЗ ОКОПОВ – ПОД ХУПУ

И вот оно родное еврейское местечко! Те же дома, скошенные, та же веселая орава детворы. Бегут впереди Залмана мальчуганы, утопая босыми ногами в придорожной пыли.

– Залман! Залман! Залман! – галдят они, окружив его со всех сторон. Узнали-таки! Старшие выходят навстречу, здороваются, улыбаются. Ещё бы – свой, местечковый еврей прошёл всю германскую войну, вернулся домой живым и здоровым.

День-два покрасовался в фуражечке набекрень Залман и снова в работники. Но что-то изменилось в душе Залмана – то ли война, то ли тот большой мир за местечком, в котором он побывал и снова в него вернулся, не давали ему жить, как прежде. Он понимал, что ничего не может сделать – и здесь ему трудно, и ехать некуда...

Но молодому солдату повезло: война подходила к концу, солдаты разбегались домой. Залман решил тоже не возвращаться.

Когда огрубевшие от работы руки просили отдыха, он вечером шёл к друзьям. Наум Шифрин, один из них. Залман заходил к нему сначала просто так, а потом заметил, что тянет его в этот дом.

Спокойная светловолосая Сара, её милая улыбка всё больше и больше стали его притягивать.

– Залман, иди сюда. Ты что это так зачастил к Шифриным?

– А тебе какое дело? – резко ответил на вопрос местного кузнеца Льва Синичкина, тоже прошедшего Первую мировую...

Двухметровый силач посмотрел на него сверху.

– Не посмотрю, что ты солдат!

– А я не из пугливых. Хожу и хожу, тебе отчёт не даю. Но если спросишь по-хорошему, отвечу: Сара мне мила!

Улыбнулся Лев, протянул здоровенную лапищу:

– А мне – Стэра. Две сестры-близняшки. Вот поженимся – и мы как братья будем, верно?

– Верно.

Кто-кто, а Залман всегда тянулся к родне, к хорошим людям, ведь за свои короткие 20 с небольшим лет уже всё успел испытать: и сиротство, и голод, и холод, и одиночество, и войну, и смерть. А теперь пришло время любви.

Закончилась Первая мировая, отгрохотала гражданская война. Люди как-то стали отвыкать от ее ужасов, от погромов – больших и малых, которые волнами прокатывались по местечку.

Белые входят – ищут коммунистов, а кто первым ринулся в новую власть? Конечно, евреи, понадеялись на лучшую долю. Теперь их семьи на себе испытали, как быть не только евреем, но еще и комиссаром!

Красные вваливаются – начинается поиск зажиточных селян. Бандиты самых разных мастей, но лютуют одинаково – грабят, насилуют, вырезают всех подряд...

И вдруг... затишье!

А девчата в местечке – словно яблоки наливные, томятся в ожидании любви, будто сама природа определила им быть житницами, продолжательницами рода...

– Лева! Я женюсь, – признается Залман другу Льву Синичкину, – мы с Сарой приглашаем тебя к нам на свадьбу.

– Что же, давно пора! Да и мы со Стэрой тоже собираемся сыграть свадьбу.

– А давайте вместе в один день и отпразднуем, – загорелся Залман.

Давно не было в местечке такого веселья! Под хупой по очереди две сестры, обе из семейства Шифриных, одна из которых стала Златкиной, а вторая – Синичкиной.

Две сестры – две родовые линии!

Потянуло речной прохладой. Соловьиные трели раздавались до самого утра, словно слагали гимн любви счастливым новобрачным...

Через двадцать лет Сару с детьми расстреляют и сбросят в котлован, а Стэра, каким-то чудом вытащив детей из горящего Мстиславля, еще лет 20 лет после войны будет неподвижно сидеть, закрыв руками голову, словно оставшись там, на войне, со своей сестрой-близняшкой Сарой...

Что давало евреям возможность выжить, несмотря на войны и страдания?

Песни сквозь слезы, танцы со стиснутыми зубами да любовь. Только так могли преодолеть и горечь потерь, и бесконечные скитания, и обреченность на вечные поиски пусть, хоть маленького, но своего еврейского счастья...

Глава четвертая

ЕВРЕЙСКИЙ ДЕСАНТ В КРЫМУ

Жили трудно, много работали, одна радость – дети. Первенца назвали Давидом в честь почитаемого евреями иудейского царя Давида, который построил Иерусалим.

Залман мечтал, чтобы его первенец был таким же смелым, мужественным и негибачем. Таким и вырос наш отец, таким все его и знали...

А отец через десятилетия, на склоне своей жизни мечтал о том, чтобы хотя бы один из внуков носил его имя. Сегодня мой сын – самый старший внук Давида – Давид. Во многом своими поступками, своей независимостью, поиском себя он похож на него.

... Тогда во многих семьях, как и у Залмана и у Сары, росли свои Давиды. И не прекращалась из поколения в поколение неразрывная связь с Иерусалимом, не ослабевала надежда на возвращение...

Старшая дочь Злата Златкина с детства росла на редкость красавицей, золотым солнышком для всех...

Второго сына Залман назвал Муней в честь своего отца Муни, которого убили местные бандиты. Младшую дочь – Ханой в честь своей матери, ее тоже в один день убили с отцом...

Евреи жили скромно, тихо, стараясь никому не переходить дорогу.

Но всегда находились недоброжелатели, враги, которые не останавливались ни перед чем... Когда Залману было всего три года, бандиты ворвались в дом его родителей. Это было в 1898 году...

Прошло более 20 лет, и уже совсем в иное время, уже при советской власти бандиты врываются в другую еврейскую семью. И снова проливается кровь, убивают Гедалия Хенькина, родного деда моей будущей матери... Все повторяется во второй раз.

Через годы повторяется все уже в третий раз...

И это опять происходит с моими родными.

Уже другого Златкина Муню и другую Златкину Хану – детей Залмана убивают другие бандиты – фашисты и их местные прислужники в ноябре сорок первого года. Дважды теряет Залман родных людей с одними и теми же именами...

До войны еще было далеко, а у евреев не было спокойной жизни ни при царе, ни при советской власти.

Призрачная птица счастья позвала в Крым, где создавались еврейские колхозы.

В числе переселенцев приехал сюда и Залман вместе с такими же еврейскими семьями из белорусских и украинских сел, местечек, готовыми на все, лишь бы прокормить детей...

– Ну что ты скажешь, Залман? – подошёл к нему новый знакомый, еврей из Гомельщины.

– Что я могу сказать? Мы, евреи, как цыгане, – всё время в дороге. Мой дед, мой прадед всё искали для себя лучшей доли. Потеряли мы свой дом в Иерусалиме тысячи лет тому назад, и, пока его не найдём, – и мы, и наши дети, и внуки будем в дороге, – ответил Залман.

При этих словах Сара встрепенулась, взглянула на мужа тревожно.

– Ты ли это, Залман? Никогда я от тебя не слышала ничего подобного.

– Да я и сам об этом подумал впервые. Посуди сама – родился, батрачил на хозяев – русских, евреев, белорусов. Женился – снова батрачу, только теперь уже вместе со мной на хозяев работает мой первенец – Да-

вид. Ещё читать не научился, в школу не пошел, а уже ходит за коровами подпаском. Бегаёт и кричит: «Чёрная-чёрная-чёрная, белая-белая-белая, рыжая-рыжая-рыжая!», чтобы не растерять коров. Мы, евреи, приехали сюда в Крым из всех мест, создали свой еврейский колхоз «Икар». Казалось бы, мечта достигнута, но что-то не то. Не то, я это чувствую.

– Тише, тише, Залман! – замахала руками Сара. – Теперь я понимаю, откуда эти разговоры. Вот куда ты вечерами шастаешь – к этим палестинским евреям.

– Да, к ним. Какие они молодцы! Поверили в наше братство, примчались из далёкой Палестины, чтобы помочь нам построить социализм. Но чем больше здесь, тем больше вспоминают свою Палестину, она ведь для всех евреев родная земля, там ведь Иерусалим, который нельзя забыть.

– Всё, Залман, всё! – закрыла занавеску Сара. – Б-гу было угодно, чтобы мы были здесь, – мы здесь. Барух а-Шем, есть свой дом, дети растут – что ещё надо? Не пеняй на Б-га, не пеняй на людей.

Рассвет вставал над еврейским колхозом, над всей крымской землёй. Обновлённая, возрождённая еврейскими переселенцами, эта земля, которая до этого совсем не использовалась, зазеленела, заплодоносила своими арбузами и дынями.

Сара просто молодец, молодая, быстрая, справляется в колхозном коровнике, всё успевает – и по дому, и за детьми.

Залман – на лошадях, к ним он привязан с детства. Поправляет коню упряжь, надевает хомут, так чтобы он его не сдавливал. Похлопал по холке – вперед, нужно распахать новый участок.

– Нн-но, родимый, пошёл! – за плугом отваливается пласт за пластом чёрная земля.

Залман легко ступает по борозде, представляя, как он распахивает землю не в крымской степи, а в далёкой неведомой Палестине.

С чего бы он стал думать про неё? Видать, вчерашний палестинский еврей, родом из Германии, таки поселил в его душе тревогу. Он тоже, как Залман, прошёл Первую империалистическую войну, только на стороне германцев.

– Я даже не мог подумать, что на стороне немцев в войну были евреи.

– А я не мог подумать, что среди русских солдат тоже воевали евреи, – ответил Залману Рувен.

– Теперь я понимаю, почему тот немецкий солдат, прежде чем в меня выстрелить из пулемёта, что-то прокричал мне на идиш. Он узнал во мне

еврея. Он был так похож на Моше из местечка, он был так похож... – сжимает в отчаянии голову Залман.

– Считай, что убил тогда родного человека, своего еврея.

– О, Б-же, а что я мог сделать?!

Да, сколько же евреев полегло – русских от германских, а германских от русских. Сколько еще можно сражаться по разные стороны?

– Я верю, что придёт то время, когда мы, все евреи, будем в одной армии. Эта армия будет на земле Палестины, – горячо уверяет Рувен.

Назавтра Залман снова направился в лагерь палестинских евреев. Глазами поискал знакомого – нет и нет. Осторожно спросил про худощавого еврея с чёрной бородой.

– Нет, не знаем, – ответил ему один.

А второй глазами дал ему знать, что тот уже далеко, что лучше его не искать, а что успел узнать – держи при себе.

Жара находила везде. Отсутствие питьевой воды (её привозили только в бочках) усложняло жизнь еврейских переселенцев. Но всё равно настроение было радостное, ведь жили надеждой на новую, более лучшую жизнь.

– Сядь, Залман, сядь, успокойся. Всё в руках Б-га, – видя встревоженное лицо мужа, опять всполошилась Сара.

Подойдя, тихо сказала:

– Всё грезишь о Палестине? А я слышала, что начались аресты палестинских евреев, что все они – враги народа.

– Да враки это всё! Может, они и враги, но только себе, если приехали в Россию. А теперь я тебе скажу, Сара, своё решение – мы возвращаемся в Белоруссию. Не хочу больше здесь оставаться.

Сара опустила на табуретку. Окно заполняло жарой, крымской жарой. Всё, что раньше было таким родным – и бахчи, и поля, и коровники, и дома, и соседи – стало вдруг чужим, ненужным. Она знала Залмана – на вид мягкий человек, он был решительным в своих действиях. Если уж что-то говорил – то только один раз.

Женщина вздохнула, развязала белую косынку, и сразу локоны рассыпались по плечам золотым дождем. Залман будто впервые увидел ее.

– Да, моя Сарэле, красавица! – он смотрел на исхудавшую от работы жену, на её поникшие плечи, на её редкую седину, а видел ту, прежнюю Сару. – Ты же носишь имя праматери Сары, всё же идёт оттуда, из Палестины, из страны евреев. Вот кто моя Сарэле! – опустился перед ней

на колени, взял в свою руку её мозолистую ладонь – вся ладонь в мозолях! – Сколько ведер воды ты перетаскиваешь, чтобы напоить всех коров, сколько? – посмотрел в её глаза.

– Залман, о чём это ты? Ты разве не знаешь, что как только встаю, так бегу в коровник. Из коровника – домой, из дома – опять в коровник. Вот пришла отдохнуть, а ты даже это не даёшь.

Вздохнул Залман.

– Сарэле, Сарэле! Трудно нам. Вот письмо получил из Белоруссии. Пишут, что недалеко от моего родного села, там, где родился наш Давид, создаётся еврейский колхоз. Понимаешь – еврейский!

– А здесь какой?

– Здесь? Здесь – что-то не то, что-то мне тревожно. А там – мы свои, там мы родились, может, больше поможет нам родная земля. Там все мои – зовут, ждут.

– Снова в дорогу?

– В дорогу, Сареле, в дорогу! Евреев много, а колхоз в Михалине будет только один. Надо спешить!

В 1939 году семья Златкиных навсегда распрощалась с крымской землей. Впереди была Белоруссия и новая жизнь, новые надежды и мечты – если бы они тогда могли знать, что их ждет в родных краях, какая горькая судьба им уготована! Но пока – все живы, колеса стучат, а в сердцах – надежда, которая никогда не покидает ни одного еврея.

Глава пятая

НЕДОБРОЕ СЕЛО ДОБРОЕ

Жизнь бабушкиной ветви проходила по тому же сценарию: работа, тяготы, погромы...

...Тишина. Только скрипят от мороза деревья. Снежные шапки укрыли поля, дороги, дома. Лишь мельница, которая стоит на пригорке, выделяется на фоне спрятанного под снегом села Доброе.

Только начало светать, а старый мельник Гедалий уже на ногах, потирает своих помощников – сыновей Давида, Абрама и Арона. Семья немалая – только у старшего Давида пятеро детей, и всех кормит эта сельская мельница. Правда, женщины все сами делают по хозяйству. Соня

Письман – пышнотелая, светловолосая красавица, даром, что бывшая горожанка, все у нее ладится. Увез ее из соседнего Черикова в село Доброе Давид, и вскоре она уже не уступала в работе местным. Халу испечет – нет вкусней, белье стирает – белизной сияют простыни и наволочки. Если готовит, то пальчики оближешь! Если сядет за швейную машинку, то строчит и шьет, как заправская швея.

А если сверкнет своими лучистыми глазами, поведет плечами и, набросив шаль, выйдет на круг, то никто не может сравниться с ней в танце – ни свои, еврейки, ни белоруски.

Вот какой была моя бабушка, мама моей матери.

Я ее хорошо помню. По-русски говорила с мягким идишским акцентом, а глаза всегда лучились каким-то особым лукавством. Статная, красивая, она и в возрасте под 70-т ловила восхищенные взгляды старых ловеласов. В ее маленькой комнате все сияло чистотой, а подушки были огромные, с белоснежными накрахмаленными наволочками.

– Софья Евсеевна, Софья Евсеевна, ваш внук какой-то встревоженный, – стучит в дверь ее хозяйка.

– Ну, что стряслось? – гладит она меня по голове.

Рука теплая, мягкая, родная. Глаза излучают любовь. И ничего, что я внук приезжий, из соседнего города – любит она меня не меньше, чем внуков местных, живущих рядом в Мстиславле.

– Сегодня я первый день сел на велосипед и сразу же поехал, решил промчаться на высокой скорости по шоссе, но под колесо бросился котенок. Вот и свернул в сторону, – рассказываю ей причину своего падения. Сейчас меня больше волнует, как вернуть искореженный после падения велосипед, чем ободранные локти и коленки.

– Давай-ка лучше обработаем твои раны, – говорит бабушка, смазывая их чем-то, и лишь от одного ее прикосновения боль утихает.

Бабушка Соня, бабушка Соня... Рано похоронила мужа, потеряла на фронте сына Хаима-Ефима. После войны, до 1966 года, только и жила на маленькую пенсию, которую получала за него.

– Закрою глаза и вижу свою бабушку. Она не идет, а будто плывет по брусчатке древнего Мстиславля. Вижу, как уважительно с ней здороваются встречные. А бабушка только улыбается и мне, и им... Но это еще будет через многие десятилетия.

Вечером, как обычно, Соня, покормив семью и справившись по хозяйству, наконец-то прилегла. Рядом – пять черненьких головок Абраши,

Цили, Хаима, Малки и Рейзеле. За окном крепчает мороз, завывает ветер. Где-то рядом залаяла собака и тут же, жалобно взвизгнув, замолчала.

– Не случилось ли чего? – в тревоге присела на кровати Соня.

Рядом вскочил Давид, прислушался, и в эту же минуту постучали в дверь, потом – в окно, потом – опять в дверь.

– Давид, Соня, откройте, откройте! Отца убили! – влетел в дом, запорошенный снегом, с окровавленным лицом младший брат Арон.

Взрослые и дети с криком выбежали на улицу. Прямо через дорогу – дом деда и бабушки. Дом мельника был самым заметным в селе – большой, светлый, он всегда вызывал зависть у сельчан. В те тревожные двадцатые годы уже только то, что ты еврей, да еще хозяин мельницы, могло послужить поводом для безнаказанного разбоя. Тяжело ли кого подговорить, особенно, когда люди доведены до крайности. Старая власть сменилась новой, которая пришла в эту глухомань, но будто ее не было – поощряла разбой, разгром зажиточных хозяев, к которым как раз и относился мельник. Поэтому бандиты, которые орудовали здесь, чувствовали себя безнаказанными.

Утопая по колено в сугробах, дети мигом перебежали дорогу. Дверь широко раскрыта, оконная рама выбита, на полу – осколки стекла, а прямо в центре – окровавленный дед.

– *Это была страшная ночь, – вспоминала моя мать, и глаза ее наполнялись ужасом, будто она вновь переносилась в те далекие дни.*

В его дом вначале пытались ворваться ночью, сотрясая дверь мощными ударами.

– Приехали молоть зерно. Открывай мельницу! – голоса за дверью были чужими, грубыми и властными.

К старому мельнику частенько приезжали из соседних сел. Он никому и никогда не отказывал, иной раз даже далеко за полночь вскакивал со своей лежанки, спешил на помощь сельчанам. Но на этот раз, словно почувствовав что-то неладное, не спешил открывать задвижку. И в ту же минуту кто-то стал ломать дверь. Грохот ударов не прекращался. Старый Гедалий вместе с женой подтянул к дверям стол и маленький шкаф, чтобы хоть как-то заблокировать дверь. Вдруг перед окнами мелькнула чья-то черная тень. С треском упала на пол выбитая оконная рама. Через оконный проем в дом ворвался верзила в самодельном полушубке и с налета выстрелил в мельника. Его жена Хена за минуту до того успела спрятать-

ся. Младшего сына сильно ударили по голове, мертвым узлом привязали к стулу.

– Сидеть, не двигаться, иначе останешься здесь на всю жизнь! – приказали ему люди в масках и скрылись во тьме.

Почувствовав, что бандиты ушли, бабушка с трудом развязала узлы на веревке, освободила сына, который позвал на помощь Давида и его семью.

За окном продолжал завывать ветер, круша все на своем пути. Метель дико кружила и кружила, заметая дорогу, навевая сугробы за сугробами. Природа будто хотела задержать бандитов, наказать их за убийство старого еврея Гедалия Хенькина.

– Не могу даже сейчас об этом вспоминать спокойно. Сколько лет прошло – вся жизнь. Но и сейчас все вижу, будто наяву, – говорила мама.

Убийц, конечно, не нашли. Думаю, что их никто по-настоящему и не искал.

Сколько ей было тогда? Около десяти, а другим, младшим – еще поменьше. Получить такую психологическую травму в детстве, это на всю жизнь... Увидеть убитым родного человека. Как с этим можно было жить дальше?

Но сколько еще трудностей, грусти, переживаний и тревог ждали нашу будущую мать на жизненном пути!

На второй день вся семья покинула родной дом, унося в сердце на всю жизнь недобрую память о селе Доброе.

Глава шестая

КОГДА Я УВИЖУ ТЕБЯ, ИЕРУСАЛИМ?

... Дорога привела Залмана в Михалин, который на первый взгляд кажется обычным селом.

Но нет – и не село, и не обычное. Под боком у города Климовичи, рядом железная дорога.

День-два – и вот уже Могилёв, Минск, Москва. Правда, это всё больше в теории для молодых, горячих голов.

А скажите, куда прикажете ехать Залману? Ну, вот и все – приехали!

Пересекли всю Россию и Белоруссию, хоть из теплушек, но всё же увидели, как велика страна, и не везде дворцы – избышки. Всюду люди копошатся – на лугах, в полях, на дорогах. Такая же жизнь и в Михалине...

В еврейском колхозе им были рады, выдали лес на постройку дома. Вскоре Залман и справил новоселье, а еще раньше – его родной старший брат Айзик, который уже жил здесь со своей семьей.

Залман был очень привязан к нему, ибо с трех лет остался сиротой. Его мать и отца убили бандиты, и Айзик заменил ему отца...

...Крестьянское дело – дело привычное их мозолистым рукам.

За Михалином колхозники возвели новое здание фермы, закупили коров, вот и Сара опять при деле. Ну, а Залман снова на общих работах. За что ни возьмётся, всё может: и пахать, и сеять, и косить.

– Учись, учись у Залмана! – говорят молодые. – У нас таких, как Залман, больше нет. Кто прошёл германскую? Залман. Кто у нас осваивал Крым? Залман. Кто привёз молодых помощников? Залман. У кого жена самая лучшая доярка? Тоже у Залмана, – шутят колхозники.

Еврейские семьи многодетные. Казалось, только вчера малышня малышной, а вот уже и Давид подросток, и старшая сестра Злата расцвела, Муня взрослеет не по годам. Всего несколько лет прошло, и вот уже бежит, размахивая ручонками, Ханэле – самая младшая, любимица всей семьи.

В редкие минуты он любит помечтать, всегда хочется о лучшем, но только где оно? Далеко-далеко... И понимает Залман, что это неведомое, лучшее, постепенно уходит, растворяется... Дети, что их ждёт?

Газеты кричат о мире с германцами, но с ними Залман уже встречался в боях, в жестоких боях. Газом травили, взрывали всё вокруг, и всё под песенки, под музыку...

– Нет-нет, мир с немцами – как мир волка с овцами. Пока волки сыты – овцы целы. А как проголодаются – проглотят, – говорит Залман своему брату Айзику.

Часто собираются они семьями, вот и в этот вечер Пейсаха пришёл Айзик со всеми своими домочадцами. Сара расстелила белую праздничную скатерть, на столе – маца. Как всегда, проводит седе́р Залман.

На голове мужчин белые кипы, на столе – молитвенники «сидуры». Залман нараспев читает про евреев, про их исход из Египта, и будто видит себя в этом рабстве, словно читает про свою жизнь.

А он кто? Раб, всю жизнь раб. Чем жили рабы? Да тем же, что и он – все детство объедками с чужого стола. Что делали рабы? Работали до изне-

можения, как и он, Залман, за кусок хлеба. Воевал, потом снова работал, работал, работал – и так всю жизнь. А где она, другая жизнь?

«Бэ шана а-баа бэ Иерушалайм» – поют дети. «На следующий год в Иерусалиме» – мечтают все.

Видит себя Залман, будто он и в самом деле в том самом золотом Иерусалиме. Вот он в окружении своих детей и всех своих родных, и все в белых одеяниях.

Идут к «Котель ха-Маарави» – Стене Плача, а вокруг – горы, далёкие горы, внизу – Мёртвое море, на севере – Хермон со снежными вершинами, а посередине – зелёная Галилея. Его Сарэле протягивает ему спелую ветвь винограда. Молится и мечтает Залман. «Бэ шана а-баа бэ Иерушалайм, Бэ шана а-баа бэ Иерушалайм», – молятся и мечтают все Златкины.

Даже непоседа Ханэле притаилась, притихла в ожидании пасхального подарка. Вдруг, внезапно, как видение, Залман увидел дорогу. Дорогу от Михалина до Иерусалима.

Долгую дорогу, плохо освещённую, с какими-то ямами, какими-то памятниками посередине. Но в конце её горел яркий свет. Это было мимо-лётно, мгновенно, вспыхнуло и погасло... Что это было? Прозрение, про-видение?

– От Михалина до Иерусалима, от Михалина до Иерусалима, – внезапно для себя вспомнил Залман свои задушевные беседы с палестинским евреем Рувеном. Посмотрел на Айзика – что он скажет на его выходку?

Взглянул на Сарэле.

– От Михалина до Иерусалима! – подхватил воодушевленный пасхальным вином Айзик.

– От Михалина до Иерусалима! – то ли молились, то ли мечтали все Златкины.

Если бы они могли тогда знать, что только один из них, Давид, сын Залмана и Сары, увидит Иерусалим. Увидят Иерусалим его, Давида, дети и дети его детей.

Увидят Иерусалим еще правнуки и правнучки его двух двоюродных се-стер.

И все, все... Но об этом тогда никто не знал, даже не догадывался. Чело-веку ведь не дано знать, что его ждёт...

А всем остальным, кто в тот вечер Пейсаха находился за праздничным столом, не суждено будет увидеть Иерусалим.

Страшная судьба ждала их, и никто не спасся... Жить им оставалось считанные месяцы...

Но сегодня они все вместе за столом и счастливы...

Глава седьмая

ДВЕ СЕСТРЫ – ДВЕ СУДЬБЫ, ИЛИ... ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Жизнь идет своим чередом...

– Что пишет Арон? – поинтересовался Залман у старшего брата Айзика. Арон Златкин первым из семьи был призван в армию. Служил в центре страны. Перед призывом прислал свою последнюю фотографию в гражданской одежде...

– Пишет, что служит, что Красная Армия сильнее всех.

– Дай Б-г, – Залман погладил бороду. – А что у Златы?

Самая старшая из дочерей уехала на Украину, к брату Ефиму.

– Научилась шить на швейной машинке, нашла работу по новой специальности, а теперь зовёт одну из сестёр. Как думаешь, Залман, кого отправим? – спрашивает Айзик.

Он, старший по возрасту, всегда советовался с младшим, как ни говори, а Залман повидал жизнь!

– Вам решать, кого. Но само решение, может быть, и правильное. В городе всегда есть работа. Потом, попозже, и вы сможете переехать. Дети пойдут учиться. Там же есть техникумы, институты. Что им, как нам, крутить хвосты коровам?

Две сестры, Гися и Бася, сёстры-близнецы, всегда вместе, всегда рядом. Две помощницы, остальные дети – мал мала меньше. Кому ехать, кому остаться? И Злата будет рада сестре, и отцу нельзя оставаться с малышкой без помощи.

– Бросим жребий! – смеются сёстры. – Длинная соломинка – уезжает, а короткая соломинка – остаётся.

Смеются сёстры, сверкают белоснежными зубами.

– Гися, тебе первой вытаскивать жребий! – решает сестра.

Гися вытаскивает, в её руках... длинная соломинка.

– А теперь – твоя очередь! – Бася вытаскивает короткую соломинку.

– Едет Гися, Гися! – захопала дети в ладоши.

Если бы они только знали, что одна из них вытаскивает не просто соломинку, а свой пропуск, длиною в долгую жизнь, в жизнь будущих детей и внуков. А вторая... Ей выпадет горький жребий – меньше чем через четыре года она найдет свой страшный конец в братской могиле вместе с другими, расстрелянными фашистами, сельчанами.

Если бы знать, если бы знать... Но никому не дано предугадать будущее.

И сейчас, через годы, я мысленно представляю себя в тот вечер в Михалине, который стал позже родным и для меня. Будто вижу себя среди всех Златкиных. Ведь я тоже Златкин, сын уцелевшего. Что бы я сказал?

– Бегите все отсюда! Бегите! Уезжайте немедленно вместе с Гисей, иначе погибнете...

Над Михалином сгущались тучи – тучи войны. Очень быстро сгущались.

Война. Где-то далеко, далеко, возле Бреста. Так далеко, что кажется на самый восток Белоруссии ей и не добраться. Но и Климовичи пустеют, будто вымирают. Забрали молодых парней и бывших солдат. Пришла повестка и Залману, хотя ему уже за сорок...

– Одна просьба к тебе, брат! Не оставляй мою семью, не оставляй, – просит он Айзика.

Был Залман Златкин пехотинцем на Первой мировой, стал солдатом-сапером на Второй. Мог ли он тогда, в окопах под Варшавой в далеком 1914 году, подумать, что пройдут годы и он снова схлестнется в смертельном бою с германцами?

Глава восьмая

ЕВРЕЙСКАЯ ПОВОЗКА СУДЬБЫ...

Куда бы ни заносила судьба евреев, везде они старались выжить, дать счастье детям, спасти их...

Мстиславль – один из древнейших городов Белоруссии, расположен на берегу красивой реки Вихра. Евреи, которым запрещали жить в больших городах Российской империи, селились в таких маленьких городках, в так называемой черте оседлости. Как жили? Бедно, но весело. Справляли

свадьбы, брит мила за брит милой, бар мицва за бар мицвой, похороны на еврейском кладбище. И так – из поколения в поколение.

Большинство населения этого городка до войны было еврейским. В Мстиславле была еврейская школа, в город приезжали еврейские поэты, прозаики. Но незаметно еврейская жизнь здесь стала затухать. Еврейских поэтов посадили, расстреляли, школу закрыли...

Проучившись один год в еврейской школе, наша будущая мама перешла в белорусскую школу. Вопросы, куда идти дальше, не существовало – с самого детства моя мама мечтала стать учительницей. Педагогическое училище было в городе – нет нужды ехать далеко.

И вот выпускной вечер, направление на работу – и вся жизнь впереди. Вечером три сестры – взрослые, красивые, нарядные, вместе с другими еврейскими девушками вышли в городской парк. Старый Мстиславский парк, все такой же молодой, яркий, но почему-то народ вокруг невеселый, шепотком сообщают один одному, кого взяли вчера, куда приезжал «ворон» сегодня, кого арестовали... Страх, воздух наполнен страхом...

– За что людей забирать? Какие среди нашей бедноты враги народа? – недоверчиво пожимает плечами одна из сестер.

– А за что убили деда? Ты знаешь причину? Вот так, без причины и могут забрать.

– Еврей – это уже причина, – стреляет бойкая на язык Рейзеле.

Но вечер 21 июня 1941 года хорош! Да такой, что не хочется вести серьезные разговоры. Так хочется на танцплощадку, где уже кружатся в танце подруги!

А назавтра грянула война... И опустел город. Всех мужчин призывного возраста забрали в армию.

– Враг будет разбит. Население не должно поддаваться на провокации. Все – на строительство оборонительных рубежей! – запестрели заголовки газет, закричали радиоприемники. Прошло еще несколько дней.

Евреи стали покидать город. Из местного начальства никого уже нельзя было увидеть, те, бросив людей на произвол, уехали первыми.

– Германцы ничего плохого нам не сделали в Первую мировую войну. Никуда от своего дома не поеду! – заупрямился вдруг отец Давид, и упакованные вещи стали распаковывать.

Хочу представить, что было тогда. Везде неразбериха, страх, паника. Ехать – куда? Остаться – что ждет? Инициативу взял старший сын

Абраша. Я благодарен ему за это все годы. Если бы не он – не родился бы ни я, ни мои родные братья.

Держу в руках фотографии – на ней тот самый, уже постаревший дядя Абраша со своей женой Любой, рядом – наши родители, а стоят и сидят вокруг – только маленькая часть из тех, кто родился уже после войны – благодаря тому, что вывез свою семью из горящего ада Абрам Хенкин.

Если бы не Абраша – не родились бы двоюродные братья и сестры: Людмила, Светлана, Галина и Александр у Маруси. Не родились бы Дима и Алла у Раи. Не родились бы Лева, Аня и Вера у самого Абраши. Не родилось бы пятеро сыновей у нашей мамы.

Если бы не наш будущий дядя Абраша, не родились бы и наши внуки, которые сегодня готовятся к службе в рядах израильской армии, заканчивают школу. Никто бы не родился, ни сейчас, ни в будущем...

Подогнав коня с телегой, он с криком ввалился в дом:

– Срочно грузитесь! Выносите самые необходимые вещи!

Стали выносить – все как будто и нужно. Увидев, что переполнена повозка, Абраша стал сбрасывать все узлы подряд, не выбирая.

– Кого спасаете – посуду или себя?

Отъехали километров пять-семь от города, сделали привал.

– Посмотрим, может, наши еще отгонят германцев, потом вернемся, – заметил Давид, все еще не желая уезжать на чужбину, будто чувствуя, что из нее он уже не вернется. Так и случится. В 1943 году его похоронят возле мельницы, на высоком холме в Оренбургской области.

Ночь прошла в ожидании. Наутро мужчины решили проверить, что в городе, взять из дома что-то из съестных запасов. Только выехали обратно, как услышали позади себя глухие разрывы – город начали бомбить, со всех сторон пламя. Начался пожар. Багровое зарево, столбы дыма поднимались над городом. Город горел, его разрывали на части. Хищники подошли к древнему Мстиславлю.

Это было какое-то невиданное чудо, что семья моей матери за день до прихода немцев, 13 июля 1941 года вырвалась из горящего Мстиславля. 14 июля 1941 года немцы оккупировали город, вошли в него. Всех евреев ожидала страшная участь...

«15 октября 1941 года всех евреев – жителей города – согнали на рыночную площадь. Мужчины и женщины были построены отдельно. Сначала отобрали 30 стариков-евреев, отвезли их на машине в Лешенский ров и там расстреляли. Из еврейских женщин немцы отобрали молодых,

загнали в помещение магазина, раздели догола, подвергли истязаниям и изнасилованию. Затем всех остальных евреев погнали к Кагальному рву. Там заставляли раздеться догола и затем расстреливали. Так были убиты сначала все мужчины, а потом женщины с большими детьми. Маленьких детей убийцы на глазах матерей удаляли друг от друга и бросали в ямы живыми. Этот кошмар продолжался с 11 до 16 часов. Когда расстрел закончился, палачи начали делить одежду своих жертв. Под одеждой обнаружили двух женщин-евреек, которых сразу же расстреляли. Очевидцы рассказывали, что после расстрела вода в Кагальном колодце была красной. Евреи Мстиславля были подвергнуты поголовному истреблению. Спаслись всего несколько человек. В основном, это молодые женщины, похожие на русских», – рассказывает Владимир Цыпин, родственников которого тоже расстреляли в Мстиславле, в своем интернетовском материале.

Возле Кагального колодца было уничтожено, по меньшей мере, три тысячи человек.

О страшной трагедии мало что рассказывается сегодня. Я зашел на сайт города Мстиславля. Город старинный. В конце девятнадцатого века здесь проживало почти пять тысяч евреев при общей численности населения в восемь тысяч. В двадцатые годы здесь было более трех тысяч евреев. Сегодня в документах истории нет ни слова о том вкладе, который внесли евреи в развитие города и вообще Белоруссии. Нет ни слова и о Мстиславской трагедии. Не странно ли, что она будто бы продолжается здесь и дальше, если замалчивается, если места расстрела поросли бурьяном...

Расстрельная команда в основном состояла из местных, из белорусов. Многие из них приходили в гости к евреям, сидели за одним столом, были друзьями.

Моя мама, ее семья оставили позади себя ад, кромешный ад, где была верная смерть. Но впереди были такие испытания, что, если бы они знали, что им предстоит, еще неизвестно, какую бы выбрали дорогу.

...Я мысленно представляю себе горящее, тревожное лето 1941-го года, когда всем на той войне, а, тем более, евреям, негде было спрятаться. Сколько раз мне об этом рассказывала мама. Я на миг закрываю глаза, и будто там, там...

Васильки, голубые васильки, белые ромашки разбежались вдоль дороги. Пройти бы по ним не спеша, подышать свежим воздухом, взять в руки молодые колоски и, потеряв их, наполнить рот этими свежими зернами.

А потом, потом лечь на спину и любоваться белыми облаками. Может, и стоит так делать. Тогда покажется, что там за рекой, за лесом, где остался горящий Мстиславль, все неправда, все какое-то наваждение, все какой-то вымысел или сон, страшный сон.

Но замысленные кони мчатся один за одним по дороге. Бегут по обочине с узлами в руках беженцы.

– Давай, родная, давай! – погоняет лошадь Абраша.

А отец Давид, как самый опытный, поглядывает на небо, как будто предчувствуя, что именно оттуда может появиться опасность.

Такое тихое синее небо, и вдруг... тишина исчезла. Ее заглушил рокот моторов, и вот уже чужие самолеты выскочили из-за облаков, громадные и страшные, с черными крестами с двух сторон. Они пошли в атаку на повозки. На людей.

– Мама, мама! – вскочили из телеги дети. – Быстреей, быстреей!

До спасительного леса – совсем немного, там можно хоть спрятаться среди деревьев, залечь в какую-то канаву. Ноги подгибаются от страха, от ужаса, будто приклеились к земле. А бежать надо, надо... бегут одна за одной дочери, и, останавливаясь, поджидают мать, отца.

Машут руками, кричат, плачут, торопят родителей, а куда им угнаться за молодыми? А как дети могут оставить родителей? Вот и не добежали до леса. Рядом раздается взрыв... Взлетает вверх куча земли, травы, кустов. Пули визжат, свистят, кажется, что ищут, хотят найти людей.

– Падай, падай! В жито, в жито! – кричит кто-то.

Густой стеной когда-то здесь стояли хлеба. А теперь они сломаны, помяты.

Как хочется прижаться к земле, как хочется найти в ней спасение! Забраться поглубже, чем-то укрыться, чтобы не увидели сверху, в самолете. Все вокруг гудит, шумит, грохочет, и вдруг... стихает.

Постреляв по безоружным мирным людям, немецкие летчики взмыли вверх. Как видно, шли на какое-то основное задание. Но, увидев колонну людей, решили здесь поразмяться, оставить свой кровавый след. Пять минут тому назад здесь был рай, приволье, каким всегда славится белорусская земля. А теперь все исковеркано. В кювете подрагивают подстреленные лошади. Разбросаны вещи. А прямо возле голубых васильков – самых красивых цветов Белоруссии – чья-то кровь, и уже нет голубых васильков – васильки цвета крови. Кругом крики людей, детский плач, рыдания.

– Вперед! – гонит лошадь Абраша. И чтобы легче было ехать, молодые спрыгивают с повозки, бегут рядом и толкают ее, толкают под горки, которые на дороге появляются одна за одной.

За лесом уже Россия, а там, если повезет добраться, наверняка будет железнодорожная станция. Только бы успеть на какой-то поезд!

– Быстрой, сынок, быстрее! – торопит его Соня, всегда спокойная, хладнокровная.

Она берет власть в свои руки.

– Куды, куды, жида? – выскакивает с палкой посреди дороги какой-то мужик, а за ним еще тройка таких же лохматых, выпивших.

Впереди разобран мост, под ним – река. Видимо, специально его и разобрали, поджидая здесь беженцев.

Абраша решительно шагнул вперед.

– Вот что, хлопцы, не берите грех на душу, Если нам суждено погибнуть – пусть это сделают немцы, а не вы. Вам нужны наши вещи, деньги – забирайте. Дайте только проехать через мост.

Не было дорогих вещей, не было много денег. Сбросили бандитам самое необходимое – какие-то кофточки, какие-то туфли, какую-то еду. Не ожидая такой напористости, мужики дали дорогу. Они, видимо, еще не созрели к тому, чтобы убивать евреев, к этому еще время не пришло. Но оно придет, придет. Не зря же в Белоруссии поголовно убивали. Остались в живых единицы.

И снова в путь. Где на повозке, где пешком. Подальше от деревень, от людей. И все по проселочным дорогам. Когда застанет ночь, то лучше ночевки, чем в стогу сена, не найти. Или где-нибудь на лесной лужайке. И вот наконец выскочили на широкую дорогу. Впереди показались стационарные постройки.

– Нет места в эшелоне! В первую очередь – раненых! – отшвырнули семью на перроне.

– Наш сын на фронте с первых дней, – показывая его документы, не отступали Соня и Давид. – Второй сын, как только нас посадит, тоже уйдет на фронт. Как же они будут воевать, не зная, где мы и что с нами? – спрашивали они военных начальников.

Конечно, если бы была сила или наглость, они могли бы кого-то отбросить от дверей вагона, заскочить и занять чьи-то места. Но не было у этих людей ни силы, ни наглости, не были они приучены силой что-то выбивать в жизни.

– Хорошо, отдайте нам для наших нужд своего коня, а сами садитесь в товарняк, – сжалился какой-то военный командир.

Повезло, ой, как повезло...

В простреленной уже несколько раз теплушке семья беженцев примостилась в уголке вагона. Перестукивают колеса вагонов по рельсам: тук-тук-так, тук-тук-так... Усталые, измученные, свалились прямо на полу. Рядом – такие же изможденные. Все забито людьми до сантиметра. Ни встать, ни лечь. Где нашли место – там и не повернуться, и не выпрямиться. А поезд мчится из горячей Белоруссии в российский тыл, все дальше и дальше. И снова вой самолетов, и снова бомбежки.

– Проскочили, проскочили, – кто-то говорит, всматриваясь в узкую дверь. А рядом на соседней колее разбросаны вагоны – здесь только что прошел поезд, который разбомбили буквально за полчаса до их эшелона.

Не сосчитать, сколько было бомбежек, сколько раз соскакивали с подножки вагона и бежали куда-то укрыться, сколько раз не досчитывались своих соседей по теплушке. Но, видимо, Б-г берег мою будущую маму и ее семью.

На одной из остановок, когда беженцы вышли из вагона немного отдохнуть после тяжелой поездки, к ним подошла группа военных:

– Сколько девчат! Дайте нам одну на всех! Такие молодые, как вас зовут? – обратились они к Соне.

Соня первая обратила внимание на то, что они говорят с каким-то акцентом. Ведь все боялись немецких диверсантов, а они здесь могли ходить в открытую.

– Да какие они девчатки? Тифозные, туберкулезные! – замахала руками мать. Перед этим всем дочерям приказала намазать лицо какой-то сажей или краской, повязать старые косынки, стараться горбиться. А когда непрошенные знакомцы отошли, сказала:

– Если кто из них услышит еврейские имена, все поймут, кто мы.

В тот вечер Рейзеле стала Раей, Малка – Марусей, а моя мама, которая с детства не любила свое имя Циля, решила, что будет Ириной – это имя ей нравилось давно.

Эшелон продолжал свой путь в глубь России: под бомбежками, под пулеметными очередями. Не только семья моей мамы – тысячи и тысячи еврейских семей из стального поколения спасались от врага, чтобы по-

том, вернувшись домой, продолжать жить дальше – создавать семьи, рожать детей.

Пройдут годы – и снова еврейская волна поднимется с насиженных мест. И те осколки, которые остались после войны в живых, создав свои семьи, привезут их в Израиль. Но это все еще будет в далеком будущем.

А пока предстояло пройти очень много дорог!

Глава девятая

Я ВЕРНУСЬ, МАМА...

А война уже приближается к Михалину, вовлекая в свой страшный водоворот все новые и новые судьбы...

Давидка прикрыл глаза – и вот она – последняя ночь, а завтра на фронт! Подошел к окну – распахнул его. В дом ворвался теплый июльский вечер. Где-то далеко пылало зарево. Там война, приближается все ближе и ближе. Протянул руку, и вот она – мама Сара, мама Сара в двух метрах. Широко раскрытые глаза, наполненные слезами.

– Что будет с ней, с детьми, – ведь обещал отцу Залману, оставаясь за старшего, беречь их. Оказывается, слова не выполнил, покидает семью...

– Но меня же призывают, – успокаивал себя.

В то же время другой голос говорил, что сам же бегал в военкомат, просился на фронт. Кто из твоих ровесников – русских, белорусов идет вместе с тобой? Кто?

Уходил на фронт еврейский Михалин, уходили все еврейские ребята вместе со своими белорусскими друзьями. Но никого не было моложе моего отца, ему было тогда всего 17 лет...

Над Михалинским большаком стояла редкая тишина. Вековые березы, высаженные вдоль сельской дороги, ведущей из поселка Михалин в город Климовичи, что в Могилевской области, будто понимали состояние людей. Не шумели ветвями, не шелестели листьями. Еврейский колхоз «Энергия» провожал на фронт своих сыновей. Не было уже сил на слезы, на причитания, в последние дни хотели только словом обмолвиться.

Маленький взъерошенный Давидка все не мог оторвать от себя заплаканную мать, брата и двух сестер.

– Какой ты солдат?! Еще и 18-ти нет, меньше всех... – говорила ему Сара, имея в виду друзей его детства – братьев Лайвантов, Болотиных, Стукало и других еврейских ребят.

– Мама, что ты! Нас же много, мы победим! – задиристо отвечал Давид.

С улицы его уже звали ребята, послышалась команда: «Строиться!» Десятки еврейских парней еще и еще раз бросали свои взгляды на родной Михалинский большак, на эту дорогу. Здесь прошло их босоное детство, отсюда они уходят навстречу врагу.

Сара, несколько дней ранее проводившая на фронт своего мужа Залмана, а теперь и старшего сына Давида, молилась во всеуслышание, чтобы еврейский Б-г их сберег.

Все дальше и дальше уходили совсем еще мальчишки, в одночасье ставшие воинами. Сара всматривалась вдаль, все искала в колонне своего первенца. Вдруг она увидела, как кто-то из последних рядов, самый маленький по росту, приостановился.

– Наверное, это Давидка. Что с ним? – встревожилась мать.

И вдруг она услышала его звонкий, такой до боли родной голос:

– Мама! Мама! Я вернусь! Ма-ма...

И колонна призывников скрылась за последними березами большака...

Что помогло этому пареньку, ниже среднего роста, с горящими глазами, невзирая на возраст, попасть на фронт?

Возможно, судьба, которая должна была сохранить ему жизнь. Ибо, не уйдя на фронт, он остался бы в том же котловане, который ожидал его семью.

Судьба его хранила, но готовила такие тяжелейшие испытания, которые не в силах был вынести даже зрелый взрослый мужчина, а не то, что этот 17-ний еврейский подросток...

Глава десятая

ШЕСТОГО НОЯБРЯ 1941 ГОДА. А ГОРОД МОЛЧАЛ...

Проводив мужа и сына, Сара осталась с младшими детьми.

В ночь с 5 на 6 ноября 1941 года она не могла сомкнуть глаз. Прикорнув на полу возле самой младшенькой, Ханы, все поправляла на ней какое-то покрывало. Старший, четырнадцатилетний Муня, не отходил от окна и молчал, не мог выговорить ни слова.

– Что делать, мама? – тревожно спрашивал он. – Как спастись?

– Что можем мы сделать с маленькими детьми? Как все, так и мы... В городе есть еще евреи, переселят нас в одно место, как обещали, а там видно будет. – Отвечала Сара, успокаивая сына.

Только сама своим словам мало верила.

Прошли годы, и я хочу как-то осмыслить по возможности ту ситуацию, в которой оказалась семья моего отца. Сотни и сотни евреев оставались в Климовичах, в Родне, в Милославичах и в других крупных пунктах района. Все смотрели друг на друга, надеялись, что фронт пройдет где-то стороной, все как-то обойдется и не придется с маленькими детьми, без денег, без запаса продуктов отправляться в дальнюю дорогу.

Были и такие, которые уверяли, что германец не страшен для еврея, мол, идишь и немецкий – почти один и тот же язык, и в первую германскую немцы относились хорошо к мирному еврейскому населению.

Другие молились и не хотели ничего видеть вокруг себя, да ещё и сдерживали других от активных действий. Мол, нужно надеяться только на Всевышнего.

Кто-то вообще успокаивал, мол, всё это манёвры Красной Армии – вначале она отступает, отвлекает врага, втягивает в кольцо окружения, а потом, как ударит по врагу! Многие боялись попасть под бомбёжки, прямо в лапы к немцам, надеялись тихо отсидеться в родных местах. «Кому мы нужны в этом захолустье. Здесь нет никаких оборонных центров, воинских частей. Германец сюда и носа не покажет».

Фронт откатывался от западных границ всё дальше и дальше, почти без сопротивления.

Работая в газетах Белоруссии и России, я встречался со многими фронтовиками.

– Понимаешь, была общая неразбериха, что вообще присуще российской действительности. Не было никакой информации о происходящем. Вся связь была нарушена, – рассказывал мне один фронтовик.

– Не было оружия, не было тылов, – вспоминал другой, боевой офицер, прошедший всю войну.

Скажите, если была такая неразбериха везде, сверху донизу, то, что мог сделать в той обстановке простой еврей из маленького местечка, а, если конкретно, – что могла сделать моя бабушка Сара, 33 лет от роду, с оставленными на её попечение тремя детьми?

Я сегодня старше её вдвое. Мои дети старше её ... Для меня она так и не успела стать бабушкой...

Я часто думаю – бабушка Сара, бабушка Сара, почему же ты не убежала с детьми? Почему не вырвалась из огненного кольца? Ведь многие выбрались, успели вырваться. Что помешало тебе остаться в живых? Задаю ей вопрос через годы, через время и представляю ответ:

– Куда я с детьми одна? Муж Залман и старший сын Давид – на фронте. Дочке Злате – 15 лет, сыну Муне – 14, самой маленькой Хане – 4 года. Сколько же километров я бы ее пронесла на руках – без еды, без воды, без одежды?..

Но другие ведь вырвались, вырвались...

Задаю мысленно вопрос брату моего деда Айзику.

– Айзик, Айзик, ты же мужик, не такой уж и старый – моложе меня, сегодняшнего, на 10 лет. Что же ты не взял на себя ответственность за семью, почему ты медлил? Будто вижу его, взволнованного, расстроенного. Седая борода включена, глаза горят...

– Ты знаешь, сколько нас было всех Златкиных? 13 человек. Это не одна повозка и не две. А где их можно было найти?

– А поезд? Он ведь отходил от станции Климовичи, и сотни евреев поспешили уехать в эвакуацию.

– Поспешили, спаслись. А мы вот не успели... Хотя и пытались... Да только ли мы?

Город опустел. Канонада приближалась всё ближе. Снова и снова вижу эту картину, как хотели вырваться, но не смогли...

– Айзик, я видел в кустах двух колхозных коней. Давай их возьмем и уедем отсюда поскорее! – вскочил в дом запыхавшийся Муня. – Быстро, быстро за мной!

Колхозные кони, вырвавшись на волю и уже одичав, не подпускали к себе людей. Но Айзик, столько лет работая с лошадьми, зная их повадки, подбирался, подбирался, пока не ухватил за холку одного, а потом и второго коня.

Нашли и отремонтировали какие-то брошенные повозки. Быстро набросав кое-что из вещей, погнали коней на восток. Климовичи – Родня, грунтовая дорога. За ней – поворот на Хотимск. Ну, а там уже рукой подать до России. Там – железная дорога, по которой ещё иногда проскакивают эшелоны.

Гонит лошадь Айзик, гонит лошадь Муня, ставший в 14 лет старшим мужчиной в семье моего отца. Выскочили за город. Впереди – зелёное поле, за ним – лес, все ближе и ближе его зеленая полоса...

Вдруг появляется белое облачко, потом второе, третье, десятое...

– Что это, что?! – заломила руки Сара.

– Немецкие парашютисты, – побледнел Айзик.

Вскоре навстречу несчастным беженцам выехали в зелёных мундирах с автоматами мотоциклисты. Окружили беженцев, замахали руками.

– Цурюк, цурюк! Назад, назад!

Может, одного дня, а может, полдня, а может, только одного часа не хватило моим родным. Ещё бы чуть-чуть, только чуть-чуть, и они бы проскочили эту полянку.

Не проскочили... Всё остановилось, опрокинулось, потеряло смысл.

Возвращались обратно под конвоем немцев. Но возвращаться было уже некуда.

Прошло всего несколько часов, как уехали, а те, кто раньше были хорошими знакомыми, почти друзьями, вынесли из домов евреев все, что было возможно.

Первой это заметила Сара, увидев у одной соседки свою косынку, на другой – жакет.

– Люди, люди, что же вы делаете?! – хотела кричать, но из горла вырвался только сдавленный хрип.

Опустевший, разграбленный дом, голые окна без занавесок.

– Ну что, жидовка, убежала? Теперь всех вас порешат, всех до одного! – вбежал в дом сосед Володька.

За ним выглядывал его сын Стасик, ровесник Давида.

Сколько раз они приходили в дом к Златкиным, сколько раз угощала их ласковая Сара. Кто бы мог подумать, что друзья отца и сына станут её врагами.

– А ты не боишься, что Залман и Давид вернуться и рассчитаются с тобой? – выскочила к ним навстречу боевая Злата Златкина.

– Рассчитаются? – хмыкнул Стасик, – Да они уже никогда не вернуться живыми, и вас тоже порешим!

– Всех порешим, всех! – доносилось с улицы.

...Как жили – трудно сказать. Да и не жили уже, а дожидались своего конца, как избавления от этого ежедневного кошмара. Другого избавления для них было не дано, всем было суждено принять мученическую смерть. За окном ударила гроза.

– Злата, Злата, мне страшно! – вскочила маленькая Хана. Прижалась к матери.

– И я не сплю, мне так давит сердце, так тяжело, как будто что-то случится, – подняла на мать заплаканные глаза Злата.

Вскочил взъерошенный Муня. Сверкнувшая молния высветила на стене листок календаря – 6 ноября 1941 года.

Обычно в эти дни праздновали годовщину Октябрьской революции. А каратели именно в день 24-й годовщины запланировали провести военную акцию. Окружили город воинскими подразделениями, полицейскими нарядами, будто перед боевой атакой, хотя в атаку нужно было идти на обычных мирных жителей, в большинстве своём стариков и детей – молодые еврейские мужчины и юноши были на фронте.

...Утро, ноябрьское утро. Яростно залаяли собаки. В дом с грохотом ворвались полицейские.

– На выход! – закричали они, выталкивая из дома.

Все больше и больше людей вливалось в многоголосую толпу. По всей округе разносился детский и женский плач, крики бессилия. Мерзлая ноябрьская земля была твердой, будто отталкивала от себя людей, чтоб они могли куда-то улететь. Черное грозное небо тяжестью придавило медленно ползущую колонну. Убегать было некуда, со всех сторон – собаки, полицейские. Впереди зеленели редкие фигуры немцев.

– Гады! Не дождетесь моей смерти! – с криком бросилась в придорожный колодец красавица Рива.

А город молчал... Бывшие соседи отворачивали глаза, не зная, чем можно помочь. Но таких сочувствующих было немного – больше равнодушных, а еще больше тех, кто считал, что так евреям и нужно.

– Куды не глянь – усюду яврэи, а зараз без их и дышать буде лягчей. – Выступал один из полицейских.

Да и кто был в этой еврейской толпе – самые бедные, самые обездоленные. Мужчин давно забрали на фронт. У кого были дети постарше – успели уехать в эвакуацию. А что могла Сара и такие, как она?

Колонна со слезами, с криком медленно доползла до амбара.

– Заходи! – слышалась команда.

Люди с надеждой зашли в помещение, думая, что их определяют на какой-то постой. Но через несколько часов в дверях появились полицейские с оружием. Выхватив передних, они повели их к яме...

– Еврейский Б-г, где ты? Ты разве не видишь, как убивают твоих детей? – молился старый раввин.

– Давид, Давид, сын мой! Останься хоть ты в живых! Живи за нас! – кричала в небо Сара, которую вместе с детьми подталкивали все ближе и ближе ко рву...

В этот день 6 ноября 1941 года в маленьком белорусском городке Климовичи было расстреляно около тысячи евреев. Немцы считали это своей большой военной победой. Город был очищен. Правда, единицы из них спаслись. Среди климовчан оказалось несколько праведников, которые, рискуя своей жизнью, спасали своих соседей, своих друзей. Но это были единичные случаи.

Родные мои Златкины, которых я никогда не видел – бабушка Сара, Муня, Злата, Ханочка, Айзик, Генух, Хая, Софья, Марик, Гирша, Хаим, Бэйла, Бася, а еще двоюродные братья и сестры Златкиных – всего несколько десятков человек в тот день были зарыты во рву за городом Климовичи...

Жители рассказывали, что еще не один день земля ходила ходунком, истекая кровью невинных жертв.

Земля будто оплакивала невинные жертвы. Ибо кроме нее было некому. А город молчал, продолжал жить свое обычной жизнью, как будто ничего и не произошло.

Глава одиннадцатая

ЗАЛМАН – МСТИТЕЛЬ...

Причудливы дороги войны, ее изгибы неисповедимы...

Ночь прошла, взмахнув чёрным крылом. Комбат, соскочив с подножки машины, направился к бойцам:

– Разгружайтесь, срочно на построение!

Позади долгие фронтовые дороги в колдобинах, с ямами, переполненными водой. Машины проваливались. Одна заглохла, вторая. Наконец, приехали. Сапёры слушают команду офицера:

– Наша задача – навести переправу, – говорит он. – Утром будет танковая атака. Не будет вовремя моста – атака сорвётся.

– Все к переправе! А вы, – приказал командир Залману и ещё пятерым солдатам из его отделения, – в оцепление!

Залман кивнул головой в знак согласия. Бывалый солдат, он не был старшим по званию, такой же рядовой пехотинец, как и пятеро молодых бойцов, вместе с ним обосновавшихся на высоте в обороне. Он был старшим по годам, и они молчаливо слушались его.

Где-то трещит кузнечик...

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку... – доносится из леса.

– Кукушка, кукушка, сколько мне осталось? – улыбнулся в темноте чужеземный казах Арсенбаев.

– Ку... – повис одинокий звон кукушки.

Побледнел Арсенбаев, повернулся к Залману:

– Отец, ты слышал?

– Да брось ты! Кукушка знает, кому сколько осталось? Улетела далеко, ты и не расслышал.

Прислушался молодой казах, но нет кукушечьей трели, нет, слышен лишь треск мотоциклов.

... Немцы.

Залман тревожно взглянул на бойцов.

– Ну и что? Сколько их уже было у нас? И где все? – грозно прикрикнул сержант Дуктов и скомандовал:

– Взвод, приготовиться к бою! Без моей команды не стрелять!

Грохот мотоциклов как будто заполнял всё вокруг. Казалось, словно нет ничего, только эта сосновая дорога с примятой травой, по которой мчатся немцы.

– Подпускаем поближе и стреляем в упор, а пока тихо, тихо! – шепчет сержант.

Залман прильнул к автомату. Сколько уже оружия он сменил за свою жизнь? В первую мировую – трёхлинейка, потом – винтовка, а теперь вот – автомат, добытый в бою.

Мирный человек, крестьянин, колхозник, любил всё живое, и вдруг... убивать! Но на войне как на войне – врага пожалеешь, он тебя убьет, не задумываясь.

... Все ближе и ближе зелёные фигурки. Мотоциклисты приостановились, о чём-то переговариваются.

– Разведчики... – протянул один из бойцов.

– Разведчики, – добавил второй. – За ними пойдут основные силы.

Время пока работало на советских бойцов. Главное – протянуть это время, дать ребятам закончить работу.

На переправе издали доносились частые удары топоров, скрежет металла, шум моторов. Немцы, прислушавшись, вскочили на мотоциклы и быстро покатали по дороге к переправе.

Впереди была небольшая высотка, на которую они не обратили внимания. Здесь-то и расположилась горстка бойцов...

Залман прицелился в белокурого немца, который, одной рукой управляя мотоциклом, второй держал наготове автомат. Как только он подъехал поближе, Залман, по команде взводного, выпустил очередь в мотоциклиста. Мотоцикл перевернулся колёсами вверх, а немец вылетел из коляски. За минуту-две всё было окончено.

– Срочно убрать мотоциклы с дороги, подобрать оружие, убрать убитых! – скомандовал командир.

Залман быстро подбежал к «своему» немцу, оттащил его в сторону. Потянувшись за его оружием, заметил сумку с документами, которые надлежало передать командованию – может, там была какая-то важная документация. Раскрыв сумку, Залман остолбенел. На траву выпала фотография. На ней убитый немец стоял вместе с другими автоматчиками в цепи, а перед ними – повозка с людьми.

Среди сидящих в повозке Залман сразу узнал Сару и своих детей.

– Узнал, узнал... – через годы рассказывал он нам, своим внукам.

– Да не может этого быть, дед. Это война, тысячи дорог на войне, миллионы немцев! И вдруг именно тот самый немец, что повернул обратно повозку с твоей семьёй и тем самым отправил её на смерть, встречается тебе во время боя? Это просто невозможно, в это нельзя верить! – доказывали мы своему деду уже после войны много-много раз.

– Может быть, это была цыганская кибитка, а вовсе и не повозка с еврейскими беженцами? – убеждали мы деда и себя самих.

– Может, это была и не моя семья... Может, это было и не в Белоруссии, а где-то в России, или на Украине... Но мне тогда так показалось, показалось... – шепчет дед.

– Может, показалось, а может, и нет, – соглашаемся с дедом Залманом и мы. – А что было дальше? – выводим мы его из оцепенения.

– Дальше?

... А дальше, Залман, потеряв страх, закричал, как раненый зверь, поднялся во весь рост и, спрятавшись за огромную берёзу, выпускал одну за другой автоматные очереди.

– За Сару, за Злату, за Муню, за Хану, за Айзика, – кричал он в бешенстве.

Пули свистели рядом, разрывая берёзу на части, откалывая от неё сучья, ветви. Залману было всё равно. Он не боялся смерти, он искал её, чтобы встретиться со своей семьёй. Неведомым ему чувством дед понимал, что их больше нет. Что-то ударило рядом, подбросило вверх... Дальше темнота...

...Очнулся Залман уже в медчасти.

– Живучий ты, солдат! – улыбнулся ему медбрат. – Тебя не ранило, только присыпало сильно землёй. Контузило. Нашли тебя, когда подошли наши, которые и отбросили немцев. Ты был без сознания.

– А Арсенбаев, где он, где? Что с ним? – вдруг вспомнил Залман своего юного друга-казаха.

– Вот он, лежит под простыней.

– Сынок! – схватился за кровать Залман. – Тебе же жить да жить! Как же так, как же так?

– Ты его спасал, тащил в укрытие, а он тебя своим телом закрыл. Пулёмётная очередь вся прошла по нему. Так и нашли тебя живого под ним.

– **Сынок, сынок... – стонал Залман, прощаясь с молодым казаком. В эту минуту он видел не только его, а своего Давида. Где он? Что с ним?**

Глава двенадцатая
КРОВЬ НА СНЕГУ

А сын Давид в это время замерзал в подмосковных снегах. В ночь их подняли по боевой тревоге, выстроили на плацу напротив казармы. Седовласый полковник – начальник танкового училища, не смог сдержать своего волнения.

– Сынки! Москва в опасности! Враг на подступах к столице. Бросили всех – ополченцев, студентов. Теперь бросаем в бой вас – курсантов офицерского училища. Жаль, что вы не доучились. Вместо лейтенантов выпускаем вас старшими сержантами. – И, помолчав немного, добавил:

– Дети мои! Нужно отстоять нашу Москву. Берегите себя!

Утром их бросили на защиту одного из участков столицы. Молодые, красивые, гордые шли курсанты в бой, нередко поднимаясь в контратаку во весь рост на заснеженных полях, но своим героизмом, плохо вооруженные, они не могли противостоять фашистским подразделениям. И редели, редели курсантские ряды в грохоте разрывов бомб, снарядов, автоматных очередей... Но врага останавливали, как могли...

Находясь один в наскоро вырытом окопчике, Давид поджидал серую громадину танка с ужасным черным крестом, только теснее вжимаясь в землю. Оружие – никакого, подбирали у погибших старые винтовки. У самого только – бутылка «Молотова». Учили пропустить танк, а потом ударить по нему сзади.

Учили, учили на словах. А на деле?

Надвигается громадина, извергает пламя. Не расстреляет, так задавит. Не выдерживают нервы у солдатиков из соседнего окопа.

С криками «А-а-а» выскакивают навстречу танкам, кто с поднятыми руками, кто с бутылкой «Молотова», но даже не успевают поднять ее...

Расстреливают и тех, кто сдается, и тех, кто сопротивляется...

Падают солдатики на заснеженных полях. Вокруг – бешеный огонь, и нет спасения...

Давид закрыл глаза, теснее прижался ко дну окопчика, слыша, как над ним проезжает танк. Как только его грохот чуть удалился, сразу же вскочил из окопа, брошенного землей и... бросил в танк бутылку с зажигающей жидкостью. Еще успел увидеть, как языки пламени лизнули по броне

и все... Только почувствовал, как тело прошила в нескольких местах боль. Темнота... Неподвижность...

Все это вспомнилось ему за считанные доли секунды, когда пришел в себя. Попробовал пошевелиться – не получается, нога примерзла ко льду. Захотел попить, нащупал в ложбинке немного жидкости, намочил пальцы, поднес ко рту. Вода была какая-то неприятная, отталкивающая.

– Да это же кровь... Моя кровь... – понял Давид.

Он лежал в луже собственной крови, все больше и больше примерзая к земле. Уже не было желания пошевелиться ни от боли, ни от потери сил. Почувствовал сладкое недомогание, забытье. Стало вдруг тепло-тепло, хорошо-хорошо, и Давид все больше и больше втискивался в мерзлую московскую землю, все больше и больше покрываясь снежной порошей, так же коченел, как его сотни и сотни боевых друзей и товарищей. В последний миг, когда он уже почти полностью потерял сознание, вдруг что-то резко его толкнуло, будто ударило. Юноша старался очнуться, но уже не мог да и не хотел.

– Сынок! Давид! Сынок! – показалось, услышал голос мамы, такой родной голос! Он звал его, поднимал, кричал, возникая откуда-то из небытия, и был такой недовольный, как в детстве, когда Давид проказничал.

– Что? Что? Что? – пытался сообразить Давид, приоткрывая веки, дернулся всем телом, сильнее, еще сильнее. – Так я ранен, я замерзаю. – Лихорадочно думал он. – Мама, я же обещал тебе вернуться, обещал, обещал... – стискивая зубы от боли, оставляя позади себя кровавый след на белом снегу, упрямо полз и полз вперед еврейский паренек – наш будущий отец, которому тогда исполнилось только восемнадцать...

Москву защищали вот такие солдатики – мальчишки, как Давид, столичные ополченцы – студенты, профессора, жители города. Часто, не зная даже, как пользоваться оружием, они шли в бой.

– Москву мы держали до прихода свежил сил. Когда пришли сибирские полки в белых полушубках – обученные, вооруженные, стало ясно, что Москву врагу не взять, – вспоминал отец через годы.

Глава тринадцатая
И СНОВА РАНЕНИЕ

...Резко ударил в нос тошнотворный запах наркоза.

– Считай, сержант, до ста, – услышал Давид голос врача и понял, что он в госпитале.

Грузный, большой, он наклонился над ним, убирая со лба черную прядь волос.

– Совсем еще ребенок, и двадцати еще нет, а уже второе ранение, да еще такое тяжелое. Жаль парня, на всю жизнь останется без руки, – вспомнив про своего сына, тоже где-то воюющего на фронте, вздохнул военврач, – А может, обойдемся без ампутации, постараемся спасти руку? – И тут же набросился на себя: – Брось, майор, у тебя нет права на сантименты. Да, летят руки, ноги, люди остаются, как обрубки. А что делать, война? Некогда, не-ко-гда разбираться. Запустишь – и гангрена, нет солдата, нет человека. Нет, уж лучше без руки, без ноги, но живой. Привязывай к столу! – решительно дав команду санитару, военврач пошел готовиться к операции...

– Десять, двенадцать, двадцать... – считал Давид, стараясь припомнить, где он и что с ним. «Думай, сержант, думай!» – подгонял он себя, засыпая. – «Да, был уже госпиталь, было первое ранение, что потом? Что потом? Маршевая рота на фронт. Провожая ее, обходили бойцов полковник Гусинский и майор Басин. Давид навечно запомнил их имена.

– Фамилия? – грозно спросил полковник.

– Сержант Златкин. – отчеканил Давид.

На секунду помедлив, Гусинский кивнул своему ординарцу. А наутро, когда рота уходила на фронт, прибежал посыльный: «Златкина – в распоряжение штаба!» Будто получив известие от еврейского Б-га, что из всей семьи остался только этот Давидка, Гусинский спас его на этот раз от неминуемой гибели. А потом что?

Несколько месяцев в порту Кобона-Касса, откуда по «Дороге Жизни» доставляли в Ленинград продовольствие, медикаменты, вооружение. Но что было дальше? Дальше? – пытался вспомнить Давид.

А дальше – штрафной батальон. Выписав по неопытности, или, скорее, из жалости, какой-то пропуск, он навлек на себя гнев начальства. Ниче-

го такого серьезного в этом не было, но уж слишком примелькался этот черноглазый сержант в белом полушубке.

Штрафбат... По молодости он еще не очень воспринимал высокие слова о патриотизме, о любви к Родине. Сошлись там в кровавой схватке штрафники и власовцы. У первых был путь назад – искупление кровью, у вторых и этого не было. Яростные атаки сопровождались криками в мегафон с матами-перематами

– За кого воюете!? За фашистов?! – неистовали одни.

– А вы за евреев, за большевиков! – не уступали другие. Давид знал, за кого он воюет – за мать, за братьев, за сестер, за родной город.

Он даже не думал, идя в бой, сможет ли вернуться живым. Он был солдатом, просто воевал. Была надежда остаться в живых – как же без нее! Ведь он обещал маме вернуться...

– Меня же ранило в руку, вот почему я здесь! А рука... Как же я буду без правой руки писать? – лихорадочно соображал Давид.

И вдруг неожиданно для себя, для всех, левой здоровой рукой оттолкнул медсестру, ногой сбросил мешок с песком и с криком: «Как же я без руки?! Как?!» – и к изумлению всех выскочил из операционной.

Этот инцидент решили замять. «Черт с ним!» – решил военврач, приказав никому из медсестер к нему не подходить. А Давид метался в горячке. Сжав зубы, отвернувшись к стене, он находился в забытьи, только просил: «Пить... пить...» Одна из медсестер, послушавшись, тайком продолжала ухаживать за раненым, помогала ему, чем могла.

Открыв глаза через несколько суток, Давид как будто увидел над собой лицо своей старшей сестренки.

– Как оказалась ты здесь? Как могла меня найти? Где все остальные? – слезы душили его.

Медсестра, склонившись над ним, молчала, не перебивала, понимая, что он ее принимает за кого-то другую.

Она – беженка из Ленинграда, случайно пристав к госпиталю, будто брата увидела в этом маленьком сержанте. Все гладила и гладила его по голове, успокаивая, пока он не уснул. Наутро Давид с ужасом заметил, как в его руке копошатся маленькие белые червячки.

– Все, сержант, теперь пойдешь на поправку. Они быстро уничтожат всю гниль в руке, – уже по-отечески говорил военврач. И добавил: А может, ты и прав, с рукой останешься, правда, что будет красивой, я тебе не обещаю.

Как сейчас вижу своего отца – он любил ходить дома без рубашки. Правая рука сверху донизу вся исполосована шрамами – страшными шрамами войны.

Глава четырнадцатая

ОРЕНБУРГСКИЕ БУЛОЧКИ

Жизнь в эвакуации не оказалась медом, но это была жизнь...

– Я не просилась быть директором школы. Но коль меня назначили – прошу выполнять все мои распоряжения, – твердо говорила собравшимся на педсовете новый директор школы Ирина Хенькина.

Здесь в Оренбургской области три сестры Хенькины были с радостью приняты на работу учителями. Не хватало в области педагогов. Ирину приметили, повысили в должности. И сейчас, ведя свой первый педсовет, она заметила:

– Знаю, есть те, кто меня не желал видеть руководителем школы. Я не напрашивалась, даже отказывалась. И согласилась только с одним условием – что, как только освободят Белоруссию, меня отпустят с этого места работы без промедления.

И сразу же спало напряжение, вздохнула с облегчением светловолосая учительница из местных, претендовавшая на эту должность.

Непросто Ирине быть директором. Прибавка к зарплате была незначительной, больше было забот, проблем. Уроки окончены – и всей школой собирать колоски. Приходит зима – надо заготовить топливо. Такое было тогда время – могли осудить за колосок, сорванный в поле, за опоздание на работу... А как хочется хоть что-нибудь поесть, особенно вечером, после работы!

– Может, посетим тех учеников, кто не ходит в школу? Это же наша работа! – стреляет глазами озорная Маруся.

– Вообще-то нужно узнать, в чем дело, – соглашается более тихая Ирина.

Сельчане полюбили молоденьких учительниц. Здесь, в глубине России, местные жители не понимали, что такое антисемитизм. Видели в этих девчушках что-то светлое, что-то новое, которое они несут их детям. Родителям было интересно знать, как они учатся. А в конце встречи го-

степриимные хозяйки нередко открывали заслонку печи и приглашали сестер к столу:

– Не побрезгуйте, поужинайте вместе с нами!

Пройдут годы. Но до последнего дня моя мама вспоминала те оренбургские булочки. До последнего дня ни одной хлебной крошки не смахнула со стола...

Тогда же заневестилась Маруся, пришло ее время. Кудрявый Николай Чашкин, один из сельских ухажеров, станет ее мужем, отцом ее детей. Как в кино, мелькают страницы их жизни. Такие они были разные – он светлый, с вечно смеющимися глазами, кучерявый, она же темноволосая, обаятельная, поражающая всех какой-то неместной, южной красотой.

Именно благодаря моей тете Марусе этот сельский паренек станет впоследствии учителем, художником, выпускником московского института. И когда она так трагически рано уйдет из жизни, Николай поставит своей любимой жене на могиле не просто памятник – скульптуру... которая и сегодня стоит в белорусском Мстиславле, осталась там одна навечно.

Самого Николая тоже уже нет в живых. А их дети – живут в разных концах света. Старшая дочь Людмила с дочерью и внуками в Минске, Галина – с семьей в Америке. К сожалению, нет уже в живых Светланы, которая всю жизнь прожила в Москве, там же и похоронена. А самый младший, Сашка, любимец семьи – живет в Израиле. Ростом с отца, такой же большой, крупный – настоящий оренбургский казак. А глаза – как у мамы, еврейские глаза.

А как сложилась судьба второй сестры – красавицы и хохотуньи Раисы? Вышла замуж за фронтовика, капитана Исаака Капланского, родила ему двоих детей. Дочь Раисы, Алла, вместе со своим сыном Романом живут в Израиле. Сын, Дима, к сожалению, Израиль не увидел – рано умер. Но все внуки Раисы – здесь. Александр, бывший офицер российской армии, и его сестра Ольга, выпускница израильского института, имеют уже своих детей. Их мама, Галина Капланская, невестка Исаака и Раисы – сегодня родоначальница всей семьи. Ее дети, внуки здесь, в Израиле.

Аня и Вера, их дети – внуки старого солдата Абрама Хенькина, тоже здесь. И все-все живут в одном городе Ашдоде – на самом берегу Средиземного моря.

Я часто думаю о том, что всех нас могло бы и не быть, если бы повозка тогда не доехала...

Глава пятнадцатая
НА ПЕПЕЛИЩЕ

Родная Белоруссия – выжженная, разрушенная, разграбленная, осталась позади. Фронт продвигался на запад.

Залман все годы фронтовой жизни постоянно думал о своей семье. Мысленно он представлял родные Климовичи, где до войны проживало немало евреев. Небольшой, но веселый городок. На каждом шагу маленькие лавочки, небольшие мастерские, где все знают друг друга с детства.

А если по старой грунтовке сначала спуститься с горки, а потом подняться и пройти по прямой – попадешь прямо в колхозный сад. За ним – любимый Михалин!

Здесь, под сенью старых вишневых деревьев, его родной дом, где, уходя на фронт, он оставил жену и детей. Хоть бы на миг увидеть их лица, представить, какие они, но вместо лиц – какая-то чернота... Хотел увидеть свой дом – та же чернота...

Зная, какие зверства творились на оккупированной фашистами территории, солдат боялся даже подумать о том, что могло случиться с его семьей. Представить, что никого уже нет в живых, что все уничтожены – нет, нет! Надеяться...

Впереди – Польша! Все, как в первую германскую. Тогда тоже дошел почти до самой Варшавы. Только тогда воевал за царя-батюшку, а теперь за Родину, за Сталина. Сколько раз поднимался он в атаку под эти надрывные крики.

Одно до конца жизни так и не смог понять старый солдат, как же случилось, что такая огромная страна, такая сильная советская власть – а семья его осталась беззащитной перед лицом врага. Как ни старался, не мог объяснить сам себе, как же это случилось, что никто не помог его семье, никто не спас жену и детей. До фронтовиков доходили сведения, что на выжженной огнем Белоруссии не осталось ни одного еврея... Поделился как-то своими горькими мыслями с верным товарищем, которого он не раз выручал в бою...

– Залман, считай, что я ничего не слышал. Посмотри, сколько особистов вокруг – им только попадись на заметку, так раскрутят, что сразу же превратишься в предателя и врага народа. Лучше помалкивай и выбрось эти мысли из головы, – урезонил его фронтовой друг.

Старый солдат воевал и мечтал лишь об одном – вернуться в родной дом, к своей семье, обнять жену и детей и жить, жить, жить... Мечтал, несмотря на предчувствие, верил и ждал встречи... Ждал писем, уверяя себя, что они просто не могут прийти... Верил и надеялся вопреки всему...

Но война продолжалась, и Залман, даже после ранений, долго в госпиталях не залеживался, возвращался на фронт. И только после последней контузии его неожиданно вызвали в санчасть. Седовласый военврач внимательно посмотрел на него, взял в руки солдатскую карточку.

– Рядовой Златкин, 1895 года рождения, еврей, на фронте с начала войны.

Постучал костяшками пальцев по столу, будто о чем-то раздумывая.

– Домой едешь, солдат.

– Как домой? – вырвалось у Залмана.

– Все, пришел приказ. Отвоевался солдат! Дальше на запад пойдут молодые.

Залман ничего не ответил, сидел, не двигаясь, хотя всем своим нутром понимал, что вот, наконец, наступил этот долгожданный миг возвращения домой, что нужно радоваться, кричать от счастья, но... Сердце старого солдата будто окаменело и вдруг... Тяжелые мужские рыдания хлынули из груди, все, что так долго копилось в душе, вырвалось наружу...

Все будто повторилось. Только тогда, после первой германской войны, он возвращался в родные места молодым, окрыленным, с желанием начать новую жизнь. А сейчас? Седой, не по годам постаревший старик в длинной солдатской шинели с вещмешком на плечах, оставшись один, без своих молодых боевых товарищей, как-то сразу поник, упал духом, сгорбился...

Домой добирался товарняком, на попутных машинах, пешком... Вот и приземистое здание вокзала. Сошел с поезда, подобрал какую-то палку – со всех сторон собачий лай, темнота, редкие огоньки ламп в покосившихся домишках.

Чем ближе подходил к Михалину, тем тяжелее ступали ноги, а уж когда вошел в поселок, то и вовсе одеревенели, стали такими тяжелыми, что просто не было сил идти дальше, словно предчувствуя, что там его уже никто не ждет...

Светало, белая полоса неба становилась все шире и шире. Наступал новый день, первый день Залмана на родной земле. Вдруг он увидел жен-

щину со знакомым платком на плечах, любимым платком своей жены Сары.

– Са-ра, Са-ра, – хотелось кричать громко-громко, но не смог. Запершило в горле, послышался только глухое «Са-р, Са-р...».

Проследив взглядом, в какую избу вошла эта женщина, кое-как, из последних сил добрался до этого дома. Дверь открыла немолодая баба с грубым лицом. Уловив взгляд Залмана, устремленный на платок, быстро зататорила.

– Хочешь платок – забирай, мне его Зинка принесла в обмен на ведро бульбы, а ей Дунька передала. Когда ваших погнали на расстрел, Дунька сорвала платок с головы какой-то еврейки. Сама не видела – люди говорили. Да ты входи, входи, солдат, ни-ко-го, ни-ко-го из ваших нет, всех побили.

Ничего не ответил старый еврейский солдат. Глаза слипались от усталости, ноги не двигались, когда последний раз ел и пил – вообще не помнил, но повернулся и ушел, всё поняв и ни на что не надеясь.

Он шел домой, зная, что дома уже нет... Долго бродил по пепелищу, искал хоть какие-то следы, но тщетно... Черные обугленные бревна, поваленные вишневые деревья и ничего, чтобы напоминало о тех днях, когда здесь жила дружная еврейская семья Залмана Златкина.

Каким-то чудом сохранился дом брата Айзика, который строили вместе. Айзик со всей своей семьей и с его семьей на дне песочного карьера, а в доме хозяйничают какие-то незнакомые Залману люди...

– Ты куда прешь, жыдавые недабитае? – налетел на него злобный мужик.

Залман только сверкнул глазами. Он, пройдя войну, увидел сейчас в нем врага, а с врагом у старого солдата разговор один... С силой отбросил мужика на улицу, захлопнул за ним дверь.

В другой жизни и в другое время никогда бы так не поступил. Но сейчас был уверен – закон на его стороне. Он, Залман, родной брат хозяина, вместе строились, а значит, дом теперь по праву принадлежит ему. Пусть его, фронтовика, попробуют выселить!

Но неприятный осадок все-таки остался. Может быть, если бы встретили по-человечески, он бы так не поступил, ведь понимает, что после войны многим негде жить. Разделили бы дом сатиновыми занавесками – и жили бы все вместе, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Но после

такой злобы и ненависти, оставаться под одной крышей с этими людьми Залман не мог.

Вспоминаю, когда я приезжал в гости к своему деду, всегда играл со своей ровесницей Алинкой, которая жила у него вместе с родителями. Жили в дедовском старом доме и другие чужие ему люди.

– Не могу быть один, а так и дети, и взрослые, все не так одиноко, – колл меня своей жесткой бородой дед, укладывая спать в маленькой спаленке, которая только у него и осталась...

Но это будет потом, через годы...

А тогда, отстояв дом Златкиных, дед начал понемногу осваиваться.

В Михалин возвращались еврейские колхозники – раненные, измученные. Стали приезжать из тыла женщины с детьми. Как-то возродилась жизнь, но прежней – полной, радостной она уже не была...

Те, кто был помоложе, походили по пожарищам, потосковали у братской могилы и разъехались, кто куда мог, лишь бы подальше отсюда. Не каждый смог бы жить возле разоренных домов, рядом с кладбищем, где покоятся твои родные и близкие. Но куда было уходить отсюда старому Залману?

Не мог оставить он ни Михалин, ни могилы, хотя даже точно не знал, в каком месте расстреляна и похоронена его семья.

Была еще одна причина. В центре Михалина по утрам собирались колхозники. Здесь каждый получал дневную разнарядку. Залман каждое утро спешил на работу, распахивал осиротевшую землю, ухаживал за ней, радуясь шелковистым посевам, словно возвращался в ту прежнюю трудную, но такую счастливую, довоенную жизнь.

И каждое утро перед работой всегда проходил мимо развалин своего сожженного дома. Знал, чувствовал, что, если вернется живым с фронта Давид, его старший сын, то придет только сюда.

Сегодня как-то особенно щемило сердце, как будто в ожидании... чего? Кого? Спешил по улице, последние метры уже почти бежал. А сердце выстукивало: «Давид вернулся!»

Глава шестнадцатая

ДВА ФРОНТОВИКА – ДВЕ ОСИРОТЕВШИХ ДУШИ

... На товарняке Давид долго добирался до Климович. Поддерживая правую руку, которая была на привязи, хромяя на левую ногу, сошел он на перрон вокзала. Казалось, прошла вечность с тех пор, как он уезжал отсюда. От станции до города было еще несколько километров. Почти их пробежал... и остановился. Сердце бешено стучало, а ноги будто приросли к земле. Давид всматривался в лица, ища знакомых – ни одного еврея! Где же все? Раньше их было так много в городе. Неужели это правда, что всех уничтожили?

О массовых расстрелах евреев в середине войны говорили уже открыто, даже писали в газетах, но поверить в это было выше сил, особенно, когда речь идет о родном городе, где жили твои родные, друзья, где на каждом углу тебя встречали знакомые с детства лица. Где они, что с ними случилось? Ноги сами вывели его на базарную площадь, где всегда было так многолюдно.

– Может, здесь что-то узнаю? – пронеслось в голове.

В обмотках, маленький, с перевязанной рукой, в солдатской гимнастерке, с боевыми наградами на груди, он подходил все ближе и ближе к торговым рядам. И вдруг над ними пронесся пронзительный крик.

– Люди, глядите, яврэйчык!

– Все повернулись ко мне, – рассказывал потом он. – Смотрели на меня такими удивленными глазами, словно увидели живого мамонта, – И тогда, после этого пронзительного крика, после минутной тишины, я понял, что в этом городе сейчас один, что я здесь чужой.

Захотелось быстрее попасть в Михалин, откуда уходил на фронт. Вот уже березовый большак, вот то место, где расставался со всеми, еще немного – и родной дом... Но вместо родного дома – пепелище. Стоял и... не верил своим глазам... Один, совсем один во всем мире...

А Залмана сердце вело к своему пепелищу, как будто звали его души Сары и детей встречать Давида.

...Шаг, еще шаг, еще...

Сердце у Залмана колотится так сильно, что, кажется, не выдержит напряжение – разорвется... Остановился, прислонился к плетню. Неужели

ему не показалось? Неужели это на самом деле? Вонзив кулаки в черную землю, лежал какой-то маленький мальчуган в больших солдатских сапогах.

– Давидка, сынок, живой, живой!

Сжали в объятиях друг друга два солдата – отец и сын, два фронтовика, прошедшие войну, победившие врага, но потерявшие свою семью, всех своих родных. Не на войне, не в бою нашли они свой страшный конец, а в родном поселке.

Залман всматривался в лицо сына. Каким он его оставил? Семнадцатилетним зеленым пацаненком, а сейчас лицо, как у человека, прожившего долгую жизнь, увидевшего в ней столько бед и горестей, что хватило бы на многих. Глаза запали глубоко, хочет улыбнуться, но губы сжаты намертво...

Прижав к себе сына, Залман почувствовал, как Давид ойкнул и тихо простонал: «Рука, рука».

– Сыночек, как же тебя искалечили, – не скрывал своих слез отец, помогая сыну надеть после дороги чистую рубашку на его обожженное, все в рубцах тело.

– Что рука, что нога? Душа, отец, искалечена, ее как вылечить – болит и болит, – положил, как в далеком детстве, свою голову на колени отца Давид.

Все замерло вокруг, тишина, будто и не было войны.

Стрекозы носились над густой травой, пчелы порхали по белому цветению вишневых деревьев, выросших на месте старых, сожженных.

Залман гладил волосы сына, как в его далеком детстве, прижимал к себе родное тело, говорил какие-то слова молитвы, благодарил Б-га за то, что старший сын живой, что остался хоть один из всех его детей.

Жесткие волосы Давида кололи ладонь. Залман вдруг вспомнил, что раньше волосы у сына были мягкие, словно шелк, а сейчас, как лезвие бритвы. А сам – напряжен, как натянутая стрела...

– Мальчик, мой мальчик, – то радовался, то рыдал навзрыд Залман.

А Давид, впервые почувствовав, как отходит боль от ран и ожогов, задремал на коленях у отца. Прямо здесь на развалинах своего дома в окружении набирающих силу вишневых и сливовых деревьев...

И снится Давиду, что он за поворотом и кричит: «Мама, мама, я вернулся!». Кричит, кричит, а себя не слышит. Хочет повернуться, увидеть маму на михалинском большаке, но вместо мамы... белая береза. Вместо сестер,

брата – березы, березы, березы. В один ряд стоят они на большаке, будто белые памятники...

И слышит старый солдат Залман, как его родной сын, покалеченный и опаленный войной, нежно шепчет во сне: «Мама, я вернулся, мама!»

Многих соседей обошли отец и сын, расспрашивали у каждого, по крупицам старались воссоздать – как все это было, где? Они пропадали возле рва, возле силикатного карьера, где не было никаких памятников, никаких надгробий – только поросшие травой холмики напоминали о трагедии и разрывали их сердца от боли, от безысходности, от одиночества.

... Годы спустя наш Батя наказывал нам: «Не забывают никогда сами и другим рассказывайте о том, что пришлось пережить еврейскому народу, мне, моей семье».

Я не забыл твой наказ, Батя, поэтому через много лет, будут написаны эти строки, каждая из которых для меня будто выжжена огнем...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

СВАДЬБА В ПОСЛЕВОЕННОМ МСТИСЛАВЛЕ

Еще один крутой жизненный поворот, и вот они встретились – наш будущий отец и наша будущая мать, создав новую послевоенную поросль...

...От прежней жизни остались одни разбитые осколки, но надо было жить дальше.

Мой дед сошелся с женщиной по имени Хана, чудом уцелевшей во время войны. Она носила имя его матери и младшей дочери Залмана. Вот так в конце его жизни в нее пришла третья Хана, тоже потерявшая всю свою семью.

– Ханэле, Ханэле, – говорил Залман, возвращаясь после напряженной работы в колхозе, и будто видел свою малышку Ханэле, которая всегда бросалась ему навстречу, когда он приходил домой.

А другая Ханэле, склонив седую голову над швейной машинкой, все строчит на ней и строчит, напевая при этом: «Бивали дни, гуляли ми, теперь гуляйте ви. Бивали дни, гуляли ми, теперь гуляйте ви»...

Залман стоит возле дверей дома и горестно прислушивается к пению. Понимает, что все прошло и ни-че-го уже вернуть нельзя...

А Давид – наш будущий отец, уехал в соседний Мстиславль – небольшой городок, до войны густонаселенный евреями. После войны их сюда вернулось немного, однако больше, чем в Климовичи. В Мстиславле жил родной брат отца – Файфа Златкин, так что было к кому заехать.

Приехал сюда Давид на день-два, чтобы просто немного развеяться. Здесь он ведь жил до войны, и ему было интересно увидеть знакомых, пройтись по родному городу.

Один из приятелей, бывший фронтовик, работал в школе. Заглянул сюда Давид случайно, благо находилась она в центре города. Зашел в один из пустых классов и... увидел девушку в белой блузке с двумя большими черными косами. Незнакомка стояла у школьной доски и что-то писала на ней.

На какое-то мгновение их взгляды встретились. Девушка чем-то напоминала его сестер, что-то было в ней свое, родное. Давид понял, почувствовал всей душой – это его судьба! За плечами была партшкола, комсомольская работа – тогда, сразу после войны, евреев еще брали на нее.

Он мечтал уехать в один из крупных городов, поступить в институт. Был он парень способный, все схватывал на лету. Знал себе цену, да и фронтовиков везде рады были принять. Возможно, все бы было иначе, но... сложилось, как сложилось. Огонь черных девичьих глаз Ирины оказался сильнее огней большого города!

В декабрьский вечер 1945 года древний Мстиславль праздновал первую послевоенную еврейскую свадьбу.

Молодожены были хороши: невеста в белой кофточке, на которую спускались до пояса две черные косы, со светлым миловидным лицом. Жених в новеньком костюме, нарядный, по-фронтовому подтянутый, радостно улыбался, встречая гостей.

– Фронтовик, коммунист, молодец! – Говорили о нем за столом.

А невеста украдкой вытирала слезы. Она и сама не понимала, отчего так хочется плакать – от счастья или от печали? За несколько дней до самой свадьбы родственники принесли жениху костюм всего на один вечер. У него, кроме армейской гимнастерки, одеть было нечего. Помогая ему примерить чужой костюм, Ирина впервые увидела раны будущего мужа и ужаснулась. Знала, что был на войне, знала, что был ранен, но чтобы так было исполосовано, обожжено все тело, не могла даже представить.

– Где ж ты такого завидного жениха отхватила, такого красавца? – шутили подруги.

– Знали бы они, какой он жених, – думала Ирина, но, видя уверенный взгляд Давида, успокаивала себя: А где другие, а где лучшие? Там же, где мой брат Хаимка, остались навечно на войне.

Понимала, что не было времени на большую романтическую любовь, выходила замуж больше от жалости к черноволосому пареньку. А он вспоминал с годами: «Встретились два осколка после войны, да только ли мы?»

Да, вернувшись из эвакуации, мигом повзрослевшие девчонки, и возвратившиеся с войны, немногие еврейские парни, после такой кровавой бойни, искали себе спутников жизни, чаще всего, своей национальности. Каждый парень-еврей был на вес золота, да еще такой!

– Горько! Горько! – веселились в далеком 1945 году в послевоенном Мстиславле на первой еврейской свадьбе.

– Горько! Горько! – веселились на свадьбе под хупой.

Когда за окнами вдруг стала шуметь местная братия, во двор с оружием в руках вышли офицеры-евреи и быстро утихомирили буянов. А свадьба, первая еврейская свадьба, пела, плясала, радовалась новой жизни. И так всем хотелось тогда верить, что будет она радостной и счастливой.

«До свадьбы золотой!» – желали одни гости. – «Много детей!» – желали другие.

Не ошиблись как первые, так и вторые. Давид и Ирина отметили свою золотую свадьбу уже в Израиле, перешагнули шестидесятилетие совместной жизни, родили и вырастили пятерых сыновей, но все это будет потом, потом...

А до этого пришлось, ой, сколько всего перенести и выстрадать новой еврейской семье...

Глава вторая

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

После войны жить было не просто, холодно и голодно... Но большее всего жалил антисемитизм, не утихающий и никогда не вырождающийся, как сорняк.

Давид подкрутил фитиль керосинки, подправил разбитое стекло с приклеенной полоской бумаги, чтоб не так сильно дымила, и подошел к жене.

– Ира, я пойду в магазин. Может, удастся купить муки.

Ира, растапливая печь, только кивнула в ответ головой, погруженная в тяжелые мысли, чем накормить детей. Ни картошки, ни даже грамма

муки в доме не было. А пятеро голодных ртов, как у пичужек, дергают за юбку: «Мама, мама, есть хотим!»

Давид вышел на улицу. В темноте по знакомой дороге через кустарник направился в сельмаг.

– Почему все не ладится? Где выход? – спрашивал он себя, пытаясь понять, что же он сделал не так.

После свадьбы занимал как коммунист неплохую должность – был директором одной из контор. Но как-то в разговоре с сослуживцами неосторожно обронил, что мечтает уехать в Израиль, который приглашает всех евреев вернуться на землю своих предков. Назавтра секретарь райкома, тоже бывший фронтовик, вызвал к себе Давида.

– Значит так, даю тебе на раздумья всего одну ночь. Завтра я уже ничего не смогу для тебя сделать. Сам видишь, какое нынче время, второй тридцать седьмой год, а ты язык за зубами не держишь.

Давид и сам все видел и все понимал. Убийства еврейских писателей, артистов, расстрел членов Антифашистского комитета, изменение риторики в газетах, поиск внутреннего врага. Утром Давид был уже далеко. За неуплату членских взносов он впоследствии был исключен из партии.

Когда через несколько лет он вернулся в Белоруссию из Оренбурга, то уже не стремился вернуться к прежней жизни. Что-то надломилось в нем. Та партия, та власть, та страна, которой он был так предан, в которую так безгранично верил, вначале предала его семью, а потом и его самого.

Жена устроилась учительницей в Красавичскую семилетнюю школу Климовичского района. Давид, получая пенсию по инвалидности, освоил фотодело и колесил с фотоаппаратом «Фотокор» по окрестным селам. Сельчане с удовольствием позировали перед фотокамерой, покупали фотографии, но постоянных заработков не было, и семья порой просто голодала...

Чтобы хоть как-то помочь жене и детям, Давид решил уехать на целину. Узнав, что среди новеньких есть и один еврей, директор совхоза пригласил его к себе.

– Что можешь?

– В госпитале окончил курсы счетоводов, – ответил Давид.

– Хорошо, будешь инженером по труду и оплате, – решил директор.

Совхоз только-только создавался, расширялся, и все начиналось с нуля. Скоро Давид стал незаменимым специалистом, люди благодарили его за

своевременно начисленную зарплату, за все надбавки и премии, которые им полагались. Однако были и недовольные.

– Ты не равняй нас со всеми, иначе плохо тебе будет. Мы здесь уже давно, и ты будешь делать то, что тебе говорят, – повысив голос, вошел в комнату Давида один из немцев-переселенцев.

Их колония была основана здесь давно, и по новым правилам казахстанские немцы играть не желали.

Несмотря на угрозы, Давид продолжал выполнять свою работу как и прежде, будто и не было вовсе того неприятного разговора. Однако через несколько недель получил первое напоминание. Поздно вечером, возвращаясь в свой вагончик, увидел, как спущенная с привязи громадная немецкая овчарка бросается на него. Отступать некуда, бежать до вагончика далеко, рядом никого нет. Давид бросается с криком навстречу овчарке, успевает двумя руками схватить ее за горло и ...

На следующее утро хозяину овчарки передали ошейник. А Давид попросил у директора отпуск. Жена была на последнем месяце беременности, ждали четвертого сына, и Давид не мог не быть рядом с ней.

– Как она одна в селе, без врачей, без меня? – объяснял он директору причину своего внезапного отъезда.

Был уверен, что вернется, тот инцидент его не расстроил, не напугал – и не такое приходилось пережить. Перед отъездом отправил домой посылку с белым рисом и сахаром-рафинадом. Дети, сидевшие на одной только «бульбе», таких яств и в глаза не видели.

Приехал вовремя – вскоре снежной декабрьской ночью начались роды. Из соседней деревни силком на себе, можно сказать, притащил медсестру, которая не могла перешагнуть через большие сугробы.

... Вот так, вспоминая те дни, Давид понуро брел по дороге в магазин.

Приоткрыв дверь, вошел в слабо освещенное помещение. Оно было заполнено односельчанами. Многие из них были знакомы. Кивнула головой солдатка Миколиха, у которой квартировали несколько лет, помахал рукой Сенька-балагур, тоже фронтовик, улыбнулась Демьяновна, учительница, как и жена Давида. Здесь, среди людей, на душе стало как-то легче. «Всем трудно, и мы как-нибудь продержимся, прорвемся», – только промелькнуло в голове у Давида, как вдруг...

– А што гэты чужы тут робить? – неожиданно послышался резкий голос.

– Кто чужы? – не поняли в магазине.

– Да гэты жыдюга. За нашай мукой прыйшов? – продолжал сельский бандюга. В овчинном полушубке, в сапогах-бахилах, здоровенный, он возвышался над головами всех.

– Зря ты, Федя, – попробовал его урезонить Сенька. – Давид – такой же фронтовик, как я, и пораненный увесь, больш, чым я. Бачыв у бани, – напрасно пытался свести все в шутку Сенька-балагур.

– И який фронт, кали у Ташкент драпав, царапнула па задницы, а ты гаворыш – фронт! – Все больше расходился бандит и, чувствуя молчание толпы, совсем озверел:

– Да я его сейчас угроблю! В то время, когда наши братья-арабы терпят ад израильских агрэсарав, гэты Израиль, гэты агрэсар адбирае нашу муку!

Давид, побагровев, сжал кулаки. Кровь ударила в виски, ему казалось, что снова, как тогда на фронте, он вновь должен без страха и сомнений подняться в атаку. Здесь, через 15 лет, в 1956 году, он снова стал солдатом, обязанным защитити себя и своих братьев-евреев от жестокого и злобно-го врага. У него, такого хрупкого и невысокого, было только одно мгновение, чтобы опередить громилу, но этого оказалось достаточно, чтобы еврейский ум, как в далекие библейские времена, вновь победил тупую силу.

– Я даю себе команду: *«Сержанты, вперед!»* – раз, сжимаю его руки, два, бью сильным ударом в пах – и три! Добавляю удар еще раз, когда он еще на полу.

Десятки и десятки раз воспроизводил картину боя местного значения перед нами, своими детьми, наш отец.

Под вой мужика Давид подошел к весам, взял самую большую гирию, обратился ко всем: «Кто еще хочет уничтожить Израиль?» Никто не ответил, только запричитала жена Федьки:

– Люди, православные, нас, христиан, бьют, куда вы смотрите?

Но никто даже не тронулся с места, чтобы помочь бандюге.

Единственную в селе еврейскую семью местные жители уважали. Учительницу Ирину Давидовну – за доброту и приветливость, за то тепло, которое она дарила своим ученикам. Давид, как назвали его сельчане, всегда, по первому зову, приходил на помощь соседям, был их другом и советчиком.

По происшествии многих лет, когда я по командировке газеты приехал в село Красавичи, местные мужики точь-в-точь мне пересказали все то, что говорил мне отец.

– И не подумали бы про Давыда, что способен на такое, – качали головами очевидцы. – Откуда он смог взять силы?

Я знал, откуда! Но как объяснишь это простым людям?

Почему в схватке с великаном Голиафом победил хрупкий пастушок Давид – это может быть понятно только нам, евреям.

Именно в честь этого пастушка Давида – будущего царя Израиля был и назван наш отец.

Он знал про это с детства.

Поэтому его остановить было нельзя!

Силу ему придавала ярость при виде врага, бешеная ярость, которой он как бы мстил за свой уничтоженный еврейский народ, за мать, сестер, брата, которых вот такие нелюди и убили в сорок первом.

И он победил в том бою!

Глава третья

КРАСАВИЦА-УЧИТЕЛЬНИЦА В СЕЛЕ КРАСАВИЧИ

Помню, хорошо помню, как отец, с бледным лицом, осунувшийся, откуда-то вынырнул вместе с возницей.

– Вот, Ира, он довезет вас до села Красавичи, а я поищу какую-нибудь работу здесь, – говорил он, стараясь выжать улыбку на почерневшем от безнадежности и вечного безденежья лице. Это позже я узнал, что, став инвалидом в 20 лет, потеряв мать, сестер и брата, а потом и оставшись без партийного билета, он безуспешно искал хоть какую-нибудь работу в городе Климовичи. Понимая всю безрезультатность его поисков, моя мать направилась в районо. Его заведующим был Леонид Васильевич Тимахович – бывший партизан, впоследствии любимый учитель моих братьев и герой многих моих очерков. В то время, в конце 40-х–начале 50-х годов, к евреям стали относиться настороженно и предвзято. Назревало дело врачей, только что был убит великий еврейский артист Михоэлс. В

стране происходили новые политические процессы, на этот раз суд готовился над евреями.

Но моей матери было уже все равно. Высокая, статная, с черной косой она наперекор секретарше без спроса вошла в кабинет заведующего отделом народного образования.

– У меня растут двое будущих солдат. Вырастут – пойдут Родину защищать, как и их отец. Я не прошу милостыню – я требую работы.

Такой напористости бывший партизан не ожидал. Посмотрел на молодую женщину – простое ситцевое платьице, круглые башмаки. Взял в руки документы: и до войны работала учительницей, и в тылу, а позже – директором школы. Вернулась на родину после эвакуации, мать двоих детей, жена фронтовика.

– Какой из нее враг, какая она сионистка? – подумал он, вспоминая заголовки вчерашних газет.

– Ирина Давыдовна, в таких учителях, как вы, мы очень нуждаемся. Верно, что вы можете преподавать русский и белорусский языки, а также немецкий? Кроме того, вы согласны вести и начальные классы?

– Конечно! – не веря своему счастью, подтвердила Ирина.

– Вот и хорошо. Даю вам на выбор несколько сельских школ, – сказал Леонид Васильевич. – Выбирайте любую из них.

Моей матери было все равно, куда ехать. Все села были далеко от города, туда никогда не ходил автобус – бездорожье.

– Может, Красавичи? – прошептала Ирина. – В селе с таким необычным названием не должно быть плохо.

И вот возница поторапливает лошаденку, а мы – я, мой младший брат Яков и мама, сидя на каких-то узлах, едем, едем, едем...

По дороге, соскочив с повозки, моя мать бросилась в какой-то ларек на окраине города и, протянув сетку черного хлеба, счастливо заулыбалась:

– Все, теперь не пропадем, с хлебом будем.

Село Красавичи, такое же бедное, как все села в округе, славилось только своим названием. Считанные годы прошли после войны – народ еще не отошел от ее пожарищ. Повсюду еще сохранились землянки. Зайдешь в избу – в первой половине корова, во второй, через порог – живут люди. Земляной пол, из мебели – только лавка посредине хаты да в углу печка.

И бывшие партизаны, и вояки-фронтовики, и вернувшиеся после лагерей бывшие пособники немцев – все жили в селе.

И тут – первая еврейская семья, диковинка! Ведь евреев в этих краях убивали повсеместно! Моя мать страшилась только голода – больше ничего. Все ее добро – двое сыновей да ситцевое платье.

С чего начала здесь свою жизнь моя мать? Прежде всего, привела в порядок старую хату. Сама все убрала, вычистила коровник, привела корову.

– Детям нужно молоко, – так она решила.

Завела попозже гусей, уток, привезла топливо.

– Вот дает наша новая учительница! Видать, не на один день сюда приехала – надолго! – улыбались сельчане.

И до нее здесь были приезжие учителя, которые жили на квартирах, но они никакого хозяйства не вели.

– Наша новенькая – совсем другая. А в школе, на уроках – тишина. Дети ее слушаются, – с одобрением пересказывали друг другу сельчане.

Пройдет немного времени, и моя мать будет окружена любовью и уважением местных жителей. Но это время должно было еще наступить, а пока...

Я, самый старший, хорошо помню, как поначалу было тяжело моей матери. Даже сейчас ощущаю эту тяжесть. Набросит на себя, что под руку попадет, – и по скользкой дороге к колодцу, за водой. А воды нужно много – и для себя, и для хозяйства. Я, конечно, помогаю, как могу. Только какой из меня, дошкольника, помощник! Но если дрова нужно нарезать – тут уж без моей помощи не обойтись, хотя за ручкой пилы меня и не увидишь. Я дергаю на себя, чуть не плача – сил нет, да и от мороза оконченел. Но как я могу маму одну оставить на улице? Вначале сырые дрова шипят, стонут, потом разгораются, и вот в доме уже просто рай.

Тут и булки подспели – румяные, белые. Это мама из каких-то запасов испечет хлеба, да такие, что все соседи дивятся!

– Недаром дочь мельника, на муке выросла. Такие булки! – все восторгался наш отец.

А он, работая то фотографом в одном из райцентров области, то еще где-то, не забывал семью. В селе ведь не было работы. Как-то возвращается домой, а мать ему даже не успела сообщить о «сюрпризе» – о рождении третьего сына.

– Зашел в спальню – а там непонятно что. Алик – так зовут в семье меня – Яша и еще кто-то третий. Не пойму...

На столе – свежее испеченные хлеба, в доме – порядок, в сарае полным-полно живности, а мать, усталая, свалилась без ног.

Отец всегда вспоминал про тот вечер, а мать, слушая его, добавляла:

– Ты ведь главного не знаешь. Под утро я с бабкой-повитухой родила Сергея, – так она назвала своего сына в честь мамы мужа (ее звали Сара), а вечером я уже подоила корову и встала возле печи. На кого мне было надеяться?

Мама, моя, мама! Ты для меня самая необыкновенная женщина на свете! Воспоминания переносят меня в далекие детские годы.

Ярким солнечным днем я иду в первый класс Красавичской школы. Я так долго мечтал стать учеником. На радостях мы зашли с тобой в сельский магазин, и ты мне в новый портфель положила целую кучу печенья. Помню, ты хотела его открыть, а я от своей детской жадности быстро спрятал его за спину – ведь такое богатство мне досталось первый раз в жизни. Мама только улыбнулась в ответ – сама она была лишена возможности позволить себе такое лакомство. Я обхватил портфель одной рукой, а другой, держась за руку мамы, торопливо шагаю, стараясь, как могу, упасть с ней нога в ногу. Мне так хочется казаться большим, взрослым, как мама.

Навстречу нам идут улыбающиеся люди.

– Давыдовна, здравствуйте! – говорят одни.

– Наставница, добрый день! – говорят другие.

– Ирина Давыдовна! – окружили ее ученики.

Нашей маме тогда было чуть более 30 лет. Одна, с маленькими детьми. В Красавичах родились еще три сына – Сергей, Григорий и Леня. До сих пор не могу понять – как она справлялась?

Конечно, отец помогал, как мог, но на многое ли был способен инвалид войны? Поэтому вся тяжесть выпала на ее долю – и она несла ее на своих плечах, не жалуясь и не сожалея ни о чем.

Вот и сейчас я будто вижу ее, яркую, статную, самую красивую в селе Красавичи. Мама спешит в школу, а после нее – домой, к своим детям. Мы ведь дети учительницы – а значит, всегда должны быть в чистых, опрятных рубашках. И моя мама, перебросив через плечо таз с выстиранной одеждой, направляется к реке, чтобы ополоснуть ее. Заходит по колени в воду. Вода бежит, струится вокруг нее, а мы плаваем рядом, барахтаемся.

– Мама, смотри, смотри! – и стараемся сильнее бить ногами и руками по воде.

И снова таз, наполненный одеждой, на плечо. И босиком – по тропинке, по росистой траве к дому.

А местные жители только снимают фуражки и уважительно здороваются с молодой учительницей – наставницей всей сельской детворы.

Как только залохматимся – ножницы в руки.

– Пальцы в рот – чтобы память не отшибло, – командует мать.

Мы ей верим, сидим тихо, не крутимся, не вертимся. Подстриженные, мы кубарем вылетаем на улицу, в коротких штанишках, в белых рубашках. Каждое утро – бегом к сараю. Знаю – мама уже здесь. Она давно встала, истопила печь, приготовила что-то на завтрак, подоила корову. В руках – большое ведро с парным молоком. Я взахлеб, не останавливаясь, с наслаждением пью «сыродой».

– Дурачок, его же нужно процедить, куда ты? – треплет меня за волосы мать.

Я поднимаю глаза и вижу ее взгляд – такой добрый и ласковый.

В селе Красавичи мы прожили 7 лет. Не знаю, что было бы в те тяжелые послевоенные годы, если бы наша мама была другой – может, менее приспособленной, может, менее выносливой.

Не знаю, не знаю...

Думаю, что просто все бы не выжили...

Глава четвертая

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ В БЕЛОРУССКОМ СЕЛЕ

Небольшое белорусское село тепло приняло еврейскую семью – первую после войны. Не все, конечно, были рады новым соседям, но большинство местных жителей отнеслись по-доброму.

Село Красавичи было первым спокойным местом для нашей семьи. Отец продолжал поиски себя. Когда не было уже больше сил находиться вдалеке от жены и детей, вернулся с целины, сделал дома самодельную фотолабораторию и заколесил по соседним селам с треножкой и фотоаппаратом «Фотокор», неизменно имея при себе какую-то накидку для фона. По этой накидке я как-то узнал в интернетовском снимке одну семью из Красавичей. Уже внук, уже москвич, искал тех, кто знал его родных. Я от-

кликнулся – так, почти через 50 лет фотография, сделанная моим отцом, протянула оборвавшуюся было нить между прошлым и настоящим.

Основные тяготы жизни легли на плечи матери, отец для сельчан был мужем учительницы. Как-то, помню, мороз в разгаре, а для коровы – ни грамма сена. Отец только кричит, поднимает глаза на мать.

Не знаю, к кому она ходила – или к соседям, или к руководству местного хозяйства – ведь в середине зимы у всех была бескормица. Но что привезла воз сена – помню отчетливо.

Весна в тот год припозднилась. Наконец-то растаял снег. Земля была готова к посадке. На нашем участке было небольшое поле, отведенное под картошку. Кое-какие семена сохранили до весны, что-то прикупили у соседей, но как посадить вручную? Дети все маленькие, у отца – искалеченные войной и работой на целине обе руки.

– Давай поставим корову в плуг, – предложил кто-то из соседей. Мать кое-как, скрепя сердце, согласилась.

А Буренка, любимица нашей матери, подняла на нее свои огромные коровьи глаза, поднатужилась, а сдвинуться с места не может. Да и откуда у нашей Звездочки возьмутся силы после тяжелой голодной зимы?

Как сейчас помню – прильнула мать к Звездочке, а у той слезы, будто прощения просит за свою слабость. Глядя на бедную корову, плачет и мать. Так и стоят посредине поля, голова к голове – голова матери и голова Звездочки, а солнце припекает все сильнее и сильнее.

– Нет уж, как-нибудь посадим картошку, но корову губить не дам! – отрезала мать. И ведь нашла в себе силы, где с помощью детей, а где соседи помогли, – но посадила в ту весну картошку, обеспечив всю семью пропитанием на целый год. Так и жили – голодно, но дружно.

– Бульба утром, бульба днем, бульба вечером, – пробовал шутить отец. И уже серьезно, как будто извиняясь, добавлял: – Ира, ну что поделаешь? Ведь не с золотых приисков я вернулся – с войны.

Мать в селе любили все – открытую, простую. Отец был более сдержанным, с осторожностью относился к людям, разделял их на тех, как он говорил, кто советские, а кто нет. Особенно уважал тех, кто, как и он, ушел на фронт в самом начале войны. Но, уж если прикипал сердцем к кому-то, то душа нараспашку, во всем поможет, ни в чем не откажет.

Как-то, размахивая портфелем (единственным на всю школу, остальные ходили с домоткаными льняными торбочками), я возвращаюсь домой, где уже с порога слышу чье-то негромкое пение.

Раскачивая висящую на веревке люльку, в которой находился брат Григорий, отец подпевает своему другу Сеньке. К нему, известному балагуру и гармонисту, прошедшему две войны, финскую и германскую, отец относился с доверием и с уважением.

«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...»

И тут же переходил на другую:

«За фабричной заставой, где закаты в дыму...»

Как только заканчивали петь, брат Гриша подавал голос. Так и повелось – как только Григорий в слезы, отец к матери:

– Я за Сенькой.

Теперь я понимаю, почему Григорий так сильно любит слушать песни, любит их переписывать. Он – выпускник филологического факультета, бывший завуч тбилисской школы, тоже живет в Ашдод. Знаком для многих на «русской улице». Любовь к музыке, видимо, заложили ему в раннем детстве Сенька вместе с отцом.

Всем было трудно, но нам труднее всех: у кого-то был свой дом, у нас – квартира; у кого-то хозяйство – нам еще предстояло им обзавестись.

– На одном месте и камень мхом обрастает, а вы только-только начали обживать, – все успокаивали нас соседи.

И, тем не менее, вроде мы были такие же, как все, жили как все, но почему-то чувствовали себя другими. Когда наступала русская пасха, я не получал от матери новую рубашку, несмотря на то, что мои сверстники в них щеголяли. Отец все ставил на свои места:

– Сынок, это не наша пасха, не наш праздник. Подрастешь – все поймешь, – разводил он руками.

В веренице жизни мои родители не успевали обсудить, обговорить свою жизнь – мол, как живем, что можно изменить? Да и что можно было тогда изменить? Страна после войны залечивала свои раны, и только здесь, в селе, можно было хоть как-то прожить на скудную зарплату учительницы да случайные подработки отца.

Себе не всегда могли помочь – зато другим старались.

– Николай С. – мой ученик, талантливый паренек, поговори с ним, – просит мать отца.

И отец, прищурив глаза от солнца, спешит к соседям домой, приглашает Николая к себе.

– Николай, у тебя получится, ты же любишь писать. Посмотри, сколько тем новых вокруг!

– Да где эти темы в нашем селе? Ничего нового.

– Нет, выйди на улицу. Что видишь перед собой вдалеке?

– Школу.

– Правильно, школу. А на ней?

– На ней – новая крыша.

– Вот тебе и название заметки: «Школу готовят к новому учебному году», – наставляет его отец.

Он и сам периодически публиковался в районной и областной газетах, – я помню его статьи с подписью «Д.Златкин, житель села Красавичи» – постоянно собирал вокруг себя способных молодых ребят. Николай Соловцов – один из них. После сельской школы окончил факультет журналистики Белорусского университета, стал автором ряда поэтических сборников, членом Союза писателей...

А начало, возможно, положил мой отец тем давним разговором.

Как-то мать обронила в разговоре, что ее ученик Микола С. нуждается в лечении, не ходит в школу из-за болезни ног. Отец, недолго думая, куда-то написал, попросил за паренька. Поправив здоровье, он продолжил учебу в школе, а затем поступил в институт.

Уезжая в Израиль, я зашел в кабинет милицейского полковника. Для меня он не был полковником, не был Николаем Ивановичем – он был Миколой, пареньком из села Красавичи. И он навсегда запомнил, кто помог ему в жизни.

А сколько было еще:

– Миколиха, Миколиха, твой сын лежит в гиревичских кустах! – прибежали к нашей первой хозяйке сельчане.

Миколиха, вдова погибшего на фронте Миколы, одна поднимала троих детей. Нелегко ей было, ох, как нелегко! Но первый огурец на грядке, первое яйцо она отрывала от своих детей и делила его с нами. Как младшие братья, мы были детям Миколихи, а они нам – как старшие. И узнав новость, что ее сын обессилел от голода и лежит за 5 километров от дома, не может идти домой, хватала Миколиха краюху праснака – смесь картошки и муки – и летела к сыну.

– Миколиха, я с тобой. Подожди, помочь надо! – бежал рядом отец.

Вырос сын Миколихи и, как и мечтал, стал хирургом. Хорошим хирургом. И когда отцу нужна была срочная операция, Николай Прудников, уже отстояв смену у хирургического стола, снова пошел в операционную.

– Ты что думаешь, ты что сидишь? Вся Белоруссия – черное пятно после взрыва на Чернобыльской станции. Никому не говорят правду, скрывают, но я как врач видел секретную карту. У тебя есть возможность уехать в Израиль – так уезжай срочно, спасай свою семью, себя. Один раз твой отец уже потерял свою семью! – горячо убеждал меня Николай.

Это было сразу же, в 1986 году, когда еще никакой информации о чернобыльской катастрофе почти нигде не было.

Очень многие в селе Красавичи стали нам родными.

Михаил Прудников, старший сын Миколихи, всегда встречал меня с объятиями, как старший брат. Так оно и было по существу! Ведь это он, послевоенный белорусский мальчуган, укачивал моих младших братьев, ведь это он, глотая слюнки, просил свою мать приготовить из единственного яйца яичницу прежде всего нам, одиноким в этом селе.

Бабка–повитуха, которая принимала роды у моей матери, считала нашего брата Сергея своим внуком. И нужно было видеть их встречу, когда он приехал к ней через годы перед уходом в армию.

Седая сгорбленная белоруска, прожившая тяжелейшую жизнь, светилась радостью. Все обнимала и обнимала еврейского мальчугана. Прижимая его к себе, все повторяла: «Мой внучек, мой внучек, каким же ты стал», не выпуская из рук дорогой для нее подарок, который мой брат ей купил со своей первой зарплаты. Помню, хорошо, что все ее звали Филатовна.

Я видел эту встречу и даже как-то позавидовал брату.

Мол, у него есть бабушка, а у меня нет... А сейчас, через годы, думаю, что именно вот такие красивые люди в селе Красавичи – были самыми настоящими праведниками! Они бы никогда не сдали карателям еврейскую семью!

Глава пятая

БЕЛОРУССКОЕ ЛЕТО 1953 ГОДА

Отец, по натуре своей человек активный, переживал из-за своей неустроенности.

– Я остался вне строя, мой строй давно ушел вперед, – все повторял он. А я, мальчишкой, все пытался понять, где же найти этот «строй», чтобы мой отец мог туда вернуться.

Облазил все село, искал на реке, на лугу, обшарил все кусты, но отцовского «строя» нигде не было. И вот однажды возле своего дома обнаружил машину, что было редкостью в селе, и выходящих из нее людей.

– Папа, к тебе приехали, чтобы забрать тебя в строй! – радостно размахивая руками, прибежал я к отцу.

Отец вышел на улицу, маленький, колючий, в единственных для такого случая штанах, недоверчиво уставился на приезжих. Я не понимал, о чем речь, но, стоя рядом, дергал отца за руку – мол, соглашайся, возвращайся в строй, за тобой приехали. То ли послушал меня, то ли сам невзначай кивнул головой, но решили так, что завтра отец уезжает в соседнее село Высокое, где будет заведующим столовой при машинно-тракторной станции.

Казалось бы, о чем здесь можно говорить? Но как раскрылся талант отца! Никогда он не был на такой работе, даже не знал ее толком. Но вскоре все изменил. Прошло несколько месяцев, и я, взявшись за руку с младшим братом Яковом, направился в гости к отцу. Босиком, по мерзлой земле, за шесть километров.

– Где здесь столовая? – спросили мы у людей.

– У нас уже новая столовая, ищите возле старой, – ответили нам.

Вскоре мы увидели красивый финский домик – новую столовую. Мы мало что тогда понимали, но поняли одно – что раньше все воровали у рабочих.

Что сделал отец? Срочно построил новое помещение, сделал на нем решетки, поменял рабочих на кухне, заменил повара и... заимел врага в лице директора местного хозяйства. Обнаружив, что в ведомости количество продуктов записано больше, чем их поступает в действительности в столовую, особенно мяса, отказался ее подписать.

– Я не дам тебе воровать у людей! – жестко заявил директору. – Ты хочешь кормить своих городских друзей – но не за мой счет и не за счет механизаторов.

– Да я тебе грамм мяса не дам для столовой! На коленях будешь просить! – пригрозил новому заведующему столовой всесильный начальник.

Что делает отец? Недолго думая, находит новое помещение и ставит свиней на откорм, чтобы самому делать заготовки для столовой, а не зависеть от других.

Я думаю – каким же инициативным человеком был мой отец! И как было ему трудно, когда просто не давали возможности проявить себя в полной мере.

Вскоре он снова вернулся в Красавичи, усталый и подавленный. На его место работы вернулась прежняя заведующая столовой, которая всех устраивала.

Солнце высоко в зените. Ноги уже не идут – тянутся по пыльной дороге, от села к селу. Из Красавич – в Высокое, из Высокого – в Гиревичи, из Гиревичей – в Тимоново, а за ним уже город Климовичи, и там уже можно будет купить хлеб. Сколько мы уже идем, сколько? Кажется, рядом уже этот долгожданный поворот, но как только приближаешься к нему – он вновь отдаляется. И так поворот за поворотом.

Сколько мне было тогда лет? Лет восемь, не больше. С матерью тащусь в город за хлебом – 20 км в одну сторону, столько же – назад. Не помню, как дошел, как вернулся. Помню только бесконечную дорогу да песок в зубах. Сколько раз мои отец и мать шли по этой дороге, чтобы хоть что-то из еды принести нам, детям.

Как-то утром я обнаружил возле своей кровати голубой маленький трехколесный велосипед. На своих руках, передавая по очереди один другому, принесли его родители из города для меня в такую даль! Как мне тогда хотелось поскорее вырасти и помочь им!

Вы знаете, что такое соевая мука? Это такая сладкая мука, настолько сладкая, что если испечь из нее что-то, то в рот невозможно взять. Но если нет ничего другого, то и такая мука – спасение. В сельском магазине меня зажали в очереди, никто не смотрел – где дети, где старики. Все старались успеть схватить хоть какую-нибудь муку, что выбросили на прилавок. Как я дополз до продавца – не знаю, но помню, что насыпали мне целую наволочку – видимо, пожалели ребенка.

Я поднимаю наволочку с мукой – и... падаю. Встаю, с трудом тащусь по дороге. Солнце жарит нещадно. Кое-как скатился с пригорка. Дальше через кусты – напрямик километра два, не меньше, к дому. Еле двигаюсь, но не выпускаю наволочку с мукой из рук. Знаю – в доме шаром покати. Где взять силы? И тут вспоминаю мамину улыбку.

Как она мне дала на что-то два рубля, а я купил не то, что она просила, – приобрел себе пенал, которого никогда не видел. «Как сказать, что истратил деньги?» – все переживал я. Но мама только, тяжело вздохнув, погладила меня по голове.

Вспомнив это, я с новыми силами зашлепал босиком по пыльной дороге. В тот день отец тоже достал где-то каменные, затвердевшие булки. Вот это был праздник!

Всем было невыносимо тяжело в белорусском послевоенном селе. Как-то заскочил к соседу. Седовласый дед поставил передо мной блюдце с диковинной золотистой жидкостью.

– Ешь, дитяtko, ешь, – приговаривал он, улыбаясь. – Это сын нашей наставницы, – сообщил он своим домочадцам.

Так в первый раз я попробовал мед.

В один из дней мы с братом Яковом побежали на кладбище, куда направились все жители села. В Белоруссии есть такой праздник – Радоница – когда к ушедшим из жизни приходят родные.

Представьте себе – белорусское послевоенное село, сюда на могилы родных приходят сельчане с продуктами, которые они к этому дню готовят заблаговременно, отказывая себе ежедневно во всем.

Ничего не понимая, ничего не зная, мы, мальчишки, тоже здесь, с нашими белорусскими односельчанами. И никто не сказал: «Уходите отсюда». Наоборот, наперебой, один за другим, нас зазывают знакомые и незнакомые нам жители села Красавичи.

– Это же дети Давыдовны, нашей учительницы, – говорили они, угощая нас всем, что приготовили к этому дню.

Мы стали частью той жизни, стали своими всем этим простым, открытым людям, а они такими же своими стали нам...

Глава шестая

НОЧНОЙ РЕЙС ПО БЕЗДОРОЖЬЮ

Весеннее солнце слизало остатки уцелевшего снега на дороге, оставив его островками на полях возле мелкого кустарника. Распутица уже прошла, дорога большей частью подсохла, но местами еще оставалась опасной для проезда. Да и дорогой ее назвать было нельзя – узкая проезжая часть, беспощадно измотанная телегами, редкими машинами, пешеходами. Ее бы подновить, подправить, но где взять силы? Мужики, считай, почти все полегли в окопах от германца, или засыпаны во рвах своими же, из расстрельных команд, как враги народа. А те, кто вернулся – один-два на село, и те инвалиды. Подросший молодняк кое-как управляется на тракторах в поле, на фермах. Людей здесь везде не хватает.

Невеселые мысли одолевают Ирину. Уже несколько лет она живет в селе Красавичи. Приехала сюда с двумя сыновьями, а теперь уже – пятеро по лавкам. Вспоминая каждого из них, улыбнулась про себя, но сердце тревожно застучало.

– Куда ехать? Может, повернуть назад?

Только вчера, прихватив старшего сына и спеленав младшего, пятимесячного, вскочила на попутную машину.

Благо, посчастливилось – не каждый день ходят попутки в город. Находясь в кузове, боялась только одного – не выронить бы ребенка из рук, когда машина подскакивает на колдобинах или проваливается в дорожные ямы. Пока доехала до города – руки одеревенели, пальцы не могла разжать, так держала намертво маленький сверточек.

– Мама, мама, приехали! – вывел из оцепенения старший сын, в каком-то кожушке, в кирзовых сапогах, не по годам взрослый от своего положения старшего сына и брата.

Из города – еще пешком три километра, с сумками, с грудным ребенком. Наконец-то долгожданный поселок Михалин! Здесь, в стареньком домике, ее ждал какой-никакой отдых. Давид, ее муж, только что вернувшийся из больницы, где лежал его тяжело больной отец, радостно встретил жену с детьми. Он давно уже упрашивал ее приехать в город.

– Ира, я без тебя с отцом никак не справлюсь, приезжай! – постоянно настаивал он.

Ира не могла бросить мужа в трудное время, но как приехать? Даже не на чем. И вот решила, примчалась и поняла, что здесь она нужна не на день, не на два – навсегда.

– А как же работа в школе?

– Учебный год уже заканчивается, осталось всего меньше месяца. А здесь, в городе, тоже школы есть и не одна. Нужно переезжать, – убеждал ее Давид.

– А дети, как дети? Как я их привезу, на чем? – ни на минуту Ирина не забывала своих оставшихся в селе детей. Якову – семь лет, Сергею – пять, Грише – три года. Одни, в глухомани, за двадцать километров от города. Попросила соседок:

– Милые, дорогие, присматривайте, я мигом вернусь.

Надеялась на них, но разве чужие люди заменят детям мать?

Давид, человек решительный и горячий, сейчас не мог принять никакого решения. Кому ехать за детьми? Конечно же, ему – он мужик! Но все ли он сделает правильно? Да и отец его в больнице.

– Ира, я думаю, тебе нужно ехать назад, – поднял он на жену свои воспаленные от бессонницы глаза.

Ира и сама понимала, что больше некому. Она была так разбита за прошедшую поездку, что просто с ног валилась от усталости. А ночью поднялась температура у младшего. Мать то брала его в руки, то гладила по горячему лобу, смотрела в глаза, слушала, как он дышит. А он натужно кашлял, задыхался. Мать держала ребенка на руках и все подходила к окну, ожидая увидеть лошадь с повозкой. Как оставить маленького грудного ребенка с температурой, кашлем, на кого?

– Ира, иди, иди. Если нужно будет – я вызову врача, – подталкивал ее к выходу Давид.

Не вызвал он врача. Не до того было. Да и телефонов не было не только в доме – даже во всей округе. А еще из больницы прискочил посыльный:

– Твой отец очень слаб, зовет тебя, плохо ему.

И неверующий человек, Давид, потеряв всю семью на войне и сам оставшийся калекой, стал вспоминать слова еврейской молитвы, услышанные в детстве, стал просить Б-га о помощи.

Он не мог разорваться между больным сыном и больным отцом. Не мог. Кто знает – может, молитва помогла, а может, на роду было написано нашему младшему брату сотворить в жизни еще много добрых дел – только, к счастью, все обошлось.

Но мать тогда не знала, что и как будет – будущее ведь не дано увидеть, предугадать. Вот она и страдала, сидя в телеге, разрываясь между сыновьями, оставленными в городе и в селе.

– Быстрее, Виктор Иванович, быстрее! Хоть бы засветло приехать!

Лошадь, которая устала после дневной работы, останавливается, и в тот же миг телега вдруг проваливается в какую-то яму.

– Давыдовна, толкай, толкай! – кричит возница.

И Давыдовна, вспоминая весь русский мат, какой только знает, толкает изо всех сил. Толкает и плачет, ругается и толкает. Она, еврейская учительница, ругается, как простая русская баба – а иначе, как можно вытаскать эту чертову телегу?

Почему жизнь так с ней обошлась? За что?

Под вечер добрались, наконец, до деревни Красавичи. Промокнув до нитки, дрожа от холода, ввалилась в избу. На полу спят трое сыновей, дверь открыта.

– Яша, сынок, проснись! – тормошит старшего мать.

– Мама, мама! – вскочили дети.

А Яша рассказывает, как были одни целый день, как ночевали одни целую ночь.

– Я накормил маленьких братьев, протопил печь, сел рядом возле них, чтобы посмотреть, как они спят, и больше ничегошеньки не помню.

Яков, будущий авиационный инженер, выпускник Куйбышевского авиационного университета, с самого детства привык брать на себя ответственность.

Большая хата Горбачева – сельского учителя, где квартировала Ирина Давыдовна, сейчас стала как будто больше. С окон сняли занавески, разобрали кровати, сложили вещи. Мать потом шутила:

– Один Горбачев дал мне свой дом в селе, а второму Горбачеву я оставила свой дом, уезжая в Израиль.

– Немного у тебя добра, наставница, – зашли попрощаться соседки.

– А мне ничего и не надо – вот все мое богатство, – ответила мать, прижимая к себе сыновей.

Но стали нагружать телегу, посадили детей – и оказалось, что места для нее самой нет. Вроде и не особенно много вещей, но ведь все нужно, все наживалось тяжелым трудом.

– Выбрасывай, оставляй здесь, – предлагает возчик.

– Как выбросить, это же детские рубашки? – прижимает их мать к себе.
– Как выбросить эти кастрюльки, в чем же я буду готовить детям? Нет, ничего не могу выбросить!

– Ну, тогда сама иди пешком! – взорвался возчик.

– И пойду! – с вызовом ответила мать.

И пошла – все двадцать километров она шла рядом и всю дорогу держала за руку трехлетнего сына Гришу. Только бы не выпустить его руку, только бы удержать, чтобы он не упал под колеса телеги или под ноги коня. О себе не думала. А ведь могла и кубарем скатиться в кювет и сама попасть под телегу. Всю ночь добирались. Приехали только под утро.

Я только на миг представляю эту дорогу, эту ночь. Это нужно было быть не двужильной – стожильной, тысячежильной, чтобы пройти ее, чтобы выдержать.

И только когда мать снова увидела пятеро головок на одной кровати – три в одну сторону и две в другую – она смогла позволить себе отдых.

А утром, на новом месте, нужно было начинать все с начала. И этому началу предстояло быть далеко не легким...

Глава седьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИХАЛИН

Вот так весной 1956 года Давид вернулся в Михалин. Вернулся во второй раз после войны. Только на этот раз уже не один, а со своей семьей.

На отца надежды было мало – он сам, овдовев во второй раз, нуждался в помощи, в сыновней заботе, в детском смехе. Но вначале было не до смеха. В Красавичах у Ирины был хоть небольшой, но постоянный заработок, а здесь она оказалась без работы. Давид как раньше, так и теперь, перебивался пенсией да случайными подработками, делая фотографии в окрестных селах. Трудно понять, как выжили в те необыкновенно тяжелые времена. Дед Залман, отец Давида, старался помогать, но что он мог на свою пенсию колхозника? Иногда становилось совсем невыносимо, но семья никогда не падала духом.

– Человек силен не хлебом, силен духом, – учил житейской мудрости Давид. – Еда не главное.

– А что главное? – вступала в вечный спор Ирина.

– Книги, духовная сила, – парировал Давид. – Трудности приходят и уходят, а дух, если он есть, остается и побеждает.

Тогда мне думалось, что это только пустые слова, но с годами я понял, что убеждение отца было нашим единственным спасением.

– Дети мои, сегодня у нас – вечер путешествий. Айда ко мне на печь! – приглашал отец нас, пятерых его детей.

Холод в доме стоял страшный, снизу на печи ноги жгли раскаленные камни, но мы этого не замечали, вслушиваясь в волшебный голос отца. Он уносил нас то в камеру тюрьмы, где сидел будущий граф Монте Кристо, то на таинственный остров, где обитал Робинзон Крузо, то на корабль пятнадцатилетнего капитана. Затаив дыхание, мы слушали и переживали за Павку Корчагина, радовались за героев Майн Рида, страдали вместе с Оводом. Повзрослев, мы стали искать эти книги и, перечитывая их, уже знали, что будет в следующем абзаце, на следующей странице – таким подробным был рассказ отца.

А когда заканчивались путешествия, мы наперебой просили: «Расскажи, кем я буду! А кем я?» И замирали, предчувствуя что-то еще более интересное.

– Над Михаином летит самолет, опускается возле нашего дома, и выходит генерал, строитель самолетов Яков Златкин.

– А я? А я кем буду? – теребит отца третий брат Сергей.

– Ты... Художником, кем же еще? – отвечает отец, зная, что Сергей, где и чем только можно, рисует.

– А я? – басит четвертый, Григорий.

– Ты будешь команды подавать, с таким-то громовым голосом! – смеется отец.

– Батя, а меня забыл! Кем я буду? – поднимает глазенки самый младший Лев.

– Ты будешь академиком, не зря же я тебя назвал в честь Льва Троцкого, – продолжает шутить отец.

Расспросы окончились, все мы радостно хлопаем в ладоши, смотрим друг на друга, будто хотим через годы, через время перенестись в то будущее, о котором мечтаем в эти зимние вечера. А тут уже и картошка подспела, мать подает нам на печь каждому по дранику, и счастливее, радостней нас нет никого на земле. Мы прижимаемся от холода друг к другу и засыпаем в предчувствии будущей яркой и необычной жизни.

Пройдут годы, Яков окончит Куйбышевский авиационный институт, будет строить самолеты в России, а в Израиле он, подтвердив диплом инженера, получит ответственную работу на одном из заводов юга.

Сергей, бывший инженер-пищевик, в Израиле занимается внутренним оформлением квартир. Когда он подновил мой ашдодский офис, все мои соседи по административному зданию только ахали от восторга: «Да, твой брат – художник!»

Григорий часто выступает перед людьми, руководит различными проектами, являясь заместителем директора дома культуры в одном из районов Ашдода.

Лев, бывший директор школы, много лет преподавал математику в одной из городских школ Ашдода.

Автор этих строк, как и предсказывал отец, окончив журфак, долгие годы работал журналистом. В Израиле, несмотря на свою основную деятельность в области страхования, продолжает периодически печататься в различных русскоязычных изданиях.

Я часто думаю, как мы выжили? Как случилось, что все мы, пятеро еврейских детей из маленького белорусского городка, сумели поступить в высшие учебные заведения? Все мы достигли своей цели, осуществили свою мечту. Думаю, мы просто переняли от отца его непоколебимую способность выстоять в любых условиях, найти выход из любого, порой самого трудного положения.

– Куда поедем учиться? На Украину – нет, полно антисемитов, в Белоруссии – тоже проблема, а вот в центре России, в Куйбышеве больше открытых людей с настоящим советским характером, они ведь не жили под оккупацией, – выбирает отец место учебы для моего брата Якова.

– Лев – математик, это профессия не оборонная, педагогическая, спокойно примут и в Могилевском пединституте, – отец не ошибается и на этот раз.

Он вместе со мной радовался моим журналистским успехам, очень часто подсказывал интересные темы, проверял, что и как написано, даже диктовал мои первые заметки. Он был моим первым учителем и самым главным критиком. Во всем, что я делал, проявлялось влияние отца.

– Большие города – большие возможности, – говорил он нам, выпускникам вузов. Имея обширную переписку, выбирал города нашего будущего места жительства. Так появлялись Златкины в Сухуми, Тбилиси, Перми... «Осталось только в Израиле завести свои точки», – шутили мы.

– Будем и там, обязательно будем! – утверждал отец.

И в этом он оказался прав, наш семейный провидец.

Всю жизнь нам помогали уроки нашего отца, его по-житейски мудрые советы! И сейчас, когда трудно и, кажется, что нет решения проблемы, я мысленно обращаюсь к своему отцу – а как бы он поступил?

Глава восьмая

МАМИНО СТИХОТВОРЕНИЕ

– Почему слова «голод» и «холод» так похожи и по звучанию, и по написанию? Разница – только в одной букве, – дрожа от холода, все время думал я в детстве. – Может, потому, что нас, детей послевоенных лет, постоянно преследовало чувство голода. Зима проходила, становилось тепло, но еды в доме не прибавлялось.

Какие долгие летние дни! Уже вечер, а светло, как днем. И целый день думаешь, как найти в доме хоть что-нибудь съестное. Особенно было тяжело в первое лето после приезда в город.

– Вы бросили школу в селе. В городе работы нет! – наотрез отказывали матери в районном отделе народного образования.

Почерневшая, под палящим солнцем она снова возвращается домой. Три километра в город, и столько же – обратно. Работы нет, зарплаты нет. Отец закрылся в чуланчике, печатает снимки, лишь изредка выскакивая из своего домашнего убежища, чтобы поесть – но еды в доме нет.

Ирина, тяжело вздохнув, идет на картофельное поле. Картошка только отцвела, но есть кусты посильнее. Без лопаты, чтобы не повредить куст, вонзает свои пальцы в землю, перебирает ее, нащупывает картофелину – одну, две, три. Дров никаких, но не беда. Наготове – два кирпичика, на них – металлический круг. Подняла такие-то палочки, щепочки, и вот уже дымится кастрюля. И какой вкусный картофельный суп из молодой картошки, с добавлением укропа, свежего лука и другой зелени!

Мне пришлось побывать в дорогих ресторанах Америки, Европы, Израиля, но вкус того маминого супа я до сих пор вспоминаю, как самое лучшее блюдо.

Отец, великий оптимист, не унывал.

– Графу Монте-Кристо было намного тяжелее, но он все выдержал. И вы должны быть такими же стойкими, не падать духом, – все поучал он нас.

К вечеру иногда совершали набеги в соседний сад. Набив свои карманы сочными антоновками, мы ощущали себя вполне счастливыми и даже более сытыми.

Зимой было особенно тяжело – донимал холод.

Мы, дети, прижимались друг к другу, чтобы хоть как-то согреться, а мать, поднявшись первой, уже готовила завтрак – где она только находила силы?

Как только заканчивалась учебная неделя, мы, утопая в сугробах, спешили за хворостом.

Я как старший выбираю дерево посильнее, срубая его, подкладывая на него деревья поменьше. И тянут повозки хвороста по снегу мои братья, останавливаясь и согревая ладошки своим дыханием. Ведь рукавицы или прохудились, или утеряны. Ползут по снегу, не выпуская своей вязанки, даже самые младшие, дошколята Григорий и Леня. Нахлобучив шапки до самых глаз, тянут за собой повозки хвороста. Никого уговаривать не нужно, все выходят вместе.

Зато утром мать подбрасывает хворостинки потолще в печь, а потом, когда разгорятся, – и все остальное. В доме постепенно теплеет, солнечные лучики пробиваются через замерзшие окна. Светлые зайчики серебрятся, бегают по полу. Настроение у всей семьи улучшается – жизнь продолжается, все устроится!

Так и случилось. Отец нашел себе постоянную работу. Мать, пройдя все круги ада, наконец-то, выстрадав, получила свой первый класс.

...Как сейчас помню тот вечер. Младшие – в школе, я готовлю уроки, а мать что-то пишет за столом на кухне.

– Мама, ты что, план работы пишешь? – удивляюсь я, зная, что планы она обычно пишет вечером, когда все уже спят.

– Да нет. Вот, стихотворение написала, так захотелось его написать! Возьми, почитай его.

Рано утром, на рассвете,
Яркий луч блеснул в окне.
Пробудились рано дети –
Раз-два-три, и на дворе.

И еще несколько куплетов, и потом уже в конце:

Все прошло, все пролетело.
Зима в прошлом, зимы нет.
Все встречают весну смело,
Позабыв и зимний след.

За окном свирепел ветер, крепчал мороз. А моя мать вдруг пишет стихотворение и мечтает о весне!

Тогда меня это не поразило, поразило сейчас, когда я пытаюсь осмыслить ее долгую, трудную жизнь. А тогда, взяв стихотворение, что написала моя мама, я отправил его в газету «Пионерская правда» под своим именем и фамилией. Отправил просто так, из детского озорства. Каково же было мое удивление, когда через несколько месяцев я его увидел на странице центральной детской газеты Советского Союза.

– Мама, смотри, смотри, что здесь написано! – подбежал я к ней.

– Запомни: выдавать чужое за свое – это все равно, что украсть. В литературе это называется плагиатом, – распекал меня мой отец.

Мать мне ничего не сказала, но так посмотрела, что уши мои загорелись, будто меня застали за чем-то очень плохим.

Пытаюсь вспомнить – что же было дальше?

Лето 1968 года было тяжелым – сначала военные учения, потом события в Чехословакии. Наша ракетная часть туда, естественно, не попала, но мы были на боевом дежурстве. И тут я оказался в госпитале. Пишу домой, сообщаю мой новый адрес. Рассказываю, что со мной все хорошо.

Приехав в госпиталь из казармы, я будто попал в рай – такая была разница между больничной палатой и кубриком ракетной дивизии. И вдруг – письмо из дома. Отец пишет: «Придет время – и ты эту армию забудешь, как страшный сон». А вместе с этим письмом – и второе письмо, из газеты «Во славу Родины» Белорусского военного округа. «Сообщаем, что ваш материал будет вскоре опубликован».

От этих двух писем я словно выздоровел, больше никакое лекарство мне было не нужно.

А началось все после прошедших крупных учений – я решил про них написать. Проблема была только в том – как и где? В ракетной батарее даже на минуту присесть не дадут, а уж о том, чтобы уединиться и что-то написать – даже и речи не было. И тогда я пошел на хитрость – заскочил в санчасть, мол, простыл и заболел. Я действительно был немного просту-

жен, но не настолько, чтобы получить освобождение. Наутро наш главврач, выведя всех на крыльцо, давал заболевшим солдатам пинком под зад, и кто успевал отскочить – был, по его мнению, готов на выписку.

Майор только размахнулся, чтобы врезать мне, как следует, сапогом, а я уже был далеко-далеко и от его сапога, и от санчасти, и от его грозного окрика. Но за одну ночь, сидя в какой-то комнатухе с тусклым светом, я написал статью о прошедших учениях, о своих друзьях, о тех испытаниях, которые мы перенесли. Вскоре она была опубликована в газете. Я даже не поверил – половину полосы занимала моя громадная статья, без какой-либо правки. А внизу – подпись «Слушатель заочной школы военкоров Е.Златкин».

– Златкин, к тебе родные – мать и брат, – ввалился к нам в палату с новостью дежурный.

Я мигом к проходной. Счастливые материнские глаза, повзрослевший брат Сергей. Нельзя было описать нашу радость. Я к ним – с газетой в руках.

– Сам написал, – замечает мне мать, а глаза искрятся гордостью и любовью.

Узнав, что сын в госпитале, она бросилась в дорогу.

У нее даже не было на поезд денег, видимо, попросила у кого-то в долг. Дорога была не близкая – из одного конца Белоруссии, из самой восточной ее части – в западную. Два дня в дороге, чтобы только переброситься словом, чтобы только посмотреть на сына.

Ночь пересидела на вокзале – на гостиницу просто не было денег, да и не думала про нее. Наутро мама снова пришла к сыну. Не имея увольнительной, я, в каких-то чужих спортивных штанах, майке, наголо остриженный, попросту перескочил через забор, чтобы проводить их до вокзала.

К счастью, моя первая в жизни самоволка не была официально зафиксирована, однако в тот же день меня отправили обратно в часть.

Автобус быстро бежал по дорогам Западной Белоруссии. Моими попутчицами были местные девчата, у меня еще полчаса – час свободной жизни, потом – еще год с лишним жизнь за забором, в воинской части. Но я был уверен, что теперь я обязательно дослужу! А увидев свою маму, я решил, что буду поступать только на факультет журналистики!

Возможно, я бы никогда не принял такого решения, если бы не то мамино стихотворение. Именно оно открыло мне дорогу в мою любимую журналистику!

Глава девятая

И ВЫРОС НОВЫЙ ДОМ

С утра передавали по радио бравые победные марши, щемящие до боли в сердце песни военных лет. Страна отмечала День Победы! Давид двояко относился к этому празднику. С одной стороны, он ощущал его своим кровным, близким. В этот день он видел себя семнадцатилетним пареньком, вспоминал боевых друзей, надевал свой праздничный костюм, увешанный боевыми наградами, и выходил в город на демонстрацию фронтовиков. В колонне шел со всеми – белорусы, русские, евреи – все чувствуют себя одинаково фронтовиками, всех объединяет такое братство, такая солидарность, что этому можно было только позавидовать. И об этом говорили их открытые лица, широкие улыбки, смех, дружеские пожелания. Давид шел в общей колонне фронтовиков, сверкая своими боевыми наградами.

Я много раз фотографировал отца в этой колонне, даже были фотографии его и его друзей в городской газете... Радостнее и счастливее, чем в тот миг, я своего отца не видел.

Но, с другой стороны, эту радость омрачала горечь воспоминаний о погибших родных, которые были уничтожены фашистами и их местными пособниками только за то, что были евреями. В советское время память о безвинных жертвах замалчивалась. Долго на месте погребения были просто холмы. Наконец, на личные средства евреев поставили памятник с надписью: «Здесь похоронены советские граждане...» Даже слово «евреи» на памятнике побоялись написать.

В то время, как в городском парке бушевало народное гулянье, гремела музыка, а памятник советскому солдату заваливали цветами, здесь, возле скромной ограды, одинокого памятника погибшим евреям, была тишина. Видя все это, Давид страдал. Ему было трудно понять, почему его страна, за которую он воевал, вначале не защитила его семью, а сейчас просто забыла и продолжает заставлять забывать других об этой трагедии.

Давид писал множество писем в вышестоящие организации: в Москву, в Минск, в Могилев, просил, требовал, чтобы и к памятнику советским гражданам – евреям по национальности, в День Победы тоже возлагались венки. В ответ он всегда получал сухие вежливые отписки. Правда, в перестроечное время все-таки начали возлагать редкие венки и сюда, но

должно было пройти еще много-много лет. Давид хотел официального признания властей. Не дожидаясь этого, каждый год, 9 мая, он вместе с сыновьями шел туда, куда так звало сердце, где деревья были самыми высокими в городе.

Вот и сегодня Давид встал пораньше, хотел сходить в город на демонстрацию фронтовиков, а потом вместе с детьми к памятнику. Вышел в сад и остановился, пораженный его красотой. Еще только вчера кое-где пробивалась белые цветы, а сегодня белоснежным покрывалом встретил его цветущий сад. Он как бы поздравлял своего хозяина, своего Давида, с Днем Победы. Давид смотрел широко раскрытыми глазами на деревья. Про каждое из них он мог много рассказать, каждое ему было как родной ребенок. Вот эту цветущую грушу он нашел в кустах возле Михалинского сада, а эту яблоню – за общими постройками. Все они были дичками. Чем-то они напоминали ему его самого – такого же дерзкого, такого же негибавшего под житейскими бурями...

Хорошее настроение не покидало его с утра. «Скоро должны прийти друзья-товарищи, вместе пойдем в город», – подумал он. – «Нужно собираться».

В белоснежном саду утопал новый дом, а вернее, просто квадратная постройка – стены и крыша. Только-только поставили этот дом, хотя поначалу Давид и не собирался строиться – да случай помог.

Михалинский пожар летом 1966 года уничтожил два дома, те два самых старых дома – дом Залмана, отца Давида, и дом одной матери-одиночки. Как будто хотел Б-г помочь этим семьям. Не тронул своим пожаром другие, добротные дома. Ударом молнии уничтожил один дом, а когда побежали все его гасить, в другом конце поселка ударил по дому Залмана. Пока Давид, Ирина, дети добежали – огонь уже полыхал над крышей, ничего не успели вынести. Старый Залман, видя, как огонь уничтожает его дом, его пристанище, только шевелил побелевшими губами.

Так, возле пепелища дома, где жил Давид до войны, появилось второе пепелище. Недалеко от него Давид поставил новый сруб. Помогла страховка дома, которую сделал Залман, да помощь друзей и соседей. Все хотели помочь погорельцам. Давид нанял рабочих, взял старших сыновей, поехал с ними в лес. Корчевали деревья, обрубали сучья. Небритый, исхудавший, своими искалеченными руками он работал наравне со всеми. За несколько месяцев поставили сруб.

Казалось бы, маленькие дети, строительство, напряжение должны были бы повлиять на атмосферу семьи. Приехав после учебы из Минска, я застал всех в шалаше. Все улыбались, шутили, мать, как всегда, справлялась по хозяйству, отец подшучивал, а рядом кипела работа, строился дом. (Мне даже не сообщили о пожаре, чтобы не расстраивать).

И вот сейчас он стоит новый, свежий, в окружении белого сада – сада Давида.

– Маленькие дети, еще вытащат весь мох со стен, играют с ним мои хлопцы, – подумал Давид. – А как и когда оштукатурить дом?

Послышались шаги.

– Ира, где Давид? – басил Иван Рябцев, высокий, широкоплечий. Рядом с ним – Федор Воропаев.

– Ну, что, ребята, сейчас выпьем или после парада? – заулыбался Давид.

– Сейчас мы начнем работать, так, Федя? – тоном заговорщика проговорил Ваня. – Будем тебе штукатурить хату, Давид.

И закипела работа. Отец только бегал возле них, помогал.

– Хлопцы, а как же парад? Как парад?

– Давид, это будет наш самый главный парад, – ответил ему улыбающийся Федор.

Друзья-фронтовики за день своими умелыми руками оштукатурили весь дом Давида, а к концу дня Ирина приготовила обильный ужин, пригласила друзей за стол. На спинках стульев висели, сверкая золотом, парадные костюмы с боевыми наградами. На столе дымилась горячая картошка, заправленная укропом, огурцы, закуска.

– За Победу! За дружбу! – поднимали рюмку за рюмкой друзья.

Это был самый удивительный парад фронтовиков, какой я только видел. Радостью светились лица.

– Хлопцы! Ребята! Друзья! – все повторял растроганный до слез Давид.

– Давид, что ты говоришь? Кто нам дапамагае, як не ты? – улыбались друзья в ответ.

Дружба, которая связывала отца с местными фронтовиками, поражала всех – и белорусов, и евреев. Но Давид не видел в них белорусов, а они в нем не видели еврея. Они были братьями по духу, братьями, прошедшими через страшную войну. Они сидели вместе с Давидом за столом, смотрели на него с любовью своими добрыми крестьянскими глазами.

– Давыд, потребна хата. Старая уже маленькая, а дочки подрастают, – тоном просителя говорил Ваня Рябцев.

И не в кабинете районного начальника, а здесь, в доме простого еврея, решается судьба нового дома.

– Будет тебе, Федор, хата, будет, – уверенно говорит Давид. – Вот бумага, только подпишись.

А что писать и куда писать – Давид знает хорошо. Верная Ирина своим учительским почерком переписывает письмо, и просьба фронтовика уходит по нужному адресу. А через некоторое время прибегает Федор с радостью:

– Давыд, дали лес, начинаю строиться!

– Я спачатку быв партизаном, а потом на фронте контузило, никаких документов няма а, может, дапамог бы с пенсией? – смотрит в глаза отца Федор Воропаев.

– В каком госпитале лежал? – молниеносно спрашивает отец. И, выслушав ответ:

– Будет тебе пенсия, Федя!

Я был свидетелем этих разговоров, видел, как обмывали первую пенсию Федора.

. Расходились поздно вечером.

– Давыд, не забудь, в следующую пятницу жду тебя в бане, – вставая со стула, проговорил Федор.

– Почему у тебя? Сейчас по очереди у меня! – вступил в спор Ваня.

Друзья топили бани и считали почетом увидеть у себя Давида, Иру, их сыновей.

Помню, как звонили, приглашали неоднократно и обижались, если вдруг отказывались по какой-то причине. Но чаще всего, приготовив бутылку, взяв под руку Ирину, Давид вышагивал с ней по Михалину. Все знали, куда и зачем они идут. Это была не просто баня, а баня с парилкой. А потом еще и праздничный стол. Обильная белорусская кухня, приготовленная руками Катерины Рябцевой, Надежды Воропаевой, была лучше, чем в любом столичном ресторане.

Много раз я присутствовал на таких торжествах, много раз я был свидетелем, как за столом решались многие жизненные вопросы:

– Давыд, мои дочки закончили школу, куда пойти дальше? – волнуется Федор. – Ты же сам знаешь, как они учатся с тройки на тройку...

– Но я знаю, где принимают без экзаменов! Будут операторами маслозавода. Согласен? – спрашивает отец у друга.

– Конечно! – улыбается Федор.

И одна за другой его дочери поступают в техническое училище и, закончив его, получают направление на завод. Через годы, работая на одном месте, они вырастут до руководителей участков.

Мой отец был для друзей и другом, и советчиком, и наставником, а они ему были верны, преданы во всем до самого конца.

Я вспоминаю своего отца, и вижу его: большой лоб (за три дня не объедешь – как шутила мать), густые черные волосы, выразительные глаза и улыбка – умная, все понимающая.

А когда умер Федя Воропаев, отец, потеряв боевого друга, тяжело переживая, зашел в его дом, все сидящие за столом на поминках поднялись, увидев отца.

– Гэта ж Давыд, той самы Давыд, – говорили люди между собой, много раз слышав о хороших делах отца, но ни разу его не видевав. – Сядай, Давыд, сядай, – уступали ему место в центре стола, возле родственников покойного.

Оказывали ему такой почет сельчане не случайно – для них этот единственный еврей на поминках был первым другом Федора.

Глава десятая

ЕСЛИ НЕ ДАВИД, ТО КТО?

...Вначале Зинка горько причитала...

– Ой, ой, дитятки мои, дитятки!

Потом тихо всхлипывала, закрыв заплаканное лицо большими красными руками. Растрепанная, в потертой шубейке, она все повторяла:

– Давыд, скажи, шо рабиць, шо?

А Давид нервно ходил по комнате из угла в угол, слушая рассказ Зинки – так звали в Михалине Зинаиду Злобинскую, местную доярку. Была она женой Исаака Злобинского, боевого товарища Давида. Фронтовые ранения рано свели в могилу красавца-фронтовика. До последней минуты ухаживала Зинаида за мужем, облегчала его страдания, успев перед этим родить ему двух точь-в-точь таких же, как отец, горбоносых, сму-

глолицыных сыновей. Любила она их преданно, самозабвенно, и за себя, и за своего мужа, который так рано оставил их.

– Ды аддай ты своих полужидков в детдом, лягчэй буде! – говорили ей «доброхоты».

– Дак гэта ж мои дети, мои кровиночки! – недоумевала Зинка.

Местные евреи ее особенно не жаловали. Каждый год у Зинки был новый примак. Любит выпить, матерится – такая, как есть. Это только помогало ей переносить все трудности. А белорусы давно уже перестали ее считать своей:

– Жидовка! – только так и говорили про нее все соседи.

И только в нашем доме для Зинаиды были всегда открыты двери. И отец, и мать, да и мы – дети, любили ее за открытость души, за веселость, за неунывающий характер.

Вот и теперь, ворвавшись с криком, со слезами, она рассказала, что ее двое детей вместе с другими забрались в колхозный сад за яблоками. Председатель колхоза, увидев это, оставив в покое других детей, вначале погнался за одним сыном Зинаиды, а потом – за другим...

Все разбежались, а местный царек, посадив детей в машину, избил их до крови, а потом выбросил на дорогу.

– Ты ж ведаеш, чаго ен адпусцив усих, а только моих избив! Тольки из-за таго, што яны – дети Исака! – не переставала плакать Зинаида.

Это Давид понимал и сам. Боль и обиду этих детей он сейчас воспринимал, как свою.

– Ну, что сделать с председателем колхоза?! Когда за ним власть, райком, райисполком!

– Зина, может, сходишь в милицию? – вступила в разговор Ирина.

– Да кто ее будет там слушать? Даже на порог не пустят! – отмахнулся от этих слов Давид.

– Нет, но нужно что-то предпринять. Этого подлеца нужно наказать, это же не магазинный Федька, это – представитель власти, но у него такое же нутро, как у того бандюги. Только на посту и за рулем персональной машины.

Давид нервно ходил, ходил, никого не видя, никого не слушая. Потом вдруг, остановившись, сказал, сверкая глазами в бешенстве:

– Что же, сержанты еще стоят на посту!

И, обратившись к матери, попросил:

– Ира, возьми ручку и пиши все, что я тебе продиктую! Начинай: «Это было в Михалине...»

Когда письмо было написано, еще раз переписано и подписано корявым почерком Зинаиды Злобинской, отец сказал:

– Если на земле есть хоть один шанс, он будет наш!

И письмо было отправлено в Минск, в газету «Советская Белоруссия». Это было как раз во время хрущевской оттепели, когда народу разрешали что-то сказать, когда руководителей районных звеньев можно было наказать для урока другим. Вскоре в наш дом зашел высокий молодой парень, представившийся собкором «Советской Белоруссии». Радостно улыбаясь, Зинаида Злобинская сообщила, что он даже привез гостиниц ее детям. Журналист из Минска очень долго разговаривал с моим отцом, в котором нашел приятного собеседника и близкого по духу человека.

– Сможем – поможем, но вначале – разберемся, – пообещал нам столичный гость.

Я помню, как на четвертой странице газеты «Советская Белоруссия» на всю полосу был опубликован материал с названием, данным моим отцом: «Это было в Михалине». Пять газетных колонок рассказывали о самоуправстве местного самодура, который, занимая пост руководителя хозяйства, избил детей фронтовика.

Председатель колхоза быстро понял, кто помог Зинаиде, – ведь весь поселок с равнодушием отнесся к этому происшествию. Считанные евреи зависели от председателя. Другие – русские, белорусы – только посудачили об этом происшествии да назавтра его забыли. Да и боялись они всесильного хозяина округа.

– Только Давид Златкин мог такое придумать, только он! Но я доберусь до него! – негодовал председатель.

– Берегись, не ходи возле его дома, переходи на другую улицу! – просила отца мать.

– Я буду бояться? С каких это пор? – недоумевал отец. И как ходил, так и продолжал ходить каждое утро и вечер мимо председательского дома с гордо поднятой головой.

После такой разгромной статьи в районе не могли не принять меры – председателя сняли с работы.

Умение противостоять любым трудностям и выходить победителем в борьбе с самыми темными силами было отличительной чертой характера нашего отца.

– Я никогда не плыву по течению, – утверждал он.

Если сталкивался с несправедливостью, с чужим горем, то всегда спешил на помощь, порой даже не очень хорошо зная тех, кто к нему обращался. Все знали – Давид не откажет, Давид всегда постарается помочь.

Но на этот раз беда пришла в наш дом.

– Батька (так на белорусский манер называла отца наша мать, а за ней и все мы), меня снимают с работы, – почерневшая, переступила порог нашего дома, пройдя шесть километров пешком от школы, Ирина.

В школе, где работала мама, решили сократить количество начальных классов, и вместо трех третьих классов оставить два, а один, где поменьше количество учеников и успеваемость пониже, – расформировать. Все понимали, что учительнице, которая ведет данный класс, будет предложена другая работа, и вдруг, срочно созвав педсовет, директор школы сообщил:

– На место Ирины Давыдовны переходит учительница А.И., класс которой расформирован.

Это было неожиданным для всех, а не только для Ирины.

– А я? – вначале робко возразила она.

– Милая моя, у вас все хорошо. Мы согласовали и определили вас воспитателем школы-интерната. Там и зарплата повыше, да и, кстати, эта школа – в городе. Ближе, чем к нам на три километра, так что все учтено, – закончил совещание директор.

Едва закончив уроки, Ирина напрямую через сосновый лес бросилась в школу-интернат. Уже радовалась, что, может быть, станет немного легче, если на какую-то копейку заработает больше, да и добираться будет намного проще. Но в школе-интернате ее быстро охладили.

– О какой работе идет разговор? Нам никто не нужен, штат укомплектован полностью, – объясняли уставшей женщине.

Назавтра, думая всю ночь о работе, она постучала в кабинет директора, желая сообщить о том, что ее на новом месте никто не ждет...

– Меня это мало касается, приказ уже подписан о передаче вашего класса. Вы поступаете в распоряжение районо, я с себя всю ответственность снял, – глядя в сторону, заявил директор.

– Я с этим не согласна! – тихо, но твердо ответила Ирина.

Директор от неожиданности встал. Вот так номер! Всегда спокойная учительница, никогда не повышавшая голос ни в классе, ни на педсовете, оказывается, умеет протестовать.

– Не о чем разговаривать! Если моего мнения недостаточно – сейчас услышите мнение коллектива, – тешась своей властью над простой женщиной, заявил директор.

Собравшиеся учителя молчали. Они понимали, что некрасиво, не полюдски отбирать класс у учительницы, которая ведет его с первого дня. Но как пойти против воли директора? И не только его воли – кто-то нашептал ему свыше, как поступить в данной ситуации, у кого-то получил поддержку – иначе не вел бы себя так вызывающе.

Принимая молчание коллектива за согласие, руководитель школы резко напал на женщину:

– Встаньте, когда с вами разговаривает директор школы! Я вам сообщая в последний раз – вы в этом классе не работаете! Или вам непонятен русский язык?! – с ударением на последних словах уже закричал «властелин» школы.

Все даже вздрогнули от такого крика. Ирина только побледнела и, сжав косточки рук до посинения, еще громче ответила:

– А я отвечаю, что я буду работать в этом классе. И не нужны мне намеки, я изъясняюсь на чистейшем русском языке, том самом, который преподаю.

Директор школы замахал руками, взяв в руки стакан воды – ситуация становилась неуправляемой. Молчание нарушил чей-то вскрик. Медленно привстав со стула и наклонившись, тихо-тихо сползла на пол А.И. – учительница, которую хотели перевести в чужой класс.

– Воды, врача! – закричали одни.

Другие набросились на бедную Ирину:

– Это все из-за вас!

– Симуляцию обморока вы уже увидели, а что будет дальше – еще увидите! – твердо проговорила Ирина, выходя из кабинета.

На негнущихся ногах едва доплелась до дома, пройдя шесть километров по пурге, и вот сейчас она бессильно опустилась на стул. В стороне – сумка с непроверенными тетрадками. Сейчас дома она уже не могла быть такой твердой, просто сидела и плакала. Давид понимал состояние жены. Для нее класс был не только источником заработка. Этот класс был для нее, можно сказать, шестым ребенком. Приехав из села Красавичи в город, она долго не могла найти себе работу, пока ей не дали место библиотекаря в школе. Школа была далеко от дома, но каждое утро, накормив детей, управившись по хозяйству, она мерила километры: и в дождь, и в

снег, туда и обратно. Навела порядок в библиотеке, при необходимости всегда соглашалась на любую замену, на любой класс. И уроки русского, и уроки немецкого, и уроки математики – не считалась ни с чем. Заменяла всех, кто не вышел по болезни, кто находится в декретном отпуске, кто просто не смог прийти на работу.

– Ирина Давыдовна, не забывайте, вы – технический работник, нужно загрузить в подвал уголь, – приказывает директор.

Едва завершается урок, Ирина спешит на помощь техничкам. И так из месяца в месяц.

– Я никогда бы не поверил, что вы так орудуете лопатой, – восхищался директор.

– А вы бы посмотрели, как еще я орудую колуном, когда колю дрова, какие выпекаю хлеба, – не прерывая работы, говорила Ирина.

– Да, да, – только покачивал головой директор, не сомневаясь в правоте ее слов.

Прошел год, и когда в кабинете директора появилась незнакомая молодая девушка, он уже знал, как ее встретить.

– Вас направили к нам на работу из района? – поинтересовался он.

– Да, – ответила белокурая красавица.

– Но вы опоздали, – и, войдя в библиотеку, он сообщил: – Ирина Давыдовна, вы получаете первый класс. Вы заслужили это.

Можно было представить, какой радостью было наполнено тогда сердце Ирины. И вот теперь этот выстрадавший класс переходит к другому человеку.

– Был бы прежний руководитель школы – он бы не допустил этого. А новенький директор хочет быть полезным тем, кто может быть полезным ему, – думала Ирина.

Давид слушал жену и не знал, что делать. В далеком сорок первом было тяжело, но там был реальный враг. Выстрелишь первым – останешься в живых. А здесь?

– Как быть? – как всегда в трудное время, рассуждал он. – У нас нет времени на оборону, есть время только на атаку.

Утром, облачившись в подшитые валенки и какую-то куртку, он вышел из дому. Болели руки – одна от осколков, вторая – после перелома на целине. Побаливало в области сердца – видно, подступают осколки.

«Не зря же врачи говорят, что у меня их более сотни», – рассуждал Давид, протапывая километры через сугробы.

Ехать пришлось в соседний город Кричев, где теперь находился райком двух районов. Вот туда, на прием к секретарю, и спешил Давид. Так вдруг решил, так подсказала внутренняя интуиция. Неожиданно для него в приемной никого не оказалось, ему разрешили войти в кабинет. Седовласый человек, быстро взглянув на посетителя, заметил:

– У тебя есть несколько минут. Даже не знаю, как тебя пустили без предварительной записи.

Давид решил не кланчить, не просить – рассказал все быстро и по-военному четко.

– Фронтовик? – вдруг спросил секретарь.

– Да. С первого дня на войне, дважды был тяжело ранен. И ты фронтовик? – заметив орденские планки на груди собеседника, спросил Давид, вдруг перейдя с официального «вы» на «ты», по-фронтовому.

– Да, забрали в сорок третьем, – улыбнулся в ответ секретарь райкома.

– Повезло тебе. К этому времени я уже был весь в осколках, – говорил Давид, чувствуя, что сейчас самое время заговорить о цели своего визита, возможно, сейчас решится судьба не только его жены, но и всей семьи. Секретарь райкома молча выслушал рассказ Давида, глаза его вновь нахмурились.

– Ничего не могу обещать, езжай домой, разберемся, – Он уже знал об этом инциденте в школе, ему уже звонили из района.

– На месте все уладим. Это бедная еврейская семья, нечего с ними возиться, – убеждали его по телефону из соседнего района.

– Бедная, да видно, гордая. Этот куда нужно дойдет. Его не остановишь, а потом я получу нагоняй, что обижена семья фронтовика, что уволена мать пятерых детей, – подумал секретарь.

– Да, сколько все же у тебя детей? – спросил он у Давида.

– Хотелось бы больше, да и этих не дают прокормить, – отпарировал Давид.

– Так зачем разводить нищету? – попробовал было пошутить партийный начальник, – А потом обивать пороги?

– Я не нищету развожу, – опять пошел в атаку Давид. – Мои дети – лучшие ученики школы, – а потом добавил уже тише: – У меня вся семья расстреляна, вот я и ее восстанавливаю.

Утром, за несколько минут до звонка, в класс Ирины вошел директор школы и прямо с порога, не доходя до стола, заговорил:

– Как я рад вас видеть в этом классе, Ирина Давыдовна! Произошло какое-то недоразумение. Это ваш класс, и никому другому мы его передавать не намерены.

И затем, перейдя с официального тона на шепот, нагнувшись к ней, спросил:

– Что же вы мне раньше не сообщили, что у вас есть такой влиятельный покровитель? Я даже не подозревал об этом.

А наша мама, Ирина Давыдовна Хенькина, выпустила не только этот класс, но и проработала еще много лет в этой школе.

... В родительском доме – многоголосом, радостном, шумном, всегда любили вспоминать различные семейные истории. Когда наша мама рассказывала о своих переживаниях, связанных с этим происшествием, отец, гордо выпрямившись, всегда говорил одно и то же:

– Ира, сержанты стоят на посту!

И заливался таким раскатистым смехом, каким только он мог смеяться. А мы, дети, радовались их маленьким победам в той большой, нелегкой жизни.

Глава одиннадцатая

НЕ ИРА – ИЮСЬКА!

Солнце разлилось над Михалином, хотя в тени августовского сада жара ощущалась меньше. Вишневые деревья опустили ветви от своих спелых плодов. Грушевое дерево просто расширяется от удовольствия – так уродило в нынешнем году! Сливовая плантация радуется глазам. Самые разные яблони. Посредине этого великолепия желтеют головки укропа, лука, а чуть дальше – громадное поле с картофелем. Когда-то здесь стоял старый дом отца Давида – Залмана. К нему, тяжело больному, примчался сын из Красавич. Спас отца, деда, как его называли в семье. Еще десять лет прожили вместе, под одной крышей старого дома.

Летом 1966 года – сухим летом – этот дом сгорел в одночасье. Был ветер с грозой. Почему-то в округе молния никого не тронула. Возможно, это была судьба для того, чтобы на месте старого дома построить новый.

Старый Залман не мог сказать ни слова, только шевелил губами, когда видел, как пламя пожирает его дом. Он как стоял, так и свалился, как

подкошенный, на траву. Это и скосило его. В новом доме он прожил всего лишь несколько лет. Но это уже была не жизнь – он все вспоминал свой дом.

На месте пожарища построили новый дом, на месте пустыря посадили сад. И вновь ожило пожарище.

В первый раз – после войны, во второй раз – после случившегося пожара. От бывшего еврейского колхоза «Энергия» остались только воспоминания. Молодые двинулись в большие города. Еврейская молодежь, буквально все как один, поступали в институты Москвы, Ленинграда, Минска... Люди постарше оставались, как и раньше, здесь, создавая для себя и для своих детей рай земной.

И с этим раем я должен был проститься.

– Сынок, может, подумаешь? Куда в белый свет, как в копейку? – подняла на меня свои тревожные глаза мама. – Батька еще не все понимает. Побыл, посмотрел, и ты туда же?

Отец – вечный романтик, искатель другой жизни для себя и для своих детей – только что вернулся с калининградского побережья, был очарован этим новым российским краем – бывшей Германией. Даже добрался до обкома партии, где ему коротко ответили: «Да, нам нужны сотрудники в газеты области».

– Ты же журналист, коммунист, офицер, что ты ждешь? Здесь в Белоруссии будешь прозябать, как я. Но ты же не был на фронте, ты – другое поколение, – все наступал на меня отец.

Вот я и решил. Съездил, посмотрел, обернулся за три дня. Меня уже ждала работа в бывшем немецком городе Фридланде, на берегу удивительной реки Лава, на земле, некогда принадлежавшей Пруссии. Жену – выпускницу университета – тоже ждала работа в местной школе, где когда-то учились немецкие ребята. Я был очарован этим городом с красными черепичными крышами, цветниками, клумбами, дорогами, Балтийским морем, обилием рыбы в магазинах по сравнению с Белоруссией.

– Мама, меня уже ждут, я ведь дал слово, все решено, – обнял я ее за плечи.

И вот – утро расставания. Я и моя жена Аня взяли в руки чемоданы. Но щемит сердце – здесь остается наша восьмимесячная дочурка. Мы вначале не знали, как быть с ней – сами не устроены, неизвестно, где остановимся, а здесь – маленький ребенок.

– Не волнуйтесь, за девочкой я присмотрю, все будет хорошо, – успокоила нас мать.

Не думаю, что я бы так легко оставил своего ребенка на кого-то другого. Но я хорошо знал свою мать. Я надеялся на нее даже больше, чем на самого себя.

И сейчас наша дочурка удобно устроилась на руках у бабушки и совсем не делает нам концерт по поводу отъезда, а спокойно смотрит на нас своими черными глазками-бусинками.

Новый край, конечно, нас захватил. В комнатке интерната местной средней школы, куда нас сначала устроили, мы прожили полгода. А через полгода получили квартиру в новом доме. Но год – целый год – моя мама была как часовой на посту.

После августа наступил холодный сентябрь, и сразу же похолодало.

Давид, как всегда, спешил на работу.

– Женечка, скажи «А», – говорит Ира, продолжая что-то делать на кухне.

– А-А-А, – отвечает ребенок.

Стоит только Ирине посмотреть в зал, где в окружении одеял и подушек играет ребенок, их глаза сразу же встречаются. Чем бы бабушка ни занималась, где бы ни была, постоянно чувствует, что за ней следит малышка. А она – за ней.

И вдруг в тишине... топ-топ-топ.

– Я осторожно выглянула из кухни и вижу – пошла, пошла моя девочка. Я, чтобы не испугать, тихонько иду сзади, чтобы поддержать, чтобы не упала, – рассказывала потом бабушка.

Сохранилась фотография: идет наша малышка, переваливаясь с ноги на ногу, а сзади наготове – натруженные руки бабушки.

Она любит всех своих внуков, а их у Ирины десять. Но к Жене привязана больше всех – если так скажу, никого не обижу – ни братьев, ни племянников. Когда одного за другим рожала своих сыновей, то всегда спрашивала: «Кто у меня?». И всегда был ответ – «Мужик».

А мать так хотела девочку, мечтала, чтобы у нее была помощница! Вот и первая девочка в семье. И разве есть разница, дочь это или внучка?

– Я боялась только одного – чтобы ребенок не ударился. Мало ли что могло быть? Одни мои знакомые оставили ребенка родителям здоровым. Приехали – больной после падения. И не просто больной, а инвалид, жизнь которого продолжалась в каком-то закрытом интернате. Какое это

несчастье! – не раз говорила Ирина своим соседям. И все время наказывая себе: за ребенком глаз да глаз, глаз да глаз!

В доме, как во всех, русская печь. На печь ребенка – ни за что, ведь очень высоко! На кровати и на диване одну не оставлять, только в кровати, закрытой со всех сторон.

У хозяйки всегда очень много дел: каждое утро мама спешила к своим любимцам – козам. И каждое утро она ребенка усаживает в коляску, и по дорожке к сараю. Назад – в одной руке коляска, во второй – банка с молоком. Нужно покормить другую живность – в одной руке коляска, во второй – корм. Нужно сходить за водой к колодцу: в одной руке коляска, во второй – ведро, наполненное водой. Нужно принести дрова – в одной руке топливо, во второй – коляска.

Помогал, конечно, Давид. Бросалась к нему на шею внучка, только видела на пороге. Но все ведь не предусмотреть – все работы по дому на руках у хозяйки, так было всегда.

Не преувеличу, если скажу: мама сама недосыпала, но ребенка укладывала и берегла его сон. Все самое вкусное, естественно, малышке. И поэтому не год – годы – Женя свою бабушку звала не «бабушка», не «Ира» – «Июська» – такое имя дала она своим детским сердцем.

Машина останавливается возле палисадника. Из далекого Калининграда приехала в Белоруссию за своей дочерью Аня. И она, и бабушка чувствовали, что девочку, так привязанную к ней и к ее дому, не так будет легко забрать. На уговоры, что нужно ехать – ни в какую. На обещание что-то купить – ни за что ребенок не соглашался. В полтора года с небольшим она все прекрасно понимала и отвечала коротко: «Нет».

Когда подошли к машине, ребенка быстро подали в окно... Не знаю, как это окно не было разбито.

А Ирина просто слегла. Несколько дней ни с кем не разговаривала – так они были привязаны друг к другу.

А наша малышка, приехав в Калининград, конечно же, не могла забыть свою бабушку. Каждый вечер, придя из садика, она надевала большие сапоги, брала в руки большую сумку, и, стуча громко в дверь, объявляла: «Здравствуйте, я Июська!»

И так – каждый вечер. А потом брала в руки бумагу и карандаш и что-то писала. Естественно, это было письмо в далекую Белоруссию, к бабушке.

И бабушка примчалась за тридевять земель, к нам, к своей внучке. Сохранилась старая фотография, где наша мама еще молодая – ей еще не

было 60 лет – в тоненьком плаще стоит возле детской коляски, из которой выглядывают счастливые глаза малышки.

Прошли годы. Сегодня у нашей дочери – уже своя дочь Лея. Она – сабра, родилась в Израиле. Менее сентиментальный человек, но и у нее к прабабушке небывалая любовь. Даже это трудно объяснить...

У бабушки Ирины – громадное богатство: дети, внуки, правнуки. Из далекой Канады постоянно звонит ей Эльвира – дочь Якова. Как только примчится в Израиль, сразу же – к бабушке со своими детьми.

– Да отдохни ты чуток дома после дороги! – говорят ей в семье.

А она – ни в какую...

Из Австралии – звонки за звонками от Софы, дочери того самого Григория, руку которого она не отпускала всю дорогу во время ночной поездки из Красавич в Климовичи.

Частый гость – внук Дима с детьми, сын Сергей с внуками.

А недавно Мира – бывшая тбилисчанка – пришла к бабушке в окружении двух сыновей, а коляске – только-только родившаяся девочка.

Все навещают бабушку.

Правнуки Лея, Йонатан и Бенъямин – сыновья той самой малышки Жени – живут рядом. И они уже по привычке, только приоткрыв дверь, сразу же бегут мимо меня, мимо моей жены.

– Где Ира, где? Все нормально с ней? – живо интересуются они, а потом уже подходят к нам. Мы только улыбаемся.

Материнское сердце, полное любви ко всем, получает такую же любовь взамен. Не только дети – племянницы и племянники – постоянно на телефонной линии. Для них она как была, так и есть – тетя Ира с вечно улыбающимися глазами.

Глава двенадцатая

Я – ЕВРЕЙ!

Дождь, мелкий и острый, пронизывал все тело. Ноябрьский ветер гнал тучи по тусклому небу. Давид, не обращая внимания на непогоду, размашисто шел по раскисшей от дождя дороге.

Еще за несколько дней до того он приготовил старый плащ, шапку-ушанку. Старые раны, искалеченные руки прогнозировали наверняка ухудшение погоды.

– Вот по такой же дороге таким же ноябрьским днем гнали на смерть моих родных, всех евреев поселка, – эти мысли всегда одолевали Давида, особенно в ноябрьские дни.

– А был бы я чуток младше – был бы вместе с ними. Война им жизнь прервала, а мне – спасла. А может, было бы лучше сгинуть со всей семьей? Сколько мне еще мучиться, страдать?

Давид никому не изливал душу, на людях был разговорчивым, общительным, а как оставался сам с собой – не находил себе места.

– Я даже не знаю, где именно останки моей мамы, останки моих сестер. А я что? Выжил чудом, один из семьи. Остался только я и отец. Кажется бы, прошел войну, выжил в Катастрофе, должен жить за себя и за всех уничтоженных, так нет!

Давид никогда ничего не просил для себя – только хоть какую-нибудь работу, где могли бы пригодиться его израненные руки. На предприятиях города инвалид был не нужен, в военкомате отнекивались: «Ты свое отвоевал? Отвоевал. У нас к тебе претензий нет. А насчет помощи в работе – в райсобес».

В райсобесе тоже отворачивались: «Пенсию даем? Даем. А на большее не рассчитывай».

И Давид вновь брал треножку с фотоаппаратом и забирался в самые глухие деревни района. Бывало, садился на автобус, который подвозил его до центральной усадьбы колхоза или совхоза, а потом уже пешком, со всем оборудованием, тяжело брел от деревни к деревне, от дома к дому, километр за километром. Сельчане уже ждали его, порой, даже выстраивалась очередь.

Но этот заработок был сезонным, в основном, летом, да и то не каждый день. А дома – пятеро вечно голодных мальчуганов. Жена Ирина делала все, что могла, – и в школе работала, и по хозяйству, да еще большой сад и огород. Времени заглядывать в израненную вечными переживаниями душу Давида у Ирины, какой бы двужильной она ни была, не было сил.

Единственная радость и гордость Давида – дети.

– Мои сыновья, – говорил он, любуясь каждым из них. – Подрастают мои мальчики.

Ради них стоило жить, преодолевая боль, бороться с трудностями повседневной жизни и терпеть, терпеть, терпеть...

И вот, наконец, улыбнулось ему, как принято говорить, еврейское счастье.

Из области пришла разнарядка – на местном быткомбинате потребовался переплетчик. Главный бухгалтер и главный инженер – евреи. А тут на пороге – усталый, заросший Давид, готовый на любую работу. И мгновенно оба начальника решили, что они просто обязаны помочь своему соплеменнику, тем более, что директор завода временно отсутствовал, так что разрешения его не потребовалось.

Давид повеселел, стал уже строить планы, что купить с первой зарплаты, что со второй... Утром он уходил на предприятие со своим станком и, переплетая бухгалтерские документы, находил все новые и новые заказы для работы. Находил сам, по телефону, при личных встречах. Львиную долю получал быткомбинат, а сам Давид – крохи, но и эти крохи мозолили глаза директору завода – не мог он стерпеть, что нового рабочего, да еще еврея, приняли в обход него.

Постоянно при встречах с Давидом он отпускал в его адрес резкости, старался всячески его унижить. Директору не нравился свободный нрав нового переплетчика, который даже шапку не снимал при встрече с начальством. Подхалимов вокруг было предостаточно, они-то и стали нашептывать директору:

– Смотри, скоро и другие рабочие перестанут тебя бояться, твоя власть закончится.

Директор не мог успокоиться:

– Взяли на мою голову! – орал он на своих заместителей.

– А что он вам делает плохого? Дает выработку больше, чем любой цех, – пробовал защитить Давида главный бухгалтер, но все было безуспешно.

Отец чувствовал, что он приближается к той красной черте, за которой его начинает охватывать бешенство, холодеют руки, а мозг дает команду: «Вперед!», как раньше, в бою.

Бредя по осенней дороге, он не замечал дождя. Мыслями он был там, в ноябре 1941 года.

– Что думала моя мать, что думали мои братья и сестры, идя в последний путь? – вопрошал Давид. – Не переживай, мама, я не сдамся, – вымолвил он про себя эти слова, переносясь из прошлого в настоящее. Решение пришло мгновенно...

Вот и проходная. Как всегда возле нее – много людей. Возле ворот – сам директор. «С чего бы это?» – подумал Давид, не сворачивая в сторону.

– Куда спешишь, еврейчик? – вдруг услышал за спиной зловещий его голос.

Давид понял – схватки не избежать.

Люди, которые столпились около проходной, замерли. Теперь Давида ничто не могло остановить. Не понимая и не думая о последствиях, видел перед собой только крысиное лицо врага, пылавшее яркой ненавистью. Нагнувшись, Давид схватил подвернувшийся под руку булыжник.

– Пикни слово – и твоя голова превратится в кашу! – чеканя каждое слово, медленно говорил Давид, наступая на руководителя предприятия.

Тот не ожидал такой наглости от простого рабочего, да еще от еврея.

– У меня есть справка о контузии, и мне ничего не будет, если я тебя уничтожу. Замри, гадина! – еле сдерживался Давид, чтобы не врезать в ненавистную морду. Подошел к проходной, и, открыв дверь, громко закричал:

– Ты думаешь, ты здесь хозяин? Ты ошибаешься! Они, эти рабочие – хозяева. А ты – ты знаешь, кто? Забыл? Напомню.

– Не нужно, Давид. Погорячились оба, – директор уже почувствовал надвигающуюся опасность.

– Нет, нужно. Пусть все знают – в то время как такие, как я, проливали свою кровь на войне, твоя семья прислуживала немцам.

Об этом знали многие, не раз переговаривались тихо между собой из какой семьи директор, но чтобы так, в открытую, в шестидесятые годы, когда уже не так свежа была память о войне, сказать во весь голос? Это было опасно, ведь директор завода связан со всей местной властью. Одному – путевку за счет предприятия, другому – рабочих, чтобы благоустроили особняки местной знати.

Но с того дня директор поблек, будто стал меньше ростом, люди перестали перед ним заискивать. А вскоре его перевели на другое место работы, как потерявшего уважение коллектива.

А что было потом?

Наш отец до самого отъезда в Израиль продолжал спокойно работать переплетчиком на этом заводе.

Выйдя на пенсию, он до 67 лет не выпускал из рук свой переплетный станок, и даже в Израиль привез свои большие ножницы.

Глава тринадцатая

ИРИНА – МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

Пролетели годы... Выросли сыновья... И на долгие двадцать лет Ирина стала солдатской матерью, провожающей и встречающей сыновей...

За окном вагона проносились села, белоствольные леса и зеленые поля, но Ирина глядела на все из окна вагона, будто в тумане. Мыслями она все еще была там, в Бресте, где продолжал службу ее старший сын. Коротко подстриженный, худенький, он будто вынырнул из-под земли на проходной части, куда она обратилась. Какой-то незнакомый, чужой, в солдатской гимнастерке, только изредка улыбка озаряла его лицо, по которой мать и узнавала сына. Короткие две встречи, и все...

Впервые за два года – и снова год в ожидании. Понимала, что ничего нельзя изменить. Пройдет еще год, и вернется сын домой – повзрослевший, совсем уже другой – комсорг батареи, офицер запаса.

– Даже не верю, что сумел пережить все то, что со мной случилось, – скажет потом дома.

В ракетной части, среди более 1000 солдат, евреев были единицы. Сыновья фронтовиков из центральной России, Сибири и Урала, как и их отцы, были прекрасными друзьями, чуждыми антисемитизму.

Однако этого нельзя было сказать про некоторых призывников из Западной Украины и Белоруссии.

– Где здесь еврей? Никогда не видел, – все заскакивал ко мне в отсек один из них. Да разве только он один? Наследники бывших полицейских спали рядом со мной в одном кубрике, сидели за одним столом. Я чувствовал их враждебность. И с ними нужно было идти в караул, вместе быть на учениях, не спуская палец с автомата.

Все это еще предстояло услышать матери, а сейчас сердце ее разрывалось на части, совсем, как тогда, когда темной ночью перевозила своих детей из деревни в город.

– Мама, мама, успокойся, тебе ведь еще за меня придется плакать, – подошел к ней Сергей.

– За тебя? – подняла на него глаза мать.

– За меня, – бросил он в ответ.

Пройдет еще несколько лет, и Сергей – студент вечернего отделения Куйбышевского авиационного института, уйдет в армию.

– У нас – военная кафедра только для студентов дневного факультета, а ты готовься служить, – жестко сказали в военкомате.

А ровно через два года промелькнула за окном солдатская серая шинель. Сергей домой вернулся старшиной роты.

– Сынок, как долго я тебя ждала!..

– А меня ты готовишься ожидать? – подошел к ней следующий сын Григорий.

И снова проводы, третьи проводы.

Григорий, самый мягкий из детей, возвращается домой старшим сержантом.

Только отпразднуют встречу – и снова новые проводы.

Пришло время служить и самому младшему – Льву, его направляют в учебное подразделение. И вновь, как и прежде, она через пятнадцать лет мчится через всю Россию в Подмоскowie, на встречу с сыном.

Он выходит ей навстречу – уверенной походкой, в длинной шинели с сержантскими нашивками, улыбаясь одними глазами. Командир роты, который пришел в гости к матери своего сержанта, рассказывает:

– Мы готовим командиров отделения, и как трудно им объяснить, что нужно защищать небо. Говорим: «Самолет вторгается в пределы Москвы, ваши действия?» Никаких действий со стороны призывников с Кавказа – нашего нового пополнения. Что делает Лев?

– Представь, что самолет летит все ближе к твоему дому. В этом доме – твоя мать, твои родные. Предпринимай, ищи мишень! – объясняет он своим подчиненным. И вот результат – на учениях они показали совсем иную подготовку, чем раньше.

– Поэтому Льва мы оставили здесь инструктором. А, может, он останется здесь навсегда? – шутит капитан.

Мать возвращается домой после встречи с младшим сыном, и начинаются долгие дни ожидания. Ждет его демобилизации, считает день за днем, отмечает в календаре вместе с внучкой Женей.

А на очереди – новые проводы. Заскочил домой на день попрощаться с матерью Яков. Казалось бы, уж его-то минует служба. Но нет, его – выпускника Куйбышевского авиационного института, отца двух детей, призывают на службу замполитом роты. Его уже ждет вместе с матерью жена Генриетта, двое детей.

Почти двадцать лет Ирина – мать солдатская (так называл ее отец) провожала, встречала, ждала своих сыновей. В морозные

ночи она всегда выходила на улицу. И чем холодней была ночь, тем дольше там оставалась.

– Что это с тобой? – дивился муж.

– Ты что, не понимаешь? – отвечала мать. – Мои сыновья в это время стоят на посту. Вот я им будто бы и помогаю.

Глава четырнадцатая

ТЕЛЕГРАММА В МОСКВУ, В «СОВЕТИШЕ ГЕЙМЛАНД»

Телеграфистка несколько раз перечитала телеграмму, медленно шевеля губами, потом перевела вопросительный взгляд на Давида.

– Такой текст и отправлять? «Сообщаю, что в небольшом белорусском городе Климовичи на ваш журнал подписалось несколько десятков еврейских семей. Поздравляю с победой».

– А что здесь такого? Телеграмма как телеграмма, – шутя, проговорил Давид, но в сердце сомневаясь, что ее пропустят дальше.

– Я должна посоветоваться с начальством, – обрезала телеграфистка.

Начальник отдела связи смотрел то в телеграмму, то в окно, видя на стене соседнего здания лозунг: «Перестройка идет по стране», соображал, как быть. Времена какие-то новые, непонятно, что можно, а что нельзя. Раньше погнал бы этого еврейского активиста куда подальше с его журналами. А теперь Израиль открыт, Америка открыта, а тут – какой-то еврейский журнал, да еще московский.

– Да ничего мне не будет за эту телеграмму! – решил про себя районный начальник.

Давид домой летел, как на крыльях.

– Это победа, настоящая победа! – говорил он себе, своим сыновьям, жене, всем, кто поддержал его в этой подписке.

Я, его старший сын, понимал его всегда. Я всегда был рядом, всегда видел отца увлеченным еврейским журналом «Советише Геймланд», газетой «Биробиджан Штерн», которую он пачками получал из Биробиджана.

– Я понимаю, что это – просоветские издания, что они контролируются КГБ, но если нет никакого еврейского воздуха, нет никакой еврейской информации – хоть что-то, для меня это важно.

Еврейство для него было не лозунгом, не бахвальством. Свое еврейство отец не выпячивал и не скрывал, он им просто жил. Отец собирал журналы, полученные из Москвы, умело их переплетал год за годом, перечитывал до корки. Уезжая в госпиталь инвалидов войны или в санаторий по путевке из райсобеса, всегда захватывал с собой «Советише Геймланд», с ним под мышкой заходил в палату госпиталя.

– Этот журнал для меня – как барометр. Антисемиты, видя меня, закипали. Настоящие боевые друзья открывались сразу, – говорил нам отец.

Вспоминаю, сколько почтовых открыток с поздравлениями получал отец ко Дню Победы, к Первому маю.

«Дорогой Давид, всего хорошего тебе и твоей семье!» – писали ему новые друзья из Риги, из Минска, из русских и белорусских сел.

В свою очередь, отец отправлял не десятки, а сотни открыток.

«Дорогой Ваня», «Дорогой Соломон, Степан, Кузьма, с Днем Победы!» – писал он своим размашистым почерком, поздравляя ветеранов войны с праздником, нередко с открытками отправлял и маленькие бандероли.

– Понимаешь, у моего нового друга есть проблема со здоровьем. Я обещаю ему отправить хорошее лекарство, я могу это выписать для него, – улыбается отец.

– Наверное, как еврей еврею хочешь помочь? – шучу в ответ.

– Гор, – спорит отец. На идише это «с чего бы вдруг?» – Я отправляю бандероль Ивану Ивановичу из Минской области, а он – самый настоящий белорус.

Еврейский журнал помогал моему отцу находить друзей, и не только среди фронтовиков. Заметив в одном из номеров «Советише Геймланд» стихи молодого русского паренька Александра Белоусова из Куйбышева, завязал с ним переписку. Отец был поражен, удивлен:

– Русский парень изучил идиш, иврит, а вы, евреи, отворачиваетесь от своего языка! – стыдил он нас. Особенно наседали на меня. – Ты журналист, владеешь русским и белорусским языками, пишешь на них, а связать пару слов на идиш не можешь!

Что я мог сказать в ответ? Что детство мы провели в селе, были единственной еврейской семьей, что родители разговаривали на идиш только тогда, когда хотели от нас что-то скрыть, да и сам отец, только переехав в город, стал снова разговаривать на идиш, учиться заново читать и писать.

– Саша Белоусов научился читать и писать тоже не в 5 лет. Нужно захотеть! – парировал отец и всегда выходил правым в споре.

Кстати, продолжение заочного знакомства с Александром Белоусовым состоялось в Иерусалиме, через много лет.

– Давид? – вопросительно посмотрел на него коренастый светловолосый человек.

– Саша, Саша Белоусов! – поднял на него черные глаза мужчина-пенсионер с орденскими планками на костюме.

И, крепко обняв друг друга, стояли рядом и все смотрели один на другого. Эта встреча тоже была чудом, она состоялась через много-много лет после их первого заочного знакомства. Это произошло на свадьбе старшей внучки Давида, моей дочери Евгении в сентябре 1992 года.

Мой отец и Александр Белоусов долго не могли расстаться. После многих лет переписки они хорошо знали друг друга, им было о чем поговорить – литератору Белоусову и его почитателю, его поклоннику, и не только творчества, его жизни – Давиду.

Александр – в 13 лет, заинтересовавшись библией, начал изучать иврит, чтобы прочесть ее в первоисточнике. Потом – местная синагога, знакомство с миром еврейской культуры, который его захватил полностью. Женитьба на еврейской девушке и приезд в Израиль в 1990 году. Жизнь до обидного мало отпустила этому человеку, который стал известным еврейским поэтом... – всего 55 лет.

А я все время удивляюсь способности моего отца находить неординарных людей, устанавливая с ними контакт. Каким-то магнетизмом, видимо, он обладал, что мог притягивать к себе не просто людей – личностей, независимо от расстояния, разницы в возрасте и положении. Объяснение этому только одно – наш отец сам был незаурядным человеком!

Теперь вы понимаете, что еврейские издания были для моего отца не саморекламой – он ими жил, он ими украшал свою жизнь.

– Но как они не понимают, что есть что-то выше обыденщины? Их нужно разбудить ото сна. – Говорил отец, думая о местных евреях. Старался дать им почитать журналы, газеты, пробудить у них интерес к еврейской жизни. Но евреи небольшого городка были разобщены, боялись за свое маленькое место. Им спокойнее было раствориться среди всех, ничем не выделяться. На Давида смотрели, как на белую ворону.

Свежий ветер перестройки вдохнул новые мысли, уже меньше можно было опасаться за свое инакомыслие, и теперь люди не отказывались

взять и прочитать журнал, газету на еврейском языке. А отец уже шел дальше – он предлагал им подписаться на издания, чтобы люди могли постоянно ими интересоваться.

– Нет денег? Хорошо, я заплачу за тебя, только подпишись, – говорил он одним. Другие оплачивали частично, но Давид был и этим очень доволен. Он получал пенсию, немного подрабатывал и, хотя постоянно посылал подкрепления сыновьям-студентам, мог позволить себе сделать что-то для души.

Через год-два горожане уже сами стали выписывать журнал «Советише Геймланд», сами стали спрашивать у него, как подписаться на него. Так росло количество подписчиков на еврейские издания.

Теперь вам понятна радость Давида, когда он повторял снова и снова всем:

– Это победа, это победа!

В ней он видел не только свою победу, но и победу других, которые стали возвращаться к своим корням, к своим истокам.

Сколько себя помню, отец всегда мечтал об Израиле. Даже в те холодные времена железного занавеса, когда все интересы заглушали застоьем, когда всеобщая пьянка разливалась по стране, отец искал выход, как мог.

– Все закрыто наглухо в этой стране, и нет из нее выхода. Но он будет, обязательно будет! – будоражил он нас своими соображениями.

Человек удивительного общения, за короткое время он обрастал множеством знакомств. Впервые отдыхая на Кавказе, был поражен южной красотой, но более был поражен свободой мышления по сравнению с Белоруссией. Свободой местных евреев. И вот уже по знакомым адресам, по адресам Давида, уезжает в Сухуми Сергей, а за ним в Тбилиси Григорий.

– Отсюда до Израиля ближе, – убеждал отец и не ошибся.

Именно оттуда, с Кавказа, началась наша семейная алия. Но это будет еще в будущем, хотя Давид к ней готовился всю жизнь. Он как будто чувствовал, что страна, которая не сохранила его семью, земля, которая полита кровью его матери, не может быть родной землей для его внуков и правнуков.

– Все, здесь больше делать нечего, – все чаще и чаще говорил отец, вслушиваясь в передачи «Голос Израиля».

Мы заказали контейнер, который, кстати, и не отправили, покупали, казалось, необходимые вещи, которые и не взяли.

Отец над нами только подсмеивался, он готовил свой «багаж».

В маленький старый чемоданчик он бережно сложил все свои боевые награды и списки погибших евреев, которые он намеревался передать в иерусалимский музей «Яд ва-Шем».

– А больше мне ничего и не нужно, – решительно сказал он, собираясь в дорогу.

Глава пятнадцатая

ИСХОД

Давид лежал с открытыми глазами, переводил взгляд с одной голой стены на другую, бродил из комнаты в комнату. Дом опустел. Все, что можно было, продали за бесценок, а в основном – раздали родственникам и знакомым.

– Не нужно продавать дом, оставьте все, как есть, – спорил с домашними Давид, – все это – мелочи, главное – приобретаете страну.

В последние дни нашелся покупатель. Скрепя сердце, Давид согласился на продажу дома. И вот теперь, уже в бывшем своем, но уже чужом по праву доме, он проводит последнюю ночь. Когда-то радовал его каждый уголок, дом всегда был наполнен шумом, радостью. Ира хлопотала с утра до вечера в нем, в саду, с хозяйством. Оно было немалое – куры, индюки, козы... И вот сегодня – последняя ночь. Дети – далеко-далеко... Уже давно двое его сыновей с семьями – Григорий и Сергей – с нетерпением ждут встречи в Израиле. Собирает чемоданы пятый сын – Леня. В подготовке – второй сын Яков. Готовится к отъезду сразу же после службы в армии старший внук – Игорь. А завтра выезжает с ним семья старшего сына Ефима.

– Да, большая семья, но все далеко, не рядом, – подумал Давид, подходя к окну. Небо было чистым, светлым, казалось, что это и не ночь. Да, ночь уже заканчивалась, наступало утро 6 ноября 1990 г.

Михалин просыпался. Над коминами домов заструились черные ленты дыма. Слышалось, как люди стали заниматься своими делами.

– 6 ноября... День в день... Какое странное совпадение, – подумал Давид.

Только тогда, в 41-м, его мать, сестер, братьев угоняли из дому, а сейчас он его покидает сам.

Но сам ли? От хорошего хорошего не ищут. Вспомнилось, как хотел залечить свои раны на пепелище, построил дом, вырастил сыновей, посадил сад. Но боль не утихала, боль потери и утраты была всегда с ним, как и боль от одиночества. Ходил по улицам, искал знакомые лица, с которыми играл в детстве, с которыми уходил на войну, и не находил. Хотелось сказать: «Где вы?! Где вы все? Где?»

В Климовичи после великой бойни вернулось несколько десятков евреев. Искал дружбу со всеми, с полуслова понимали друг друга, но особенно был близок с Марком Лейтусом, директором первой еврейской школы до войны и директором школы рабочей молодежи уже после нее; с великим знатоком идиша Казачковым.

Помню, как-то в 80-е годы в нашу городскую газету зашел остроносый человек с седыми висками. «Григорий Релес из Минска», – этих слов было достаточно, чтобы я обратил на него внимание. Еврейский писатель из Минска, современник тех великих писателей, которых замучили во время сталинщины, единственный уцелевший из них.

– Как он выжил? – все удивлялся отец.

– Очень просто. Ушел из литературы, стал преподавателем школы, а все, что писал, – для себя, – рассказывал Григорий Релес, сидя за столом в нашем майском саду.

Я слушал их разговор. Автор поэтических сборников Григорий Релес, директор школы, знаток идиша, и мой отец чем-то были похожи.

– После такой войны мы опять стали бояться себя. Ты же из столицы, скажи, объясни, почему даже слово «синагога» стало оскорбительным словом? – наседал на гостя отец.

– Давид, Давид, все мы – давно на кладбище. Еврейские поэты уничтожены, книги их никто не читает. Да и читатели – только мы с тобой, люди нашего поколения, – горестно кивал головой писатель.

Но отец не отставал, задавал другие вопросы, и их было так много, что Григорий Релес удивлялся:

– Я все же из Минска, видел многое, больше информации получаю, но откуда ты все знаешь, находясь здесь, в этом пригородном поселке?

– Да он же с книгами ложится, с книгами встает, – шутила, подавая на стол угощение, Ирина.

Сотни еврейских ребят направил Михалин навстречу врагу. А вернулись раз-два-три, все искалеченные, израненные – сам Давид, Евгений

Стукало, его родной брат, Михаил Школьников. В город Климовичи – чуть больше.

Создавались новые семьи, подрастали дети – в семьях Лейтуса, Синякова, Ошерových, Песькина, Хайкина, Суперфина, Любан, Каспина, Кац, Чемоданова, Козлова, Велкеса и других...

Казалось, что еврейская жизнь воспрянет после войны, возродится. Да где там... Стало больше молодых еврейских лиц, но своего еврейства они боялись, как огня. Без языка идиш, без той внутренней еврейской души, которая пылала в каждом еврее раньше, молодые евреи были, как все. А какими они могли быть, когда даже на памятнике погибшим вместо слова «евреи» было написано «советские граждане»?

Поселок Михалин, когда-то еврейский колхоз «Энергия», просыпался после ночи. Наступал новый день. И почти никто не заметил, как два молодых человека – Давид и Ирина – последние из евреев поселка, взяв в руки дорожные сумки, вышли из дому. Давид ясно понимал, что больше в своей жизни он уже сюда никогда не вернется. Прожито 67 лет. Что будет впереди, неизвестно. Но он уверенно шагал, рядом с ним был его верный боевой друг, как он называл мать, Ирина.

А она вспоминала все свои трудные годы, и особенно они были трудные, когда после отпускных, которые уходили мгновенно, оставались еще впереди два долгих летних месяца: июнь и июль. Вспоминала долгие летние дни бесхлебья.

– Скоро придет Батя, принесет хлеб, – успокаивала детей мать.

– Батя, Батя! – выскакивали ему навстречу дети, увидев, как он в темном запыленном пиджаке проскакивал возле дома.

Но что это? В руке нет желанной сумки с черным хлебом, а вместо нее под мышкой – сверток.

– Ира, перехвати пару рублей у соседей, через день-два отдадим. Не мог я пройти мимо костюма. А потратили бы – денег немного, не смог бы купить, – говорил он. И набрасывал его на плечи своим королевским жестом одному из своих сыновей, тепло прижимая его к себе.

– Батя, ты посмотри, какой он – рукава свисают, плечи большие-большие! – смеялись дети.

– А ты как думал? Навырост берем. Пройдет пара месяцев – совсем будет впору.

Так и было. До начала учебного года отец, чего бы ему ни стоило, приобретал второй, третий, четвертый костюм. Но на пятый у него всегда не хватало ни времени, ни возможностей.

– Леня, сынок, в следующем году ты уже будешь первым на очереди, – обещал отец, взглядываясь в его совсем не просящие, а всепонимающие глаза.

Через год все повторялось сначала. Старшим – обновка, младшим – одежда с плеча старших. Но когда самый младший перешел в десятый класс, отец принес ему новый костюм – с ним он и вошел в аудиторию физмата педагогического института...

Все это вспомнилось Ирине, когда она все дальше и дальше уходила из Михалина.

Ирина – мать солдатская, и была ей почти двадцать лет. Столько же она была и мать студентов. Один за одним мы поступали в институты, уезжали и приезжали с сессии и на сессии.

А дальше – новый круг. Один за одним приходят в семью сначала невесты, а потом – жены Аня, Генриетта, Сусанна, Элла, Алла.

Еще виток – внуки Игорь, Женя, Эльвира, Дмитрий, Борис, Саша, Мира, Софа., Эли, Яна...

Будет еще один виток – правнуки – Анастасия, Каролина, Джастин, Джессика, Лея, Ионатан, Бениамин, Лола, Лев, Миэль, Мия, Меша, Бар, Дана, Хен, Лирон, Лиам... Будут еще новые и новые правнуки.

В семью вольются Марк, Юлия, Юрий, Светлана, Надя, Габи, Рой...

Но это уже будет не через годы – через десятилетия. И совсем уже в иной стране...

... В Белоруссии рано наступает дождливая осень, долго идет холодная зима, и когда расцветает весна, отец и мать уже начинают ждать гостей. Михалин стал центром. Из Грузии, из России мчались сюда сыновья со своими женами и детьми.

Летом 1989 года в Михалин приехали все пятеро. Никогда так не выпадало, чаще всего – две-три семьи, но не пять. Как чувствовалось, что здесь это – последняя встреча.

Страна переживала непонятно что, за столом в яблонево саду спорили до хрипоты, что будет дальше с перестройкой, со страной. Отец слушал-слушал, да и изрек:

– Смотрю я на вас, все умные-грамотные, кого только нет среди вас: и учителя, и врачи, и журналисты, и инженеры. Одно не можете понять, что не о том говорите, не о той стране думаете.

– Э-эх, старая пластинка, – отмахнулся один. Но второй поддержал отца, третий посмотрел одобрительно в его сторону. На лице отца засияла улыбка.

– Вижу, лед тронулся, – засмеялся он громко, во весь голос.

Расставались странно, ничего не было понятно.

– В будущем году в Иерусалиме, – шутили мы. Но это еще был только разговор, стихийный, неосознанный, безо всякой информации. Но уже не было уверенности, что еще раз соберемся здесь, в доме отца и матери.

Мать в разговоры не вступала. Что будет когда-то – ее меньше всего волновало. У нее была задача на утро – накормить всю семью, на обед – накормить всю семью, и на ужин – накормить всю семью. И так – день за днем. Помогали молодые, но львиная доля работы приходилась на ее руки. Даже трудно представить, как она все успевала. Общая семья – почти двадцать человек, и со всем справляется. И не просто успевает, а еще подает свое коронное блюдо – блинчики с мясом.

– В Израиль мы не сможем, мама, взять белорусскую картошку. Какая она вкусная у тебя! Но блинчики, мама, ты нам там будешь готовить, – шутили мы.

И до последних лет наша мама угощала нас своими блинчиками в Аш-доде. Только когда умер отец три года назад, она уже их перестала делать. А мы без отца уже перестали их есть.

Прошло полгода, и вновь растревожил звонок из Тбилиси.

– Завтра улетаем в Израиль, – пробасил Григорий.

– Как завтра, сынок, что ты надумал? – заплакала мать.

Еще через полгода заскочил повидаться перед отлетом в Тель-Авив и Сергей. Прошло еще полгода, и уже очередь Давида с Ириной и его старшего сына с семьей.

Тук-тук-тук, – стучат каблук ботинок по мерзлой земле. А Давиду слышится множество «тук-тук-тук-тук», он слышит множество шагов, идущих с ним. Или он идет с ними? Тот же день 6 ноября... Перемешался с годом – 1990 с 1941, 1941 с 1990...

Он идет по той же дороге, по которой гнали его семью на расстрел, идет в последний раз.

... Я покидал свой город на один день позже. Утром позвонил по домашнему телефону, который раньше принадлежал родителям, мне ответил чужой голос.

Здесь уже ничего не удерживало. Но было еще два места, которые должен был навестить, – могилу деда и памятник расстрелянным евреям, где растут в городе самые высокие деревья.

Столетний парк напротив городской газеты, которой я отдал очень много лет, провожал меня грустным шелестом деревьев.

А еще через день наш поезд пересекал просторы Белоруссии.

Впереди была Москва!

Впереди были очереди возле израильского посольства и, наконец, аэропорт Шереметьево...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

ВОСХОЖДЕНИЕ

Самолет взмыл над Шереметьевым, над заснеженными полями Подмосковья. Много лет назад раненый курсант офицерского училища Давид Златкин здесь умирал в снегах, замерзал и оживал, снова умирал от холода и боли и снова оживал.

Вот и сейчас здесь, над этими заснеженными полями, он будто видел себя со стороны, понимая, что навсегда прощается со своей боевой юностью, со своей прежней жизнью. За плечами – 67 лет, как ни говори, плохо или хорошо, но жизнь прожита. Сколько осталось?..

Так хотелось жить полной жизнью, дерзать, быть полезным себе, людям, стране. Он не мог иначе жить, коль остался один из детей в семье. Должен был жить за родных! Остался одним из немногих еврейского поселка – должен был жить также за друзей детства, за всех уничтоженных михалинцев!

Остался одним из немногих парней 1923 года рождения, как заметила его любимая поэтесса Юлия Друнина, должен был жить и за своих сверстников!

Но не давали, связывали руки, останавливали. Под треск лампы-коптилки ночами писал о пережитом. Писал о войне, как писал его любимый белорусский писатель Василь Быков, показывая человеческие судьбы на войне, еврейские судьбы, в отличие от Быкова... Пьесу за пьесой отправлял в издательства. Все, кому он читал свои пьесы в местной школе, даже не верили, что это он написал. Но ответы из издательств были

общими – жестокая правда о войне, тем более, из уст неизвестного еврея из неизвестной деревеньки – кому она была нужна, такая правда?

Самолет преодолевал границу, расстояния, а Давид все был в споре с собой. «Ты же не мог больше сделать в жизни, не мог». – твердил один голос. «А ты и так сделал больше – вырастил сыновей, всех выучил, всех везу с собой в Израиль, а это стоит почище иной повести», – твердил другой. Давид всматривался в иллюминатор самолета, небо было черным-черным, ничего не было видно, казалось, что самолет висит в небе, только грохотал мотор лайнера. Давид своими мыслями был между прошлым и будущим. А настоящее... настоящее приближалось с каждой минутой. Внезапно в салоне включили свет.

– Дорогие друзья, мы прибываем в Тель-Авив, – услышали все, и сразу же зазвучал гимн Израиля.

Давид, который десятилетиями слышал эту мелодию, согнувшись над своим старым радиоприемником, ловя на разных волнах, выискивая его среди треска советских глушилок, теперь слышал этот гимн четко, открыто, слышал его над Израилем. Люди не выдержали, стали обниматься, целоваться, а кто-то пустился в пляс.

Целый самолет репатриантов приближался 13 ноября 1990 года к аэропорту имени Бен Гуриона. Целый самолет людей с их разными еврейскими судьбами, но, видимо, ни у кого из них не было судьбы более тяжелой, более горестной, чем судьба Давида. А он во все глаза смотрел на яркие огни Тель-Авива. Это зрелище было фантастическим! Ничего подобного Давид раньше не видел – сотни тысяч огней переливались, будто приветствовали его, сверкали, будто манили его к себе все ближе и ближе...

– Моя родная страна, мой Израиль – сколько же я шел до тебя! – не скрывал слезы радости Давид.

А дальше было все, как во сне – проверка билетов, багажа, молодые приветливые ребята с улыбками встречали вновь прибывших, но когда улыбчивый человек с черной шевелюрой проходил осмотр, что-то вдруг засигнало.

– Что у вас в карманах? – заинтересовались таможенники. Давид снял пиджак с боевыми наградами, ручной пояс, опустил все металлические предметы в корзинку и направился к проходу, но опять что-то засигнало.

– Сынки, да свой я! – шутит и волнуется Давид.

У моего отца из железа могло быть только одно – осколки войны, которыми было иссечено все его тело. В это было трудно поверить, но сейчас они как будто «заговорили», зазвенели, будто отдавая дань прошлому. Этих осколков в теле отца было несколько десятков.

Я помню, как мы с братьями разглядывали рентгеновскую пленку отца и изумлялись количеству белых точек, квадратиков, треугольничков разной формы.

– Неужели эти все осколки – у тебя?! Как ты живешь и можешь жить с ними? – налетали мы на него, сбившись со счета от этого «богатства».

Отец только пожимал плечами, будто в этом была его вина, и, притягивая нас к себе, ласково говорил:

– Мальчики, мои мальчики.

Инцидент был выяснен, я подросел вовремя со своими объяснениями, да и отец чуть-чуть расстегнул рубашку – короче, он прошел барьер.

А наутро, когда яркое солнце осветило комнату, куда мы въехали после аэропорта, мы обнаружили на столе горку ярко-оранжевых апельсинов.

– Налетайте, не купленные! – улыбается отец.

– Где ты их взял столько много? – изумилась мать.

– А я здесь все знаю, здесь же родился много-много лет назад, а теперь вновь вернулся, – играют чертики в отцовских глазах.

После того и мы, и другие новоприбывшие часто навещали пардесы, которыми был так богат Реховот в девяностые годы.

Через день отец приглашает нас на празднество Хануки в одну из синагог города.

– Видно, он знал, что будет обед шикарный, – как всегда подтрунивает мать.

– Ты же знаешь, что для меня еда никогда не была главной, – и с этим нельзя было не согласиться. Книги, журналы, общение были для него всегда важнее всего. – Дети должны приобщаться к еврейским традициям. Они же ничего не знают! – отпарировал отец.

В синагоге его тепло встречают, и кажется, что он с ними знаком уже много-много лет.

Через неделю – новость.

– Я приглашаю вас на занятия по изучению иврита, – сообщает отец.

Узнав, что по улице Герцеля в Реховоте, где мы жили, открылся дополнительный ульпан, отец, записавшись в него, стал активно изучать иврит. В то же время сетовал:

– Почему все мало говорят на идиш? Нельзя этот язык искусственно умервщлять.

Жизнь понемногу входила в свое русло. Пришло время отцу проходить обследование на получение инвалидности в Союзе Инвалидов Израиля. Я был здесь несколько раз до него, сдал необходимые документы, и вот наступил день, который он долго ждал.

В тот день в Союз Инвалидов приехали многие инвалиды, приехали со всех концов Израиля. Фронтовики-инвалиды знакомились друг с другом, интересовались, кто и где воевал. И снова, как много десятилетий назад, зазвучали слова: «Первый Белорусский фронт», «Первый Украинский», «Донской», «Центральный». Звучали знакомые названия сражений, битв под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Орловско-Курская дуга, бои за взятие Варшавы, Будапешта, Берлина. Они будто сбросили с себя тяжесть прожитых лет, помолодели от воспоминаний. Мальчишки душой, но уже седые, сгорбленные, с палочками в руках, уходя в воспоминания, не могли забыть реальность, сегодняшнюю жизнь. А она оказалась нелегкой на новом месте. В 70-80 лет, оставив все в стране исхода, приехали сюда без копейки, нищими, переводя всю «корзину» ежемесячно хозяевам съемных квартир, которые, забыв про еврейскую солидарность, вмиг взвинтили цены. Дети у многих, сочетая учебу с подработкой, получают копейки.

– Как же быть, как жить? – качает головой один из ветеранов. – Дочь не может найти работу, внуки маленькие, как их растить? Одна надежда – на мою пенсию. А вдруг откажут или дадут мизерную? – сокрушается он.

Такие же мысли – и в голове Давида. Сын, с которым он приехал вместе и снял квартиру, утром – на учебе, днем – на работе в торговом центре, а вечером – на заводе. Невестка убирает квартиры за считанные шекели. Так же тяжело начинают и остальные сыновья. Замкнутый круг – и там было тяжело, и здесь – не легче.

– А ты прихрамывай посылней, посокрушайся о своем здоровье, может, это тоже поможет, – судачат между собой его соседи.

– Нет, перед врагами я голову не опускал, а перед своими плакаться не буду, – заверяет Давид и, услышав, наконец, свое имя, уверенно направляется к двери. Открыв ее, четко докладывает по-военному:

– Старший сержант Давид Златкин прибыл для прохождения комиссии!

Члены комиссии с интересом смотрели на моложавого, без единого седого волоса мужчину. До этого были значительно старше, а этот – такой молодой по сравнению с ними.

– Был на фронте?

– Призван в июле 41-го, – ответил Давид.

Многое он мог бы им рассказать... Да члены комиссии это и сами видели, рассматривая его документы: тяжелейшая контузия, травма и ранения головы, ранение левой ноги, правой руки, на которое и сейчас страшно смотреть, обгорелое тело с белыми, незаживающими пятнами.

– Да, – покачал головой председатель комиссии, – с такими ранениями человек в лучшем случае прикован к кровати, а в худшем – давно уже умереть мог. А этот сидит, улыбается, сверкает глазами.

– Как здоровье, сержант? – спросил, как обычно спрашивал у всех, ожидая услышать привычные ахи-охи.

– Чудесное! – изумляет его ответом старший сержант.

– Что же держит тебя, сержант? – улыбается уже второй член комиссии.

– Моя страна, – на полном серьезе отвечает Давид.

Члены комиссии не понимают, шутит он или действительно так думает.

А наш отец иначе и не мог сказать, потому что весь его оптимизм и весь его боевой дух десятилетиями поддерживался только мечтой о его стране, об Израиле.

– Ну, как прошла комиссия? – первым делом спросила отца мать, когда он вернулся домой.

– Прекрасно, – как всегда улыбнулся отец. – Сказали: «Езжай домой, солдат, страна тебя не обидит».

– Если уж говоришь «страна», значит, действительно будет все хорошо, – заметила мать.

Через некоторое время пришло решение комиссии о назначении отцу 50 процентов инвалидности. Пенсия, которую начал получать, была в несколько раз выше наших зарплат.

Глава вторая

СПОНСОР КНИГИ – ИНВАЛИД ВОЙНЫ

Давид сиял, улыбался открыто и широко. Только что он принес посылку из Иерусалима, в ней – 10 экземпляров книги. Она небольшая по размеру, в тонком переплете, обычная на вид. Но Давиду она дороже самых значительных букинистических изданий.

Наш отец был всегда любителем, знатоком книги. Прекрасно знал русскую и зарубежную литературу, историю. Однажды моей матери поручили выступить с докладом на политзанятии, но откуда ей брать информацию, когда готовиться?

– Ира, записывай! – решил отец и стал диктовать...

Назавтра все учителя, многие – с высшим образованием, литераторы, историки, были ошеломлены.

– Ирина Давыдовна, в каких библиотеках вы разрабатывали эту тему, откуда вы столько знаете? – не отпускали они ее, а мать только разводила руками.

И вот сейчас этот ценитель и знаток книг бережно прижимает полученный подарок к своему сердцу. Сотрудник иерусалимского музея «Яд ва-Шем» Анатолий Кардаш выпустил в свет первую книгу «Посреди войны». Среди спонсоров книги – мемориальный фонд еврейской культуры из Нью-Йорка, фонд И.Рабиновича для деятелей искусств из Тель-Авива, фонд «Амес» для ученых из Иерусалима и пять конкретных человек. Двое из Америки, двое – из Иерусалима. Думаю, у этих фондов были определенные суммы для помощи писателям. Надеюсь, остальные спонсоры – тоже люди небедные и живущие в стране немало. И среди них... простой пенсионер, инвалид войны, олим без году неделя в стране – наш отец Давид Златкин.

Автор благодарит своих спонсоров, а спонсор, наш отец Давид, звонит Анатолию и беспрестанно говорит: «Спасибо, спасибо, Вы продлили мне жизнь, дали такую радость».

Мы понимали, что эта книга дорога для отца, что на одной из ее страниц опубликованы его воспоминания о том, как уничтожали евреев в его родном городе. Но в то же время мы не понимали, как можно было куда-то переводить деньги, если в них нуждается он сам, мать...

А отец, взяв в руки первый экземпляр книги, своим размашистым почерком написал рядом с подписью автора: «Женечке, Марику, Лее, Йони, Бене». Остальные книги подписал также всем своим детям, как соавтор. На одной из страниц книги было опубликовано его небольшое воспоминание о расстреле евреев, да и как один из ее спонсоров, он чувствовал ее частично своей... А вечером загадочно посмотрел на меня, мол, когда же будет твоя книга?

Как бы я хотел, отец, чтобы ты взял ее в руки, а потом – дарил своим родным и знакомым. Ведь без тебя не было бы ни моей первой заметки в газету, ни этой первой моей книги...

Когда книга была уже подготовлена к печати, я, войдя в поисковый сайт, написал «Златкин Давид, «Яд ва-Шем» и вышел на страничку с отрывком из новой книги Анатолия Кардаша (Аб Мише). Она называется «О жадности».

Автор приводит многочисленные примеры, когда ради корысти выстраивают в Израиле по дешевке мост, который проваливается под ногами спортсменов, когда банки десятилетиями скрывали вклады жертв Катастрофы, а еще раньше – еврейские общины России торговали сиротами для списания своих долгов... Словом, жадность, жульничество и раньше, и сейчас присущи многим нашим единоверцам. Про это и пишет автор. А дальше – следующее.

«Однако таким печальным примерам находятя противопоставления. Глава израильского сообщества, или землячества, каких полным-полно в Израиле, известный богач, бывший узник гетто пообещал автору книги об этом гетто: «Одолжите где-нибудь аванс, издайте, а я потом выкуплю у вас для наших земляков часть тиража, и вы сможете рассчитаться за долг». Книгу издали, богач приобрел один экземпляр, на остальное сказал: «Денег нет». А бедный пенсионер Давид Златкин из города Ашдода пожертвовал на эту книгу треть нищенской своей пенсии без всяких просьб».

На этом факте можно было бы и не останавливаться – уже сообщили о неоднократном спонсорстве отца, но одно обстоятельство заставляет меня это сделать. Более 10 лет тому назад отец помогал еврейскому писателю в издании книги – сколько воды утекло! В 2013 году – через 6 лет после смерти нашего Бати, Анатолий Кардаш в своей последней книге вспоминает отца добрым словом. Так поразил его этот факт, что он не может забыть.

С этой вечной памятью и ушел из жизни в феврале 2014 года еврейский исследователь Анатолий Кардаш (Аб Мише).

Я думаю, что, если отец спонсировал книгу незнакомого ему человека, то с какой бы радостью он бы ждал и читал мою книгу, которую он десятилетиями просил написать. Не про себя – про его обоженное войной стальное поколение, про несгибаемое послевоенное еврейство, которое на обломках Катастрофы продолжало еврейский народ!

Но не суждено было моему отцу увидеть и прочесть эту книгу, которая станет ему благодарным памятником, а для моих будущих читателей – знакомством с нашей обшей еврейской историей. Знакомством еще с одной ее страницей!

Глава третья

ПОЧЕМУ ПЛАЧЕТ СТЕНА ПЛАЧА?

Солнце вставало над Иерусалимом, казалось, что он действительно золотой, совсем, как в песне, которую знают во всем мире.

Мужчина среднего роста, с орденскими планками на летней рубашке, уставший после долгой поездки на автобусе из центра страны, тяжело опустился у подножия Стены Плача.

Белая– белая стена, куда ни посмотри – огромные камни, стоящие один на другом...

– Вот так же и евреи стояли и стоят, из поколения в поколение. Сколько было врагов за тысячелетнюю историю еврейского народа? Где те народы, пытавшиеся истребить евреев, где их исчезнувшие империи?

А еврейский народ выстоял, выдержал все испытания, создал свое государство, возродил язык предков, – сердце Давида разрывалось от переполнявшего его чувства собственной принадлежности к обретенной стране, от счастья возвращения к своим истокам.

«Мечтая об Иерусалиме, мы, евреи, прежде всего, мечтали увидеть главную еврейскую святыню – Стену Плача», – вспомнил Давид слова своего отца Залмана на последнем пасхальном вечере.

– А почему ее называют «Стеной Плача», почему? Она что, все время плачет? – недоумевала маленькая Ханэле.

«Бедные мои сестренки и братья, вам не довелось дожить до этого счастливого дня!» – вспомнил их шаловливые радостные лица Давид, будто возвращаясь в прошлое.

«Если бы эти стены могли плакать из-за того, что видели в своей жизни, то вокруг Иерусалима давно уже образовалось бы море – море слез людских. А названа эта стена так потому, что в любой стране, где бы ни жили евреи, во все века, они плакали и молились о том, как вновь обрести свою потерянную Родину, как вновь возродить разрушенный Храм», – объяснял детям Айзик Златкин.

– А вы знаете, почему наши местечковые евреи не бреются и в любое время года ходят только в черных одеяниях? – обращается к малышне Залман.

Засверкали детские глазенки, окружили взрослых.

– Потому, что вот уже более двух тысяч лет мы, евреи, в трауре по разрушенному второму Храму. Ни один другой народ не пронес через века такую общую скорбь.

Давид не мог оторвать взгляд от белой стены, в каждой щелочке которой покоились тысячи записок, а в них – мольба и надежда. Давид гладил рукой шершавую стену и, не стесняясь своих слез, плакал от того, что только ему, одному из всей огромной семьи, довелось дожить до этой минуты, до этого воссоединения с той землей, о которой мечтали все его ушедшие в небытие родные.

«Барух а-Шем», у него есть жена, дети, внуки, но им никогда не понять, не осознать, не прочувствовать ту горечь потерь, которая не покидала его все эти годы...

Солнце жгло все сильнее и сильнее, но не иссякал людской поток к Стене Плача. Молодые солдаты с оружием, седые старцы, ортодоксальные евреи в глубоких черных шляпах и светские, накрывшие головы кипами, – здесь, прикасаясь к этим древним камням, все молились, все верили в Высшую Силу, оберегающую еврейский народ.

Вот и Давид, смешивая русские слова с идиш, молился, как мог. Главное, он впервые верил, что будет услышан...

Вспоминаю свое детство и вижу, как мой отец, увидев знакомого соплеменника, начинает с ним громко разговаривать на непонятном мне языке идиш. И сразу же настораживаются прохожие – одни усмеваются, другие бросают злобные взгляды.

– Ты паслухай, жыды размауляюць, вось смеху, – слышу рядом.

Мне неловко, краснею, подталкиваю отца, мол, пойдем отсюда быстрее. А он, ни на кого не обращая внимания, продолжает говорить, еще больше повышая голос, будто демонстрируя, что и у него есть свой язык, а значит, и свой, еврейский Бог...

... Дышалось легко, свободно, несмотря на жару, на многолюдье большого города.

Давид все стоял и стоял у стены, хотя ему еще предстояло посетить музей Катастрофы «Яд ва-Шем», куда он собирался передать собранные за долгие годы записи обо всех расстрелянных в городе Климовичи. Но уходить не хотелось – словно ждал, когда все души погибших сольются с этими стенами, будто через него, своего единственного живого посланника, успеют прикоснуться к древней святыне.

... Автобус увозил его все дальше от Иерусалима, а он продолжал мысленно бродить по залам музея, куда передал свои записи и чувствовал, что, возможно, в его жизни наступает самый важный этап.

Давида ждала большая работа – домой он вез внушительную кипу анкет для заполнения имен погибших.

Все оставшиеся до своей кончины годы он выискивал в родном, теперь уже израильском, городе Ашдоде пожилых евреев из России, Белоруссии, Украины и записывал, записывал данные их погибших родственников.

Каждую неделю уходили почтовые отправления в Иерусалимский музей Катастрофы – все новые и новые имена находили свое место в истории замученных и расстрелянных евреев. После смерти отца осталась увесистая пачка заполненных им бланков для музея, которые он не успел отправить. Я держу в руках эти анкеты и вижу своего отца – постаревшего, ослабевшего после перенесенных тяжелых операций.

До последнего дня он не расставался с этими бланками, которые продолжал заполнять своей, уже почти совсем не действующей рукой. Он был, как солдат, оставшийся на поле боя до последнего вздоха.

– Батя, хватит! Остановись, отдохни, – упрашивал я его. Что ему помогало держаться, не терять бодрость духа и жажду жизни?

Отец, преодолевая боль, чуть слышно отвечал:

– Сынок, ты пойми! Эти анкеты – как памятники погибшим. Память о каждом из них должна быть сохранена. Это долг всех оставшихся в живых.

Сегодня в зале Имен иерусалимского музея хранятся сотни и сотни анкет, заполненных израненной рукой фронтовика Давида Златкина.

А начиналось все так...

Глава четвертая

СПИСОК ДАВИДА ЗЛАТКИНА

Совсем не ради красного словца я так назвал свою очередную главу. Известный немецкий фабрикант Шиндлер, принимая евреев на свое предприятие, спасал их от верной смерти. В первую очередь он скорее всего думал о бесплатной рабочей силе, увеличении прибыльности и о выполнении дополнительных военных заказов.

Но факт остается фактом! Благодаря Шиндлеру было спасено немало количество евреев. А если учесть, что спасенные продолжили свой род, то понятно, почему мир благодарен Шиндлеру. Его поступок, чем бы он ни руководствовался, сам по себе примечателен и благороден!

Мой отец никого не спас, он даже свою мать, брата и сестер, близких родственников не уберег от смерти. Он не уберег себя от страшных ран. Поэтому нет никакой аналогии.

Но есть список Давида Златкина. Есть список спасенных имен! И мы вам его представляем!

... Слякотный осенний вечер. В одной руке сумка с банкой клея, папками для переплета документов, а в другой – папка для записей, Давид обходит дом за домом. Другого времени нет, после работы заскочит к двум-трем – дома еще ожидает работа в саду, на картофельном участке, а завтра – точно так же...

– Давид, зачем ты бередишь мою боль? Кого я верну? Маму, брата, сестру? Я даже не знаю, в какой могиле они лежат. Ты мне только поднимешь давление, – отказывается говорить о своих погибших родных старый еврей.

– Давид, оставь ты нас. Может, это властям не понравится, что ты переписываешь евреев. Нас никто не любит живых, а ты еще сюда со своими списками мертвых. Ты что не знаешь, что только изучение языка иврит приравнивается к сионистской пропаганде, – качает седой головой бывшая довоенная красавица Злата, убежавшая из-под расстрела.

В тот день ее золотые волосы навсегда стали седыми.

– Злата, Злата, нельзя больше поседеть, чем есть. Чего тебе терять? Представь себе, я прилетаю в Израиль, а у меня в руках...

– Ой-ой насмешил, чемодан с золотом. Ведь многие считают, что евреи имеют золото, а оно у тебя, Давид, и не заводилось, как и у меня. У нас хоть хлеб был всегда, а у твоей многодетной семьи, кусок черного хлеба был слаще халы.

Засмеялся дружелюбно Рувен, муж Златы, улыбнулся сквозь комок в горле Давид.

– Да, Златочка, мои дети и халу в глаза не видели. Надеюсь, что в Израиле она у них всегда будет на субботнем столе. Но и у меня будет в руках вещь намного ценнее мешка с золотом. У меня будет папка с фамилиями всех уничтоженных евреев нашего города. И я передам ее в музей Яд ва-Шем. Есть такой музей в Иерусалиме!

– Ты доберешься до Израиля, когда еврея даже в соседнюю Польшу или в Болгарию не пускают? – удивляются хозяева.

– А о чем молился твой дед Ицик всю жизнь, до последнего дня. Бэ шана абаа бэ Иерушалайм – На следующий год в Иерусалиме. Значит, верил, что когда-нибудь кто-то из нас доберется, – поддержал Давида Рувен.

В тот вечер в списке Давида Златкина появились новые имена.

...Далекие семидесятые и восьмидесятые годы, когда под запретом было все еврейское, когда в каждом еврее видели ярого сиониста, а если только чуть высовывался, организовывали показательные процессы и отправляли в тюрьмы, лагеря на перевоспитание к уголовникам. Далекие годы, когда страх за свое мизерное существование, за свою крошечную зарплату, за нищенскую квартиру сковывал с головы до ног. Когда с хищным прищуром смотрят на тебя, как на еврея, везде, куда ты ни зайдешь.

И вдруг этот выскочка, неуправляемый еврей ходит по городу. Заходит по очереди ко всем своим евреям, непонятно на какие темы ведет с ними разговоры... Заходит ко всем белорусам, которые здесь жили во время войны и помнят что-то...

Зашевелилось районное начальство, ведь и среди важных районных сановников есть и те, у кого, как говорят, рыльце в пуху... У одного кто-то из родственников был в полиции – и вдруг это вскроется. Второй беспокоится только по ведомой ему причине.

До лета 1943 года Белоруссия и в частности Могилевщина была под немцами. Было какое-то сопротивление, было, но большая часть насе-

ления приняла новый режим совсем благосклонно, сотрудничала с ним. Ведь летом сорок третьего под штыками Советской армии погнали на укрепления под Могилевом засидевшихся на хуторах и в деревьях примарков, да и местных великовозрастных детей. Полегло тогда невероятное количество, как и не было. Но вот отправил послание кто-то из местных жителей повыше и выяснилось, что у одного из членов райкома партии, местного идеологического работника, отец – бывший ярый полицай... Разве он один прислуживал врагу?

Поэтому в райцентре пробовали утихомирить, остановить Давида. Мне несколько раз через третьих лиц передавали, чтобы он сидел тихо и не ходил по домам.

– Слишком гордый он у тебя. Ходит с высоко поднятой головой. Никогда не кланяется при встрече, как другие. Даже не здоровается, – выражали недовольство отцом.

– Знаю, знаю, от кого это. Ходит, лоснится жиром, на людей волком смотрит. Ждет, чтобы ему в глаза заглядывали. От меня не дождется, – негодует отец.

– Но что мы сделаем инвалиду войны? Раны ведь его пластырем не заклеишь, – разводят руками приближенные к высокому начальству.

Нашли все-таки чем отомстить моему отцу.

– Мы переводим тебя со второй группы инвалидности на третью, – отводя глаза в сторону, сообщил председатель врачебной комиссии.

Отец опешил. Ведь и так получал считанные копейки.

– Что в моем теле уже нет осколков?..

– Пусть скажет спасибо, что еще легко отделался, – передали мне. – В другое бы время уже хлебал бы лагерную похлебку. Есть человек, а дело пришить – минута...

Все понял Давид, все. Но в свой список, спрятав его подальше, продолжал вносить новые и новые имена.

– Надо в жизни видеть главное, – говорил себе и нам отец.

Он жил своей важной миссией, а мы, домашние, часто не понимая, подтрунивали над ним.

– Придет время, и вы поймете, что есть вещи важнее, чем ваша суета, – говорил он нам в ответ.

Видя, что Давид по-прежнему ходит от дома к дому, снова нашли чем наказать несговорчивого еврея. Директор предприятия, где отец работал,

сообщил ему, что его услуги, как переплетчика, наполовину сокращены. Полностью ведь инвалида войны не могли сократить...

– Черная сотня зверствует, – понимая в чем дело, сообщал нам отец. И спрятав свой список еще дальше, точно так же после работы шел по новым адресам.

Ничего не могли сделать с упрямым! Не было работы на предприятии – сам искал нуждающихся в его услугах и уже сообщал дирекции, где находится ежедневно, чтобы не пришили какую-то статью в неучтенных доходах.

... А время шло. Переваляло уже за половину восьмидесятых – взлетела перестройка! Стали больше говорить обо всем, что было закрыто за семью печатями. Еврейская жизнь в больших городах стала набирать силу, а в маленьких, таких, как белорусские Климовичи, ее не было, как и раньше. Но отец уже мог свободно заполнять свой список именами погибших, расстрелянных, замученных. И евреи, и белорусы охотно давали ему свои данные. Тем более все знали, для чего Давид Златкин это делает!

И вот последняя ночь в Михалине. Такая же тихая, как и тогда, когда он уходил на фронт в июле сорок первого.

Тот же Михалин, только тогда стрекотали кузнечики за окном, да все куковала кукушка. А сейчас тишина – тишина и ночная прохлада.

Словно и не было прошедших десятилетий, будто и не уходил и не возвращался в родной Михалин.

Прикрыл глаза – и вот она – последняя ночь, а завтра на фронт.

Протянул руку, как тогда – и вот она – мама Сара в двух метрах.

Широко раскрытые глаза, наполненные слезами.

Убрал руку – и все исчезло. Только на столе заветная папочка, а в ней имена и фамилии, имена и фамилии.

– Вы не остаетесь здесь, уезжаете со мной вместе в Иерусалим, – обвел взглядом комнату Давид.

А рассвет уже заглядывая в окна, высветил два чемодана, стоящих у порога...

Приехав в Израиль, Давид хорошо знал, чем будет заниматься.

... Желтые пески будущего ашдодского района Тэт уходили за горизонт. Куда ни посмотри – бескрайние, слепящие глаза пески и пески.

– Что может вырасти в этой пустыне, здесь же никогда ничего не росло, можно сказать, библейская земля? – думал Давид, выходя каждое утро на прогулку. Похожее он видел на целине, только там не пустынные земли, а

залежные, нераспаханные, и туда приезжали со всей страны переселенцы, чтобы начать новую жизнь.

– По сути, а здесь мы кто? Иммигранты, олимь – это же политические термины, а коль переселяемся из края в край – такие же переселенцы, только с еврейскими корнями, – рассуждал Давид, разглядывая новый район. Две первые улицы – Рав Мошаш и Ришон-ле-Цион, уже наполовину заселенные, обретали жилой вид. Возле них еще тарахтели генераторы, подавая электричество в дома. Ровными рядами свежели тротуары, и, чудо! – тонкие деревца зеленели тут и там, набирали силу, украшали первые пустынные улицы. К подъездам новых домов спешили разные агенты, продавцы, поставщики.

– Как у героев Шолом-Алейхема, все стремятся купить, продать акции-шмакции. Да и воздух тоже продадут. Вот уже поистинне еврейский характер коммерции! – улыбается Давид, видя, как его обгоняют парни в костюмах с дипломатами в руках.

Давид никуда не спешит, его клиентура, кроме него, никому не нужна. Он присаживается на скамейке, которую облюбовали самые пожилые обитатели домов. Многие на колясочках, с палочками, тихие, замедленные. Они даже не вписываются в ритм этой новой жизни – бурлящей, стремительной. А они, эти люди, пережившие войну, Катастрофу, и не стремились к этому. У них осталось только одно – жизнь детей, внуков, правнуков.

– Как дела, откуда приехали? – интересуется Давид у них. И, познакомившись, спрашивает, у кого из них погибли родные на фронте, в тылу. Кое-кто рассказывал, а большинство настораживались, когда Давид стал записывать их имена, фамилии.

– Ты кто такой? Натворит что-нибудь с нашими данными, а потом ищи тебя! – наступал на него один из собравшихся.

– Да вы что, ребята! Вот мой паспорт, записывайте мой адрес, я ведь живу здесь, напротив. Все, что я делаю, – это добровольно. Хотите – сами заполняйте анкеты и отправляйте в Иерусалимский музей, где есть Зал Имен всех погибших. Мы ведь должны это сделать, пока живы, – убеждал их Давид.

Назавтра ему уже, как старому знакомому, помогали. Он уже отправил первую партию свидетельских показаний о не вернувшихся с войны из нового района Тэт. А потом была вторая, третья, десятая, двадцатая... бандероль с документами в музей «Яд ва-Шем».

Я еще и еще раз перебираю письма, адресованные моему отцу из Иерусалима.

«Дорогой Давид, в своих лекциях я рассказываю о Вас, о Вашей благородной работе. Высылаю Вам 100 новых анкет. Низкий поклон Вам за Ваш титанический труд. Анатолий Кардаш».

«Дорогой Давид Залманович, подтверждаю получение 41 листов памяти..., 23 листов, низкий Вам поклон, с глубоким уважением, Оксана Король, сотрудница Зала Имен...»

«Дорогой Давид, получили Ваш следующий пакет, мы все проверяем и вносим в компьютер. Все присланные листы с именами погибших хранятся у нас в коробках с особыми наклейками, обозначающими особую ценность», – читаю следующее письмо.

Письма, письма... Со словами признательности, словами благодарности. Я смотрю сейчас на эти пожелтевшие от времени странички, ставшие уже для меня, для всех нас частичкой истории жизни нашего отца.

Казалось бы, приехав в Израиль, – поживи спокойно, посиди на скамейке, подыши воздухом, отдохни на берегу моря. Так нет, постоянный поиск не вернувшихся с войны, оставшихся там, за чертой Катастрофы. Я думаю, и наш отец душой своей остался тоже там, за чертой...

Когда друзья-журналисты прислали мне книгу «Память», изданную в городе Климовичи об истории района, отец нашел в ней еще десятки имен евреев, которые были расстреляны на территории района, в селах. И, естественно, он заполнил новые свидетельские листы и снова отправил в музей «Яд ва-Шем».

– Батя, вся Белоруссия была под огнем. Если связаться с соседними районами – Кричевом, Мстиславлем, Чериковым, Бобруйском, Хотимском, Костюковичами и другими – сколько свидетельских показаний ты еще можешь заполнить, – говорил я ему.

– А что ты думаешь, сынок? Ты сможешь, – поднимает он на меня свои глаза?

Я пообещал отцу сделать все, что можно, чтобы жила память об ушедших. Сегодня я это делаю и, прежде всего, в память о нем и о его боевых товарищах.

Глава пятая

МОЯ СЕМЬЯ – МОЕ БОГАТСТВО!

Тихо идут настенные часы: тик-так, тик-так, тик-так... Дети – сын и невестка – с утра ушли по своим делам. Метапелет – работник от Битуах Леуми по уходу за пожилыми людьми – приходит в 8:30 и находится до 12:00. Вторая метапелет должна подойти к 14:30. Обычно в час – половину второго приходит на перерыв сын, обязательно зайдет в комнату: «Чем помочь, как дела?» – смотрят на нее его любящие глаза.

Звонят по телефону сыновья Яков, Сергей, Григорий, Лев. Внуки, правнуки, а в субботу – посещения за посещениями, гости за гостями.

Тогда мать все свое угощение выставляет на стол.

Вокруг – шатер: зеленые деревья. Точно такие же, как были в родном Михалине. Только тот сад посадил Давид с маленькими детьми, а этот уже посадил старший сын с Давидом...

Ира смотрит в окно. Всегда смотрит, когда она одна, когда может отдалиться своим воспоминаниям. Часы на стене постукивают тик-так, тик-так.

– Сколько лет жили в Красавичах? – спрашивает сама у себя. – Да, семь лет, ровно семь лет.

– А в Михалине?

– В Михалине – тридцать три года, почти вся жизнь, здесь дети выросли, здесь встречала их жен, внуков. Думала, что в Израиль еду доживать, год-два. Ведь было уже 70!

– А сколько уже в Израиле?

– Двадцать лет.

Двадцать лет... Здесь, какая радость, все пять сыновей вместе, все в Ашдоде.

А как было раньше – один в Перми, второй – в Тбилиси, третий – в Сухуми, четвертый – в России, пятый – в Белоруссии. Как могла бы с ними встречаться? А здесь – Григорий, который раньше жил в Тбилиси, встанет на балкон, и видит дом, где я живу.

Батя, батя... Поднимает взгляд на фотографии мужа – одна на стене, вторая – на столе.

– Что же ты, батя, меня одну оставил на земле? Дети, конечно, любят меня, но был ты – была я как за каменной стеной. В долгой жизни всякое случалось, но сделали главное – поставили на ноги пятерых сыновей.

Тужились, тужились, от себя отрывали, но всем детям дали высшее образование.

– Батя, батя, – качает головой Ира. – Всех наших внуков мы с тобой успели переженить. Были на всех их свадьбах, правнуков дождались. На бат-мицве старшей правнучки вместе сидели.

– Батя, батя... Скучно мне без тебя. Займусь чем-нибудь, забуду, а потом – опять к тебе, к твоему кителю с боевыми наградами. Он – в нашей комнате, в нашем шкафу, не могли мы положить его вместе с тобой. Все твои книги, что ты собирал, все твои записи – все храним, все бережем.

Кажется, будто ты вышел и войдешь, снова войдешь в наш дом.

За окном покачиваются ветви деревьев, проносятся машины, а здесь в комнате идет тихий разговор без слов, только в мыслях, только шевелятся губы.

– Ира, Ира, – все ты говорил, видно, предчувствовал наше расставание. И прибодрял: – Как жена инвалида войны ты будешь продолжать пользоваться всеми моими льготами.

– Спасибо тебе, батя, я и сейчас чувствую твою заботу. Каждый месяц, каждый месяц я поздравляю всех именинников. Поздравляю и от тебя тоже.

– Сколько, батя, у нас с тобой именинников в январе?

– Правильно, три...

– А в августе?

– Правильно, пять, помнишь.

Ты знаешь, в сентябре у нас уже стало на одного именинника больше – у нашего Гриши родилась первая внучка после двух внуков.

– Что тебе еще рассказать? Заканчивает службу наша внучка Яночка. Ты так хотел, чтобы кто-то из нашей семьи был офицером. Она стала офицером израильской армии – лейтенантом. Осенью увольняется из армии, а на смену ей уходит в армию уже наша первая правнучка Лея. Подрастают и другие правнуки. Ты так мечтал в жизни хоть когда-нибудь увидеть израильского солдата. Сегодня твои правнуки – в форме израильской армии.

– Что у меня нового? Да ничего – все то же: утро-день-вечер. А помнишь, – оживилась Ирина, – как на нашей золотой свадьбе ты мне наказал дожить до юбилея – до 90 лет. Я тебе обещала. Дожила.

В тот вечер было шумно в нашем доме. Все пришли: сыновья, невестки, внуки, правнуки. За столом в саду все уселись рядышком – а в центре сто-

ла, в белой кофточке – именинница. Рядом – красочный плакат, на нем – фотография Ирины и Давида.

– Такой был вечер – неповторимый, сказочный.

– Ты тоже там был, я это чувствовала. С твоей фотографии исходило какое-то сияние, ты будто радовался вместе с нами, как всегда, – продолжает разговор без слов Ирина.

Переводит взгляд на фотографию своей мамы Сони.

– Мама, как ты далеко! Как вы все далеко – ты, папа, братья, сестры. Одна я осталась из всей нашей семьи. Сколько уже лет у меня своя семья, а я вас всех помню, – говорит Ирина и видит свой дом в Добром и ту страшную ночь, когда убили деда.

Видит бегущую себя по васильковому полю под разрывами бомб.

Видит в теплушках вагона, уносящего ее в тыл.

Видит в себя классах Оренбуржья.

Видит себя в классах Красавичской школы.

Видит себя в ту ночь, когда перевозила детей.

Видит, как согревала и спасала их от холода-голода.

Видит у себя на руках маленькую Женечку.

Видит свой дом, который остался далеко, в Михалине.

Видит себя с Батей – на свадьбах, в клубах, куда их приглашали вместе с мужем.

Видит себя на всех семейных торжествах.

– Ирина Давыдовна, где вы? – слышится голос Ани, старшей невестки.

Все невестки называют ее уважительно, по имени-отчеству. Генриетта, Сусанна, Элла, Алла когда-то робко входили в ее семью. Стали своими за десятилетия, родили внуков, внучек, сроднились.

Со старшей невесткой Аней связывает многое: и совместная жизнь в одном городе в Белоруссии, и двадцатилетняя жизнь в Израиле в одной квартире, и самое главное – что целый год она растила ее дочурку.

Никто про это не говорит, не вспоминает, да и зачем – все знают, все благодарны в душе.

Жизнь связывает общими воспоминаниями, общими заботами, общими радостями и общими печальями.

– Ирина Давыдовна, начинается ваш любимый телесериал – «Ефросинья». Идите в зал, будем вместе смотреть, – напоминает Аня.

Моя мама с помощью алихона выходит в зал, садится на диван. Кинофильм ее так захватывает, что она ни на секунду не отводит взгляд от телевизора, а когда начинается реклама – вздыхает:

– Прямо болею из-за этого фильма – какой он тяжелый!

Мама моя, мама, если бы ты увидела кинофильм про себя, про свои испытания, про свою жизнь, то ты бы даже не поверила, что смогла все перенести, пережить!

Но перенесла, пережила.

Утро. Израильское солнце рано стучится в окна. Начало седьмого. А мама, заправив кровать, как солдат-новобранец, умывшись холодной водой из-под крана – так она делает каждое утро – выходит на свою кухню. Увидев меня, улыбается, подмигивая мне:

– Кто рано встает – тому Б-г дает.

И добавляет:

– Выйти замуж – надо знать

Поздно лечь и рано встать.

Я в ответ хохочу, получая заряд бодрости на целый день. Жизнь продолжается дальше!

Глава шестая

В нашей семье все любили писать, выкладывать свои откровения на бумагу. Среди маминых записей я обнаружил и этот листочек, написанный в феврале 1997 года. Привожу его дословно, ибо каждое слово – это уже история.

**ЖИЗНЬ БЫЛА НЕ ЛЕГКОЙ И НЕ ПРОСТОЙ,
НО ДОЖИЛИ ДО СВАДЬБЫ ЗОЛОТОЙ!**

Ирина Хенькина-Златкина

13 ноября 1990 года мы были уже в Израиле.

А до этого нам пришлось преодолеть путь из жизни в жизнь... Казалось бы, не будет ничего нового. Создали семью, родили и вырастили детей, дождались внуков.

Оставалось жить спокойно в своем доме и ждать гостей за гостями – сыновья ведь разлетелись по свету, наезжали один за одним. Но будто

какая-то волна подняла нас с насиженного годами места. В жизни было всякое. Ее прожить – не поле перейти.

6-го ноября в 7 утра я вышла с Батей из своего домика, где прожили столько лет. Встали рано утром, только начинало светать, когда, мы уже вышли из дому и ... пошли.

Асфальтированная ровная дорога, тихо и спокойно на улице, чуть прохладно, как всегда в ноябре.

Я раза три оглянулась, и мне показалось, что домик мой смотрит мне вслед и уже тоскует по своим хозяевам. Наш бывший домик показался мне живым, захотелось вернуться на миг, открыть свою калитку, войти еще раз в нее. Потом посидеть чуть-чуть, еще раз посмотреть по сторонам и... поднявшись, уйти навсегда.

Но перед этим сказать на прощанье: «Спасибо тебе, домик, за все, не обижайся на меня, что покидаю навеки. Прощай!» – хотелось сказать в последний раз...

Но мы не вернулись, потому, что рано утром в наш дом вошла новая хозяйка... И мы пошли, пошли по дороге... В городе, на автобусной остановке никто не знал, куда мы едем...

– Мы едем в город Рославль, к сыну Лене на октябрьские праздники, – так говорили соседям.

А здесь у меня никто ничего не спрашивал. Мы постояли, дождались автобуса, вошли в него, сели и поехали, и... уехали навсегда.

В голову приходили всякие мысли, о чем только я не думала.

Думала, как расставаться с насиженным гнездышком, с привычным образом жизни, с полной свободой в своем доме, что хочу и когда хочу. Быть хозяйкой в своей маленькой кухоньке, где я всегда любила порядок.

Любила утром выйти в огород и посмотреть, как за ночь все зеленеет и подрастает. Свой лучок, чесночок, огурчики, зелень и т. д.

Но пришло время, распорядилась судьба, она сделала свое дело. И мы ушли, ушли навсегда.

Нелегкий и очень далекий путь, но мы уехали.

В Рославле, где жил наш младший сын Леня, мы были еще два дня. Можно было еще вернуться – это было так рядом. Но куда, куда?

... Разбираю еще мамины записи, сделанные уже здесь, в Израиле.

... «И шли, и ехали, и плыли – но главное – детей растили.

Трудностей было немало – многого не хватало,

Нелегкой наша чаша была, но выпили ее до дна...

Наша чаша была не сладкая, а дорога не гладкая.

Дорога наша с обочинами и не было ничего прочего.

Годы 1945 и 1995-(пятидесятилетие, золотая свадьба).

Годы – родные братья наши – они нас так сблизили, что не могло быть иначе.

Дети наши – их немало! Пятерочка наша нас согревала».

Это длится так давно – ровно 50 годков. Пролетело очень быстро – и не видно тех следов...

Жизненная мудрость мамы, наблюдательность проявляется даже в этих, на первый взгляд, обычных двухстишиях.

Голубое небо чаще всего над Израилем. Облака здесь редки. И вдруг – белые, пушистые, создав удивительный букет, чем-то напоминающий розы, они остановились прямо над над домом Ирины, над зеленым рядом сосновых деревьев, высаженных возле забора.

– Мама, смотри, какой подарок тебе прислало небо! – отвлекаю я ее от раздумий. – Целый букет белых роз!

– Видимо, Батя меня поздравляет. Он всегда мне приносил цветы на день рождения, – шепчут губы матери.

Сегодня она ждет гостей на свой юбилей! Нашей маме – 90 лет!

Еще немного, и ... заполнится дом радостными возгласами, придут сыновья, невестки, внуки, правнуки.

А пока именица в ожидании, сидит в саду, крепко сжав ладошки.

Она здесь и не здесь. Я ей не мешаю.

Я чувствую, что мама там, далеко, в своих воспоминаниях, в своей жизни.

... Прошло еще несколько лет.

Впервые наша мама попадает в больницу. Никто из врачей не гарантировал нам ее возвращение.

Но мы были уверены в ней, в ее силах. И наша мама вернулась домой к изумлению медиков. Как будто и не была там... Общей радости не было конца.

Прошла зима, прошло лето наступила осень.

Как и раньше, мама жизнерадостна, на свой недуг старается не обращать внимание. Как и раньше, выходит на улицу, смотрит свои любимые телепередачи.

Но к вечеру все больше и больше устает.

Несколько раз за день я захожу к маме в комнату. Смотрю, как прошла ночь, как засыпает вечером.

Поднимает на меня свои слабые глаза. Смотрит, будто на меня и как будто в сторону.

Мне кажется, что мама снова видит себя, свой домик. Семью. Еще живого Батю, своих маленьких детей.

А мне больно видеть, что наша мама, наша мама – Героиня – не зря же государство наградило ее орденом «Материнская Слава», что-то сдает, слабеет...

После смерти отца еще как-то держалась, хотя и плакала ночами в подушку, а после смерти младшего сына Льва, только шепчет и шепчет.

На слезы и сил нет...

31 декабря 2013 года нашей мамы не стало...

Глава седьмая

ДВЕ ЖИЗНИ ДАВИДА ЗЛАТКИНА

Наш отец Давид Златкин в последние годы жизни в Израиле не единожды был вынужден проходить лечение в различных больницах – старые фронтовые раны давали о себе знать и через много лет после окончания войны.

Держался он мужественно, как и подобает старому солдату, всегда всем улыбался – врачам, медсестрам, нянечкам. Никогда ни на что не жаловался, старался изо всех сил не показывать вид, как ему тяжело переносить сильнейшие боли. Этот человек обладал такой внутренней силой, что все мы, его родные, были уверены, что он сможет победить болезнь и обязательно наступит тот день, когда он покинет больничную койку и вернется домой.

Так и произошло – наш Батя и на этот раз вышел победителем в очередной битве через долгие месяцы. И в этот раз за продление собственной жизни!

Он понимал, что это ненадолго, сердце старого солдата уже не могло биться, как прежде, но для него был важен каждый выигранный у смерти день. Он должен был завершить начатое дело, он чувствовал себя посланцем всех тех, кто во время войны был расстрелян, погиб в гетто и лагерях, принял мученическую смерть в городах и селах Белоруссии от фашистских захватчиков и их местных подручных.

Отец спешил записать все, что помнил, изо всех сил пытаясь заполнить, как можно больше анкет для музея Яд ва-Шем.

После смерти отца я обнаружил увесистую стопку анкет, которую он не успел отправить в Иерусалим, а среди них, его собственные записи – свидетельства еврейского солдата, очевидца трагических событий прошлого.

Давид ЗЛАТКИН

СТРАШНАЯ ПАМЯТЬ

Свидетельство прошедшего Катастрофу

Климовичи до войны был обычным белорусским городком. В нем и в прилегающих местечках проживало около 10 тысяч евреев. Было три еврейских колхоза «Нойн лебен» в местечке Милославичах, «Эмес» в местечке Родня и «Энергия» в поселке Михалин. Почти в каждом селе жили еврейские семьи.

После войны никто не вернулся ни в местечки, ни в белорусские деревни. Бывшие соседи захватывали еврейские дома и даже, если бы кто-то и захотел вернуться, не каждого бы пустили даже на порог бывшего дома.

Когда оборона была сломлена, многие разбежались, в селах появились примачи. А когда возвращался муж, часто вместе с примачом справлялся по хозяйству – жили, не стеснялись. И такое было...

Когда еврейские дома разграбили, стали разбирать плиты на еврейских кладбищах, чтобы делать из них жернова для помола зерна...

Самое страшное – это предательство своих, местных, которые перед приходом советских войск добивали тех евреев, что сумели спастись при немцах.

В семье родной сестры моего отца Хаи Муньковны, по мужу Бедеровой, было 6 детей. Все они погибли от рук полицаяев. Самой Хае каким-то чудом удалось спастись – нашлись добрые люди, спрятали обезумевшую от ужаса старую женщину. Долгими днями она сидела в каком-то подвале, а когда стали слышны артиллерийские залпы наших войск, с трудом выползла наружу. Тут-то ее и догнал сосед:

– Ты куда, Хайка?

Снял винтовку с плеча и выстрелом в спину убил ту, с которой долгие годы жил рядом.

ПРАВЕДНИКИ И КАРАТЕЛИ

Праведники и каратели жили рядом, в одном селе, ходили по одной земле.

А вот эта история могла бы быть сюжетом художественного кинофильма, не менее интересным, чем «Альпийская баллада». Вокруг бушевала война, за евреями гонялись по всей округе. Кто находил и доставлял немцам, получал награду от властей. Боялись себя, друг друга...

А в лесах возле деревни Малышковичи прятался Николай Козлов – еврейский паренек, чудом убежавший от карателей. Его встретили в лесу белорусская девушка Наташа и ее мать. Не побоялись, привели домой измученного беглеца, спрятали. Прятали всю войну, вздрагивая от каждого шороха... Пройдя вместе такие трудности, Наташа и Николай уже не смогли расстаться, полюбив друг друга, они создали семью. Уже в Израиле я получил письма от дочери Николая и Наташи.

Она пишет, что родители умерли, живет трудно в России, мечтает об Израиле. Но никаких документов, подтверждающих национальность отца, не сохранилось... Вот вам, Белорусская баллада. В ней есть все – и мужество, и любовь, и преданность.

Я помню, как получив это письмо, отец ответил ей, высылал дережные переводы, но больше он сделать ничего не мог...

Две сестры Суперфин убежали в одном из сел после расстрела, долго мытарствовались, но спаслись не без помощи добрых людей.

Галина Чемоданова – дочь майора Советской Армии Бориса Чемоданова, осталась в живых. Ее спрятали белорусские родственники его жены. А вторую дочь, сестру Галины, сберечь не удалось.

Хорошо помню главного бухгалтера местного быткомбината, секретаря партийной организации Галину Чемоданову-Вацуру. Мой отец иначе как Галочка ее не называл. Что-то по-родительски теплое было в этих отношениях, будто свою сестру он видел в Галине... А в ее глазах часто была грусть, видимо, по сестре, которую сдали немцам свои, местные подонки...

Один из полицаев спрятал еврейскую девушку Раю Школьникову, она осталась в живых. Этим самым он сохранил и себе жизнь, а Рая через годы приехала в Израиль со своей семьей из Ленинграда.

Но другой, ярый полицай из Родни, не заслужил себе прощения. Он жестоко издевался над евреями. Одна еврейская девушка Роза смогла убежать, добралась до партизан, позже стала воевать в составе действующей армии. Военная часть Розы, освобождая Белоруссию, вошла в ее родное местечко. Прежде всего, девушка начала искать бандита. Обнаружила его на берегу реки – помогал жене стирать белье. В ту же минуту Роза разрядила в него свой автомат...

Когда каратели появились в местечке, Этка Потапова попыталась было спрятаться в соседнем сарае, но сосед вытащил ее и вытолкнул на улицу – иди к своим! Этка все-таки сумела убежать, прошла все круги ада. Как сумела выжить – сама не понимала, до конца дней так и не смогла забыть тот пережитый ужас.

Дочь Этки – Аня живет на юге Израиля в Сдероте, а сын Михаил после войны стал директором школы в Климовичах. Он часто приезжает с женой в Израиль, где живут их сын Геннадий и внук.

...Когда я в мае 1944 года вернулся с фронта в Климовичи, линия фронта проходила под Кричевом, меньше, чем в 30 километрах... Город стал другим, чужим и враждебным. Было всего 2-3 еврея, на которых смотрели, как на чудо...

На местном рынке одна из торговков, увидев меня, презрительно бросила своей товарке:

– Глянь, жыдок вернулся!

Еще тяжелее было возвращение в Михалин – от бывшего еврейского местечка остались одни руины. Вся моя семья погибла, осталась только Стэра, сестра моей матери, и ее дети – двое дочерей и двое сыновей. Александр был военным моряком, Дмитрий (в семье Давид) стал боевым офицером, домой пришел полковником.

Моя двоюродная сестра, черноглазая красавица Бася, у которой были длинные черные косы вместе с женихом, беженцем из Польши, покоится на дне силикатного карьера. У моей мамы было четыре сестры. И все они сгорели в огне войны – Лея в Варшаве, Паша в Климовичах, брата Нахума из Мстиславля расстреляли возле дома...

Моя бедная мать, одна с маленькими детьми на руках, не успела никуда уехать – их постигла та же страшная участь. Ей было всего 33 года.

В последний вечер перед уходом на фронт, а это было 13 июля 1941 года, меня провожали моя мама Сара, мой брат Муня, 11 лет, старшая сестра Злата, 15 лет, и самая младшая сестричка Ханочка. Она все время

меня обнимала, плакала, не хотела оторваться от меня, прижимаясь ко мне своим крохотным цельцем, словно предчувствуя, что нам больше не суждено увидеться, что впереди у нее – страшная, мучительная смерть.

До сегодняшнего дня я не могу уснуть ночами, все хочу вспомнить их лица и не могу... Мой брат Муля, лучший математик школы, добрый, ласковый мальчик. Очевидцы тех кровавых событий позже рассказывали, что, когда полицаи ворвались в дом, он бесстрашно бросился на одного из них и вырвал клочок из бороды, но сразу же получил тяжелый удар прикладом.

Мой двоюродный брат, старший лейтенант Арон Златкин, в те страшные дни выйдя из окружения, добрался домой и спрятался на вершине старой березы в гнезде аиста. Он видел, как выгоняли из домов его родных и всех других евреев Михалина, как мучили и издевались над ними. Перешел линию фронта, вернулся в действующую армию, чтобы мстить за безвинно пролитую кровь своей семьи. И погиб в 1943 году под Гродно.

Сохранились свидетельства очевидцев гибели евреев в Климовичах. Несчастных загнали в городской сарай, а на следующий день по группам из 10 человек, подгоняли к заранее подготовленной яме, в которую сбрасывали всех расстрелянных, даже если кто-то из них был только ранен и молил о пощаде. Но местные полицаи, которые и осуществляли это зверство, не щадили никого, даже маленьких детей. Когда яма была переполнена телами убитых, расстрелы продолжили над силикатным карьером – это стало местом второй братской могилы. Кровь лилась ручьем, плакала земля, а местные полицаи, завершив уничтожение людей, хлестали самогонку. И не было места в округе, где бы могли спастись несчастные жертвы...

Я один из немногих михалинцев, кто сумел выжить в то военное лихолетье. Вначале был направлен в офицерское танковое училище под Оренбургом. Через два месяца нас бросили на фронт – нужно было отстаивать Москву. Там я был впервые ранен, потерял много боевых товарищей. В бой часто шли только с бутылками с зажигательной смесью, оружие добывали сами. Автоматы появились в середине войны, до этого у нас были винтовки, выходившие из строя от маленькой пылинки.

Из госпиталя меня направили на «Дорогу жизни», где был диспетчером, связным при управлении Ленинградского фронта. После чего дивизи-

зию расформировали, и я снова оказался на передовой, во второй Ударной армии.

После второго тяжелого осколочного ранения грудной клетки и левого плеча, я снова попал в военный госпиталь. А до этого была ранена правая рука, левая нога. Словом, в 20 лет был обожжен, изувечен. И это было еще большое счастье! Друзья-товарищи погибали – ежедневно, ежеминутно. Как-то я стоял на пирсе с бойцами. Вдруг из-за облаков налетели «Мессершмиты». Все превратилось в ад, десятки раненых, убитые, меня только отшвырнуло взрывной волной.

Я один из немногих, кто остался в живых из воевавших с самого начала и до конца в порту Кобона-Касса на «Дороге жизни».

Там никого не интересовало, какой ты национальности – все мы были солдатами, все плечом к плечу боролись за освобождение нашей Родины. Евреи были и в командном составе – комиссар дивизии полковник Басин, начальник политуправления Арон Захарович Росинский, лейтенант Нехамкин, диспетчер Эмдина, комбаты Китайгородов и бухарский еврей Абдурахманов, военврач Пайкин.

МОИ ЛЕГЕНДАРНЫЕ ЕВРЕИ

В Израиле живет дочь легендарного еврея Зелика Суперфина. В годы войны, будучи председателем колхоза в селе Милославичи, он спас своих соплеменников. Несмотря на недовольство других колхозников, сумел выбить для каждой еврейской семьи по лошади и помог уехать в тыл перед самым приходом немцев. Он всегда был мужественным человеком, недаром не побоялся организовать домашнюю синагогу, где собирались местные евреи. За это могли жестоко наказать, но Зелик никого не боялся и дал нам возможность уже в то далекое время прикоснуться к нашим истокам, почувствовать себя частью древнего народа, с которым надеялись когда-нибудь воссоединиться.

Фаина Маневич, сельская учительница, чудом спаслась, сама не понимала, как сумела уговорить конвоира отпустить ее. Через лес вышла к какому-то глухому селу, где тяжело батрачила за кусок хлеба. Только после войны в селе узнали, что она – еврейка, спасаясь от расстрела. Ходили слухи, что легендарный разведчик Лев Маневич, который был родом из соседнего города Чаусы, приходился родственником нашей Фаине – кто знает, может быть, героизм и бесстрашие было в крови этой ев-

рейской семьи. В израильском городе Араде живет внук Фаины со своей матерью, женой Иосифа Маневича – сына Фаины.

Магазин, в котором работал мясником Лазарь Трактинский, называли в городе магазином Трактинского, а он был просто рядовым продавцом – так уважали его все. Всегда с улыбкой, внимательный к людям и... никто не знал, что он был на фронте с 1941 года, что прошел концлагерь, из которого убежал, что был партизаном в Югославии, а затем воевал в Красной Армии.

На волне выезда он один из первых покинул Климовичи и уехал с семьей в Америку. Евреи-офицеры Абрам и Петр Розельманы, Михаил Черной, Евгений Шифрин – все они были награждены боевыми орденами. Два брата Залман и Владимир Шифрины – погибли, не дожив до своих 20-ти лет. Зелик Суперфин, Израиль Рухавец – тоже не дошли до Победы.

Только из нашего родного Михалина, из маленьких Климович сколько воинов-евреев участвовало в боях и большинство осталось на полях сражений!

Война закончилась, оставив в наших душах незаживающие с годами раны. Но надо было продолжать жить дальше, преодолевая боль и горечь потерь. Михалин постепенно оживал. Стали возвращаться с фронта бывшие воины, вернулись эвакуированные евреи со всех окрестных сел. Большинство потеряли своих родных в огне войны и пытались найти новое пристанище среди своих соплеменников.

Новым председателем колхоза назначили Исаака Лайванта, чьи сыновья, боевые офицеры, испытали на себе всю тяжесть военного лихолетья. И вновь добрая молва пошла о еврейском колхозе «Энергия» по всей близлежащей округе.

Непонятно каким образом, не имея ничего за душой после всех этих страшных лет войны, эти удивительные люди сумели собрать нужную сумму для покупки первых лошадей.

Собирали всем миром, каждый колхозник отдавал последнее, что каким-то чудом сумел сохранить на черный день – но начало было положено. Деньги были собраны, и Зяма Любан, больше жизни любивший лошадей, поехал за ними в Западную Белоруссию.

Прошло несколько лет, и стали укрупняться колхозы. Михалинский колхоз соединили с соседним колхозом имени Карла Маркса. Местные евреи были очень горды новым названием, как-никак, еврей, пусть даже и крещеный.

Бригадиром долгое время был старший лейтенант Ела Стукало, родители которого были расстреляны, а двое братьев погибли на войне. Пройдут годы, и я встретился с ним в Израиле.

Елу Стукала я помню с детских лет. Помню, когда Михалин, облепленный белым туманом, просыпался после летней ночи, Ела уже влетал на своем белом жеребце в наш поселок. Молнией пронеслся мимо и к нарядной. Бригадир Ела Стукала, начавший работать еще до войны в еврейском колхозе, продолжал его традиции. Хотя изменилось и название, и евреев осталось совсем немного, но прежняя закваска сохранялась.

Одних направлял на вспашку земли, других – на заготовку силоса, третьих – на сенокос. А мы, михалинская детвора, всегда рядом. Подставляем руки, лицо под сочную струю кукурузной массы, которая наполняет силосные ямы, вскакиваем на возы с сеном и, покачиваясь на самом верху, одурманенные его нежным летним запахом, чувствуем себя наверху блаженства. А вершина всего – это игра в прятки в амбарах, где складировано сено на зиму. У каждого – своя нора, и все – девчонки, пацаны лазим по своим норам, прячемся один от одного, играем. Знал про все наши детские проделки бригадир... Сам вырос здесь, точно также в детстве игрался. И вдруг нашего любимого белого жеребца погоняет с криком другой человек, а увидев нас, злобно кричит: «Только посмейте зайти в амбары с сеном!»

Мы, конечно забежали... С вилами в руках новый бригадир с помощниками ищет нас. Острые зубья вонзаются совсем рядом, а мы лежим в ужасе... Но вскоре снова белый жеребец влетал в Михалин, снова в повозке был Стукала... После реорганизации хозяйства, сел за руль грузовой машины. Сад, который посадили еврейские коммунары, хорошо плодоносил.

И по всей республике развозил сочные яблоки Ела Стукала. Бессменный парторг хозяйства, уважаемый человек, авторитет для многих, от Израйля, как и многие другие, был далек. Не все были готовы в те годы быть открытыми сионистами, проповедниками еврейства.

Свой Израиль он видел в своей еврейской семье – дал вместе с женой сыну и двум дочерям высшее образование, построил красивый дом, работал на земле еврейского колхоза. А когда пришло время, все оставил и начал с нуля в Израиле. Я еще встречался с ним в Ришон ле-Ционе, куда специально приехал, а мой отец был особенно рад встрече с ним, ведь вместе уходили на фронт, вместе одни из немногих михалинцев вернулись домой.

По праву Ела сидел за главного за общим столом климовичских евреев на ежегодной встрече выходцев из Белоруссии. Каждая минута общения с ним – была наградой.

Бессменный заведующий молочно-товарной фермы Малах Ошеров – на ней дневал и ночевал. Бывший председатель довоенного еврейского колхоза, он был предан колхозному движению больше, чем родной семье. Не заметил даже, как дети выросли, да какие дети! Один сын – полковник, второй дослужился до генеральского звания. Трое дочерей Малаха живут в Израиле, внуки служат в израильской армии – жива семейная традиция Родину защищать.

Каждая спасающаяся еврейская семья – это чудо. А каждая семья, успевшая вернуться к своим корням, к своему народу на земле Израиля – чудо вдвойне!

Польский еврей Зяма Штерн, 1923 года рождения, как и я, был ранен и контужен. Воевал сначала в рядах польской, а затем Советской армии.

С трудом говорил по-русски, был измученным, болезненным после перенесенных ранений. Одинокий солдат нашел теплое пристанище в колхозе «Энергия», там же познакомился со своей будущей женой, хохотушкой и плясуньей Ханой Азимовой.

Все дети Зямы и Ханы, их внуки сегодня в Израиле. До войны родные Зямы жили в Варшаве, некоторые из них переехали в Палестину, участвовали в организации государства Израиль. Григорий Штерн, сын Зямы, не оставляет надежду их разыскать – как знать, может быть, на земле Израиля ему когда-нибудь удастся воссоединиться.

В самом начале Михалина стоял дом колхозного кузнеца Резникова, рачительного хозяина, отца большого семейства. Его внук Геннадий – друг детства моих младших сыновей – и правнуки тоже живут в Израиле.

Мое родное местечко, где все мы жили, было будто одной семьей! Вырастали дети, уезжали в большие города, и уже их дети становились настоящими москвичами, бакинцами, ленинградцами, рижанами, порой забывая, откуда они родом.

– Местечко, – как-то в Израиле презрительно отозвался один из таких, потерявших память «москвичей», про моего боевого товарища. Узнав, что обидчик приехал из Москвы, я поинтересовался, откуда родом его родители. А дальше выяснилось, что и москвич, и мой боевой друг оказались дальними родственниками!

В приморском израильском городе Нетания живут потомки слепого Исаяи Новикова. Тяжелую жизнь прожил Исай, с трудом поднял на ноги троих сыновей. Если бы он мог тогда знать, что из михалинского колхоза протянется долгая дорога в Израиль для его детей и внуков!

Янкель Персин, ночной сторож, мало видел радости в жизни. Четверо его детей, как могли, помогали отцу и матери и в колхозе, и по дому – ко всему были приучены. Но дети выросли, словно птицы, разлетелись кто куда. Прошли годы, сыновья умерли, а дочь Броня Персина, оставив престижную работу экономиста областного управления, уехала с дочерью и внучкой в Израиль.

Фаня Кукуй потеряла трех братьев – Беню, Бориса, Лейбу, но в семьях ее сыновей растут внуки с фамилией Шухмахер...

Инвалид войны Григорий Хайкин выделялся в нашем городе своим оптимизмом, хотя потерял на фронте ногу! Вырастил двух дочерей, одна из которых – Циля Аристер вместе с дочерью и внуками в Израиле.

Зяма Невелев – мой давний друг, фронтовик жил, как и все, нелегко после войны. Боевой офицер не сломался. Сегодня его наследники – два сына, внуки, правнуки тоже здесь.

МАРК ЛЕЙТУС И ЕГО «АКАДЕМИЯ»!

До войны во всех городах были еврейские школы. Была такая школа и в Климовичах, там все занятия проходили на идише. Ее еще называли «Еврейской академией Лейтуса» – по имени первого (и единственного) директора Меира Лейтуса.

Все ученики Меира ушли на фронт, а их родители разделили жестокую участь белорусских евреев. С войны вернулись единицы, а Меир, сам воевавший, с изувеченной рукой после тяжелого ранения, до конца дней руководил школой рабочей молодежи – еврейской школы уже не было, учиться было некому. И вновь школу Лейтуса стали называть «Академией Лейтуса», только вот еврейской она уже никогда не могла стать.

Сын нашего местного еврейского просветителя Иосиф Лейтус сегодня преподает в одном из ведущих университетов Израиля. Дочери Иосифа тоже живут в Израиле, одна из них ведет религиозный образ жизни, а другая – известная активистка общественных движений.

Судьба занесла в Климовичи израненного, измученного польского еврея из Люблина Моше Бекермана. Его близкие погибли в Освенциме а сам он, чудом убежав из гетто, ушел воевать к партизанам.

В Климовичах сблизился с семьей мастера – строителя Кубышки, да так и остался у них жить. Перед моим отъездом в Израиль он поведал мне о своей судьбе и сообщил, что один из его братьев Бекерман Шлема-Шмуил, 1920 года рождения, еще до войны уехал в Палестину.

Благодаря Всевышнему, расставшись в Польше 1938 году, братья встретились в 1996 году в Израиле. Свершилось чудо! И я рад, что оно произошло!

Без нашего Бати не было бы этой встречи, не было бы нового репатрианта – сына Мойше Бекермана, который давно уже ушел от еврейства. Помню, как письмо за письмом отец отправлял во все стороны, звонил везде, стараясь найти еврейского брата Бекермана. А найдя его и организовав встречу братьев, долгие годы был связан с сыном Мойше, радовался, что он пустил здесь свои корни и все сожалел, что никак не перетянет сюда его младшего брата.

Бессменным начальником цеха на Климовичском заводе металлоизделий был Исаак Генькин. Сменялись директора, главные инженеры, а он продолжал работать на своем месте многие десятилетия. Исаак очень гордился своим отцом – тот до войны был кассиром в банке. Когда началась война, этот скромный еврей совершил настоящий подвиг – под бомбежками вывез в тыл целую машину денег.

– Да как же я мог тогда вернуться после войны домой, посмотреть в глаза своим детям? – искренне удивился старый еврей.

Помню, пораженный этим фактом, я пришел к старику в военном кителе, в сапогах, с постоянной фуражкой на седой голове. Даже мне не верилось про тот рейд по дорогам войны с банковскими деньгами. Седой ветеран показал мне грамоту, где было четко написано, что именно он, Залман Генькин, передал в российский банк в тылу громадную сумму.

– Не было страшно под бомбежками? – спросил я у него.

– Так всех бомбили!

Когда про эту историю было рассказано в газете, многие удивлялись, мол, ну, и простофиля же этот Залман! Можно было скрыться с миллионами, где угодно. Россия – велика, а война все бы списала.

По себе, видно, судили, а Залман, вернувшись в свой город, в свой банк, продолжал, как и прежде, в нем работать. Как только выдавалась свобод-

ная минута – спешил к братской могиле, где с другими евреями Климовичей были погребены его расстрелянные родные.

Дети Исайи, внуки и правнуки Залмана, тоже строят свою жизнь на израильской земле.

Евель Янкелевич Шуфер – самый обычный еврей из маленького городка Краснополье, шил шапки. А пришла война – командир взвода, роты, старший лейтенант, награжден орденом «Красной Звезды» в 1944 году.

Сколько было таких простых, незаметных, но грудью вставали за Россию. Родные Евеля Шуфера сегодня живут в Израиле, старшая дочь Маргарита осталась в Климовичах, как может, поддерживает огонек еврейской жизни.

– Больше евреев уже на кладбище, – свидетельствует Маргарита, моя бывшая соученица, – все уехали, единицы остались.

Среди них и дочери Льва Хайкина – капитана военных лет, дети старшего лейтенанта Фельдмахера, у которого медаль «За отвагу», орден Отечественной войны 1-ой степени.

Разбираю неразборчивые записи отца, видимо, заканчивал их уже в свои последние дни... Хочу никого не пропустить.

Вся жизнь была подвигом у Арона Козлова. Оставшись без двух рук, он научился писать с помощью кисти... Привез в страну двух прекрасных сыновей Александра и Якова. Именно Яков, старший из сыновей, является одним из негласных руководителей еврейской климовичской общины в Израиле. В радости и в тяжелые дни он всегда приезжает к землякам.

БЫВШИЕ КЛИМОВЧАНЕ – СОЛДАТЫ ИЗРАИЛЬСКОЙ АРМИИ

Подрастает новое поколение Мархасиных, Азимовых, Хайкиных, Раснецовых, Суперфин, хотя некоторые из них носят другие фамилии. Бывшие климовчане Каспины, Кац, Подвысоцкие, Антоновские, Вороновы, Шур, Леины, Дункель, Раснецовы, Синельниковы, Невлер, Гольдберг – все они дети и наследники Катастрофы сегодня в Израиле.

Как мы радовались, когда к нам заехала семья Симы и Гершона Залманенок. В Белоруссии врачи уже не надеялись на то, что Гера, как мы называли его, долго протянет. А он и здоровье свое поправил, и своих родных один за одним стал встречать в Израиле. Его тесть Абрам Пескин не дождался до Израиля, но сегодня здесь живут его две дочери Анна

Свистунова и Сима Залманенок, внуки, правнуки. На их примере хорошо видно, как росла наша алия. Вначале приехал Гера с младшей дочерью и женой, потом ее младшая сестра с двумя дочерьми, потом – старшая дочь Геры с семьей.

Здесь выросли дети, рожденные в Белоруссии, влились в новую жизнь, отслужили в израильской армии. Старший внук михалинского еврея Герсона – пошел в боевые войска, стал снайпером. Десятки потомков климовчан служат в израильской армии, защищают нашу страну, а еще больше готовятся к ней – это уже рожденные здесь! Не было такой семьи, чтобы кто-то из приехавших климовчан не служил в Израиле. И это очень примечательно – защищать свою страну, которая нас приняла!

Прошу прощения у тех, про кого не вспомнил... Мы, пройдя войну, уходим в вечность один за одним. Дальше идти вам! Одно успокаивает, что мы жили не зря!

Мы – наследники истории еврейских местечек, навсегда исчезнувших, но оставшихся в нашей памяти, порой страшной, невыносимо тяжелой – но это наша история. И пока мы живы, пока будут жить наши дети, внуки, правнуки – не исчезнет память о тех, кто был безжалостно уничтожен только за то, что был ЕВРЕЕМ.

Я ЖДАЛ, НАДЕЯЛСЯ И ВЕРИЛ...

Моя жизнь была нелегкой. Я был частью своего времени, тем поколением, на долю которого выпала война – самая кровавая в истории человечества. Но самое страшное, что мне пришлось пережить, что сопровождает меня всю мою жизнь – это боль потери моих родных, которых погубили так безжалостно, бесчеловечно. Сколько буду жить – не прошу тем извергам, которые подняли руку на безвинных жертв только за то, что они принадлежали к древнему, веками гонимому народу. Как мне было трудно жить, видя вокруг тех, кто не только не защитил мою семью, но и сам был пособником карателей!

Я жил открыто, не прятался во время войны, не убежал в тыл, не боялся недругов. Возможно, в другое время и в другой стране, я бы достиг большего. Но руки мои были связаны. Или нужно было принимать ту жизнь и поддакивать начальству, быть своим евреем, или бороться по мере сил. Я выбрал второе – иначе просто не мог...

Я надеялся, что доживу до того дня, когда советские евреи смогут свободно уехать в Израиль. В 70-80 годы единицам из наших мест удалось это сделать, я лично не знал этих людей, но слухи о них доходили и до нашего маленького городка. Вокруг был большой мир, он менялся, происходили какие-то события, которые впоследствии окажут огромное влияние на весь ход новейшей истории – а мне, с моей жадной новой жизни, с тем огнем, который клокотал в моей душе, приходилось продолжать жить в маленьком, уже совсем не еврейском местечке. И ждать, и верить!

И этот день настал – 13 ноября 1990 года началась моя новая жизнь.

Глава восьмая

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО ИЗ МИХАЛИНА И ЕГО ЖЕНА ИРИНА

(Записки Григория Златкина)

Я уже очень давно не сидел вот так ночью на скамейке в окружении тишины на больничном дворе. Вокруг абсолютная тишина – граница между больничными палатами и где-то внизу трассой, где бурлит бешеная жизнь, в которой нет места завтрашнему дню, а только сегодняшнему. Обычная стандартная жизнь с попытками маленького человека в нем как-то трудоустроить свое мизерное существование, свой маленький мирок, который, порой, кажется таким вечным, таким большим, таким насыщенным планами, идеями, пятилетками, неделями, где начинающееся воскресенье так быстро приходит к концу недели, где люди ссорятся, бунтуют, пытаются достичь необъятного, обманывают друг друга, умирают от ненависти друг к другу, от обиды на ближнего, на соседа, где люди не имеют времени посидеть с родителями, уделить им внимание, согласиться с их глупостями, так нам кажется, не внимать мудрости их жизни. Мы всегда умнее, мы знаем, как нужно, мы любим поучать и ворчим на старших и младших.

Но когдаходишь в эти больничные палаты, понимаешь, что нужно ценить каждый день, каждую секунду, относиться с любовью ко всем тебя окружающим, просто дарить любовь и уважение, почет, просто обнять маму и папу – все некогда, несутся куда-то наши кони без уздечки и без

ведущего. Порой срывается лошадь, и несешься, Бог знает куда, но не останавливаешься.

Ведь хочется все больше и больше. Уже и на книгу нет времени, уже и с детьми нет времени поговорить, уже и родители, и жены раздражают и не понимаешь, что ты, как белка в колесе, крутишься на месте, выполняя планы, приобретая ненужные вещи, пытаешься обмануть жизнь, себя, и пытаешься доказать, что ты можешь все, хотя по большому счету ноль, мельчайшая единица, получившая от Бога право на какую-то скоротечную жизнь.

Я смотрю на себя, перевалило уже за пятьдесят, но до сих пор остался ребенком и всегда восторженно смотрю на мир. Если пришел в этот мир с каким-то заданием, не думай о нем, просто радуйся сегодняшнему дню, чистейшему воздуху, который и можно почувствовать только ночью, звуки не природы, а ночи, потому что здесь в больничных стенах витает боль.

И смерть здесь вообще полновластная хозяйка, здесь она живет, иногда выходя на большой широкий простор, чтобы встретиться и с молодыми, они ведь тоже нужны в том мире.

Тишина вокруг, ненавязчивая тишина, и я вспоминаю другую природу, другие времена, и моих родителей, молодых и красивых, и михалинский сад в цветении вишен. Господи, о какие это были цвета – белый непорочный цвет! Всегда были родители с их миром – мир мамы – кухня, еда, нелегкая работа учительницы начальных классов, стопки тетрадок для проверки, вечная борьба с нищетой, каждодневные сложные вопросы, как накормить всех мужчин в доме. И мир отца, не от мира сего, которого никогда не интересовали эти земные дела, деньги, ремонт, пашня.

Но шли к нему люди – к нему, неофициальному прокурору, именно его благодарили за помощь, он никогда не хотел быть как все.

С самого раннего детства мы видели человека, который всегда очень много читал, жил всегда с желанием вырваться из мира нищеты, нищего, но богатого духом, который он и нам передал. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь подняться на его уровень, уровень великого человека, волей судьбы, кармы небес, брошенного в маленький городок и никогда не сдававшегося.

Страшно тяжело находиться в больничной палате. Бог, он решает, когда человеку уйти, кого забрать. Это высшее решение о добре и зле, о том, что правильно.

И стоишь возле больничной кровати, вскакивая с каждым изменением пульса и ударов сердца, и твое сердце также неровно бьется, страдая вместе с ним.

Только здесь в этой палате начинаешь понимать, что это человеческая жизнь и чем она измеряется.

Какая долгая долгая жизнь. Только одна его жизнь могла быть эпопеей подъемов и взлетов. Мемуары военачальников – это понятно, а вот жизнь маленького человека с гигантским духом, ушедшего на фронт, вернувшегося, построившего дом, семью – граф Монте Кристо из Михалина.

Никогда и ничего не боялся, потому что, видимо, страшнее войны ничего не может быть, обладал притягательной силой, и все его друзья приходили к нему, их неформальному лидеру, он не всегда был принимаем богатыми евреями, Но он был выше их своим духом и в своем старом перешитом костюме он всегда шел как победитель.

Для него не существовал материальный мир, сервисы, золото – он был выше всего этого. В глазах многих он казался нищим чудиком, а он просто не укладывался в рамки обычного человека.

Мы –это он, наша жизнь – это он, и наша продолжающаяся жизнь –это он.

Рядом с ним наша мать. Долгие-долгие годы рядом с ним, другой тип личности, для которой дети – это все на свете. Ей–то досталось больше всех. Батя с его поисками другой жизни исчезал на целину, на курорты, а мать всегда была и есть рядом с нами. Как птица для своих птенцов. Всю себя до конца отдать детям, это у нее самое дорогое в жизни. Я практически уверен, что наша мать могла стать лидером, ведь руководила школой, воспитала детей добрыми, отзывчивыми,

Может, даже в противовес отцу совсем не хотела, чтобы мы уезжали в дальние города, и только теперь, став папой и дедушкой, я понимаю, как это тяжело – отпускать птенцов так далеко в неизвестные страны. Вот так и жили наши родители, и теперь я уверен точно, что любая супружеская пара это выбор Бога.

Один дополняет другого, один мягче, второй жестче, у одного мечты, а у другой – реальная тяжелая жизнь, где нужно кормить детей, где нет хлеба и нет денег, где муж мечтатель. И все это падало на плечи нашей матери. Я вообще не понимаю, как она смогла пройти такой тяжелейший путь, выстоять в той страшной жизни, но подняла вместе с Батей детей.

Наша мама выросла в другой семье. После войны сошлись два человека, потерявшие много на той войне, создавшие семью. Они ведь не получали большое образование, не были в больших городах, но правильно воспитали своих детей.

Ведь нашей маме не раз приходилось бороться и с его чудачествами и иногда с его раздражением. Она всегда была на стороне детей, всегда их защищала.

Отец не учил психологию, но знал, что такое люди, мать же любила всех, она была лакмусовой бумажкой, смягчающей бескомпромиссный характер отца.

Помню, отец прибежал домой со своим старым «Фотокором», поставил тренажку, попросил нас подойти к стене дома, щелкнул затвором. И мы видим кусочек прежней жизни...

«Давно, в нелёгкие годы, о будущем ты мечтал.
От лётчика до академика нам титулы раздавал.
Ты говорил: нам трудно, но мы не плачем.
Ещё десять лет, всё будет иначе.

Прошли эти годы, всё стало иначе.
Мечты исполнялись, как был ты рад!
Нам трудно сегодня, но мы не плачем ...
Вернуть бы десять лет назад...»

Эти поэтические строки написал наш самый младший, Лев.
Они посвящены отцу.

Два самых разных человека, два необычных человека – отец и мать. Вместе они прошли много дорог...

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Глава первая

УЦЕЛЕВШАЯ ВЕТВЬ

Белорусское послевоенное село...

Оно даже не встало на колени после войны. Покосившиеся домики, сразу видно, где живут солдатские вдовы, соломенные крыши, пустые полки одного-единственного магазина, бездорожье, а зимой и весной снежные бури и распутица. Жить в таких условиях было трудно всем местным жителям, но особенно невыносимо было еврейской семье – единственной во всей округе.

Все мои ровесники щеголяют по весне в новеньких сатиновых рубашках, а я в выдавшей виды рубашонке.

– Ты что, не знаешь? Сегодня же Пасха! Я иду к крестной матери за подарком, – делится со мной радостью мой одноклассник.

– Почему у меня нет крестной матери? Почему мы здесь одни? – плачу от обиды.

– Эх ты, – гладит меня по голове отец, – не понимаешь? Евреев не крестят, а мы все – и я, и мама, и ты, и младшие братья – евреи. А здесь мы одни такие потому, – отец на какое-то время задержал дыхание, – что всю мою родню убили фашисты. Единственная родня, которую мы знали, была со стороны нашей матери.

Ее сестры Маруся и Рая, брат Абраша, и, конечно же, бабушка Соня обогревали нас всегда, когда мы изредка приезжали в соседний город Мстиславль.

– Ну, к кому заедем сначала? – спрашиваю у матери.

Пишу сейчас эти строки и вижу ее, худенькую, как хворостинка, с изможденным от вечных забот лицом, хотя было ей всего 40 лет. Туфельки изношенные, платьице старенькое, но аккуратное, хорошо сшитое. Ду-

маю про себя, какая же она красивая – две черные косы сгибаются до пояса, глаза улыбаются. Еще бы! Какая радость на день-два вырваться в город, к родным, отвести душу, поговорить обо всем, да и выплакаться, чтоб на душе стало легче... Ну, а потом снова к семье, в этот нескончаемый поток забот и дел.

– Мама, ну, к кому зайдем сначала, – не отстаю я, – в какой дом?

Я такой богатый! У меня здесь четыре дома, где живут мои родственники. И везде, куда мы ни зайдем, будут радостные возгласы при встрече, объятия, поцелуи. Везде – нам рады!

Со стороны отца осталась только двоюродная родня, которая представлялась нам далекой-далекой. Прежде всего, она действительно находилась от нас далеко, да и впервые мы встретились только тогда, когда один за другим, стали покидать родительский дом. Но какими же родными людьми мы стали с годами, как многое свершилось в нашей жизни благодаря именно этой уцелевшей ветви нашей семьи.

Я не представляю, как бы мы входили в жизнь без этой двоюродной родни, которая на самом деле оказалась такой, что ближе не бывает.

«Сашка!», – негромко окликнул высокого мужчину, который стоял возле калитки мой дед.

Я и Залман – мой дед по отцу, встав рано утром, долго шли пешком на железнодорожную станцию. Потом долго ехали в ночном, трясущемся поезде, затем долго добирались на городском автобусе. Еще петляли по улицам, пока одна из них не вывела нас к подножью какой-то горы.

Неширокая дорожка вела вверх, где белел какой-то замок, так, во всяком случае, показалось мне. Возле входа в этот замок, открывая калитку, стоял высокий мужчина.

На голос деда он повернулся, минуты две осматривался, потом его большое лицо залила улыбка. Раскинув широко руки, он бросился к моему деду. «Дядя Залман, дядя Залман, ты ли это? Не верю своим глазам», – восклицал он.

Когда встречались в последний раз – да перед войной, когда Сашка еще был непоседливым пацаненком, а дядя Залман черноволосым, с белозубой улыбкой. Теперь Залман старик, потерявший всю семью. Сашка, бывший тихоокеанский моряк, за слово «жид» сбросил мичмана с палубы корабля. Осужденный за это, остался навечно со шрамом на весь лоб. Когда сговорившись, уголовники напали на него в камере, такой же высокий, как и его отец, кузнец Лейба, он не сдерживал свои пудовые кулаки. «Не

убили, не искалечили, хотя такая была дана команда, – говорил Сашка, незаметным жестом поглаживая рубец на лбу, – но постоянная сильная головная боль осталась на всю жизнь».

Над Могилевом шел проливной дождь, молнии грохотали над самым домом. Александр Синичкин свой дом построил на самой вершине. Никто не хотел здесь строиться, но на другое место ему не давали разрешение. Александр был согласен на все трудности. Сам расчистил площадку на вершине, сам сделал дорогу, сам завозил строительные материалы.

– Ты такой же, как твой отец, Лейба, – все качает и качает головой Залман. – Где вы, молодые годы, когда он и его друг силач Лейба ухаживали за сестрами красавицами Сарой и Стэрой? Сары и детей нет, Стэра осталась в живых. Она тоже здесь, сидит в соседней комнате. Но и ее война не обошла стороной – память ее подводит, рассудок помутнен...

Так я впервые встретился и познакомился со своим дядей Сашей – двоюродным братом моего отца.

С той памятной первой встречи мы встречались десятки раз. Дом на улице Льва Толстого на самой высокой горе, построенный руками нашего двоюродного дяди, стал домом нашего родного дяди! Мы прилетали, мы приезжали сюда вначале по одному, а потом и семьями с Урала, Грузии, России. Отдохнув здесь от дальних дорог, продолжали свой путь дальше – на восток, к родительскому дому.

Закрываю глаза и вижу дядю Сашу – сильного, высокого. Он стоит в окружении цветущих белых яблонь. Стоит на самой вершине, а над ним проплывают облака. Кажется, стоит только немного подпрыгнуть вверх и коснешься их рукой... А дядя Саша протягивает мне руку, зовет за собой. «Идем, я тебе приготовил подарок», – и дает мне классную зеркальную немецкую фотокамеру.

Мне, пареньку 13-14 лет! Это не то, что теперь, когда с детства почти у каждого самые крутые мобильные телефоны, компьютеры и еще всякая всячина, о чем мы и мечтать и не могли! Сегодня не нужно особых знаний, только щелкай – вот и весь фотопроект, а тогда фотография – да это же целая жизнь! Именно дядя Саша приоткрыл мне в нее дверь, ну, а дальше я пошел сам...

Два года изучал фотографию в одном из учебных заведений Минска. Зато, когда стал работать фотографом в крупном ателье и принес в газету свои пейзажные фотоэтюды, редактор газеты выхватил их у меня из рук и стал бегать по кабинетам редакции, показывая всем.

Благодаря подарку дяди Саши появилась не только любовь к фотографии, но и к фотожурналистике. Более 30 лет после окончания университета я проработал в белорусских и русских изданиях. Почему я так подробно остановился на этом примере? Да просто потому, что очень важно, когда мы в юности встречаем на своем пути таких людей, как дядя Саша.

Студентами мы, братья Златкины, иногда вдвоем, а нередко и втроем, и вчетвером вваливались в дом Синичкиных. На улице – мороз, а в карманах только ветер... Двоюродная родня и накормит, и напоит, и обогреет. Жена Саши Рая, такая добродушная, с улыбкой на лице, широким жестом приглашает нас к столу. До этого она, лаборантка одного из заводов, целый день простояла в резиновых сапогах на работе, но никогда не показывала даже тени усталости или какого-то недовольства от набега незваных гостей.

Наши троюродные брат и сестра Леня и Жанна еще дети, но с интересом прислушиваются к разговору, деля со всеми радость общения.

Пройдут годы, уйдут из жизни Саша и Рая. Но в один прекрасный день примчатся к нам в Израиль из Москвы столичные гости Леонид и Жанна Синичкины. Больше всех им, конечно, был рад наш отец – Батя! Оставшись один-одинешенек, он так редко встречал у себя родственников со своей стороны. А через день... Батю увезли в больницу, откуда он уже не вернулся.

Родительский дом был не близко, поэтому дом дяди Саши в Могилеве был для нас как отцовский. Три моих брата из пяти получили дипломы могилевских вузов. Когда отмечали их получение, то первый тост, естественно, был за гостеприимный дом Синичкиных.

Глава вторая

ЕВРЕЙСКИЕ ГЛАЗА

Таким же теплым домом для нас был и дом Левиных в Орше. Здесь находился крупный железнодорожный узел. Поезда приходили и уходили, и так получилось, что Орша всегда была на нашем пути по дороге домой. Сколько еще часов, пока откроешь родную калитку, а мы уже измотаны долгой дорогой. И без звонков, без разрешения стучим в дверь. «Здравствуйте!». Ощущение незваных гостей даже не возникает, на нас устремлены глаза, полные тепла и любви.

Когда я впервые увидел эти глаза?

В Мстиславле, куда я приехал с мамой, на меня вдруг набросились две черноволосые девчушки. Я никогда их раньше не видел.

«Это же сын Давида», – все восклицали Галя и Мария, двоюродные сестры моего отца. На столе стоит невиданное в послевоенные годы угощение – сочная ярко-красная клубника.

И вот новая встреча, когда я приехал в Могилев. Навстречу мне выпрыгнула какая-то сказочная попрыгунья. Огромные черные глаза, роскошная черная коса на высокой груди, тонкая талия, очаровательная улыбка! Я никогда не видел такой красоты раньше. В моем родном городе еврейских девушек было немного, да и те какие-то неуклюжие подростки. А передо мной стояла истинно еврейская красавица! Это даже я в свои 15 лет смог оценить. Как во сне до меня донеслись слова Сары: «Такой сейчас была бы твоя родная тетя Хана. Они ведь с Галей одногодки». Но погибла во время войны моя будущая тетя Хана, в трехлетнем возрасте осталась навечно в песчаном рву.

Это только потом, с годами, я острее почувствовал боль отца, с которой он жил все годы и ту пустоту, которая меня окружала из-за отсутствия родных со стороны моего отца. Поэтому двоюродные сестры стали мне и моим братьям родными.

Помню, как каблучки Гали постукивали по могилевской мостовой, как черные волосы развивались от ветра, а она – грациозная, изящная, самая красивая, шла со мной по улицам древнего города.

В солдатской гимнастерке, в кирзовых сапогах я приехал первый раз в дом тети Гали в Орше. В первую гражданскую ночь после трех лет армейской жизни мне здесь было уютно, как в родном доме.

В дом к тете Гале я приехал с радостной вестью, что поступил на факультет журналистики университета. «Какие у меня племянники! Один будет журналистом, вторая – актриса» – все радовалась она за меня и за мою троюродную сестру, которая поступила на актерский факультет.

Матвей, муж Галины, был таким же родным и близким. Когда мы врывались в дом в присутствии его жены, он, сверкая радостно глазами, приказывал: «В ванную и за стол!».

Старшая сестра Галины – Мария, даже нередко обижалась, что мы к ней заезжали реже. Но как-то запомнился лучше адрес Левиных. А в один из новогодних дней Мария просто настояла на нашем посещении ее дома. Это был удивительный вечер! Маленькая комнатка, но стол был накрыт

с истинной щедростью. Тихо постукивали часы-ходики, но мы не замечали время в эту новогоднюю ночь, все говорили и говорили о жизни, о книгах. А библиотека у них была их главным богатством. Когда я уходил, Владимир, русский муж Марии, к которому я относился несколько настороженно, вдруг мне протянул новые кожаные перчатки. Для меня, студента первокурсника, это было роскошным подарком.

В семье Синичкиных был у отца еще один двоюродный брат Дима. В полковничьей папаше, в строгой шинели увидел я его в первый раз. Потом мы встречались чаще, когда он вышел в отставку, но как-то не удалось с ним поговорить более подробно. Я не успел. Будучи в Белоруссии, два года назад, хотел увидеть своего дядю, еврейского полковника, но как-то не сложилось. А через год его внук Иван Синичкин сообщил, что не стало его деда...

Мои воспоминания сменяются одно другим. После многочасового перелета через Атлантику предстоит встреча с моими белорусскими родными, ныне живущими в Америке. Воспоминания, нахлынувшие на меня в полете, как бы протягивают мостик между прошлым и будущим. Между Белоруссией и Израилем, а вот теперь и Америкой.

Самолет бросало из одной воздушной ямы в другую. Далекий, нелегкий путь из Израиля в Америку казался бесконечным. И вот, наконец, нью-йоркский аэропорт, таможенная служба, юркие желтые такси. Мы – в Америке! Наша израильская группа была доставлена в одну из манхэттенских гостиниц. А Манхэттен – это монстр из стекла и бетона. Небоскребы справа и слева, со всех сторон. Маленьким человечком ощущаешь себя здесь, никому не нужным. Но мне-то легче, я среди своих в группе израильтян, живу в гостинице, а каково было Михаилу, единственному сыну Гали и Матвея, когда он впервые ступил на землю Америки? Ни знакомых, ни родных.

Прождав несколько месяцев в Италии, он, в конце концов, получил въездную визу, но это было только начало. Ожидая его в холле гостиницы, я продолжаю вспоминать. Миша довольно рано перестал быть нашим младшим братом, хотя по возрасту, он им и остался. Общаясь в своем студенческом кругу с молодыми горячими евреями, он рано для себя открыл то, что мы еще не видели. Еще в 1988 году мы получили первый вызов в Израиль, но еще не были готовы к этому. Даже когда получили извещение о громадной посылке из Израиля, то не стали ее забирать.

Прозрение было тяжелым. «Ты посмотри, посмотри, какое черное небо, какие убогие постройки, какие рытвины на дорогах, какие угрюмые лица. Ты посмотри, посмотри, что тебя окружает!», – открывал мне глаза мой

младший брат. И я увидел... Очереди в магазинах и на автобусных остановках, ограничения абсолютно во всем – раньше воспринималось, как что-то обычное... С этим я вырос и с этим рос, но, как, и многие другие, иной жизни просто не знал. Минская синагога по улице Кропоткина, куда привел меня мой младший брат за день до своего выезда в Америку, стала моим первым еврейским домом. Маленькое невзрачное здание снаружи, внутри освещалось каким-то необычным духовным светом от пламенных взглядов собравшихся и от какой-то необъяснимой внутренней энергии.

«А ты знаешь, что на улице скрытно фотографируют всех тех, кто сюда заходит? Ты не боишься?», – поднял на меня черные глаза молодой бородач.

«Нет, я уже решил уехать в Израиль и сюда прихожу, чтобы получить новую информацию, взять книги и самоучители по ивриту».

Все, кто приходил в эту синагогу, открывали, для себя новый мир, и в их числе были мой брат Михаил Левин и его друг Юрий Дорн, первый преподаватель языка иврит в Минске. Сегодня он президент белорусско-иудейской организации.

Юрий Дорн еще тогда меня удивлял: он готовил к отъезду многих, и с каждой группой, как будто уезжал сам, оставаясь при этом до сегодняшнего дня в Минске, чтобы помочь все новым и новым людям найти дорогу в еврейскую жизнь.

Михаил и Юрий, открыв для меня дверь в Израиль, сегодня живут в разных странах, продолжая начатое.

Все это я вспоминаю и вспоминаю в ожидании встречи со своим, теперь американским братом. И вот он на пороге манхэттенской гостиницы, в шикарном костюме, но с таким же, как прежде, простым и открытым взглядом и светлой улыбкой.

«Миша, Миша, – думаю я про себя, – как же тебе было тяжело открывать для себя Америку?». Будто угадав мои мысли, Михаил говорит:

– Люди думают, что в Америке доллары растут на деревьях. Что такое Америка? Это автострада. Мчишься по ней, как в автомобильном потоке. Тебя могут выбросить в кювет, тебя могут сбить, ты можешь затормозить, но ты ведешь машину сам, и направление выбираешь только ты и никто другой. Но можно и по-другому. В Америке множество всевозможных благотворительных фондов. Можно жить за их счет, ходить с протянутой рукой. Я выбрал автостраду – стремительную гонку жизни.

Михаил Левин окончил в Белоруссии машиностроительный институт, второе институтское образование получил в Америке. На выпускном

вечере он был назван в числе лучших выпускников. Сейчас у него прекрасная, хорошо оплачиваемая работа. А с чего он начинал в Америке? Развозил на велосипеде заказы для больных из аптеки. Когда отдыхал? Когда, присаживаясь у телевизора, успев лишь снять ботинки с натруженных за день ног, проваливался в тяжелый сон.

Улыбаясь, Михаил гонит свою машину по Бруклинскому мосту. Ветер свистит, вокруг море огней, ощущение просто фантастическое – влетаем на полной скорости в район Бруклина на Брайтон-Бич. И снова, как в далекой юности, передо мной возникают глаза тети Гали, полные любви и света, а рядом трогательное лицо Матвея. Все как в Орше.

Прошли годы. Сегодня Галя и Матвей по-прежнему живут в Америке. Любят возиться на своем участке – высаживать деревья, цветы. Наше общение с ними – по скайпу. Та же улыбка, те же интонации, тот же милый голос и... белорусский акцент.

Тетя Галя – младшая дочь Льва и Стэры Синичкиной, двоюродная сестра нашего отца – последняя из довоенного поколения. Сын Михаил, который первым из нас открыл Америку, занимается активно бизнесом, живет на самом берегу Тихого океана, имеет семью, детей.

Мы надеемся на новые встречи. И не важно, где они произойдут – на берегах Средиземного моря в Израиле или на берегах Тихого океана в Америке, но они обязательно будут!

Когда этот материал был уже подготовлен, мои младшие братья Яков и Григорий мне сообщили, что во время поездки в Америку, они встречались с Михаилом.

А впереди – следующие встречи!

Глава третья

ДРЕВО ЖИЗНИ

Белоруссия. Середина лета. Отцвел давно уже картофель, и теперь мать балует нас свежим картофельным пюре, нередко и картофельными оладьями – драниками. Мы – детвора, заняты кто чем. Один вернулся из леса с грибами, другие читают фантастику, кто-то сражается друг с другом в шахматы. Отец прильнул к старенькому приемнику, ловит «Голос Израиля», а наш дед Залман в теплых штанах и длинной белой рубашке, опершись на толстую палку, сидит, уставившись в одну точку. Подхожу к нему,

присаживаюсь рядом под раскидистыми ветвями вишневого дерева. Черные спелые вишни так и просятся в рот, но дед ничего не видит, ни на что не обращает внимания.

– Дед, почему ты такой грустный? – дергаю его за рукав.

– Галик, – так он всегда меня называет, – война отобрала всех моих детей, Злату, Муню, Хану, жену Сару. Только один Давид и остался – твой отец. А где, где все остальные? – поднимает он на меня свои печальные глаза.

– Дед, так ведь война давно уже закончилась, – успокаиваю я его, а сам спешу играть то ли в футбол, то ли в лапту.

Мне сейчас столько же лет, сколько было тогда моему деду Залману. И то, что я не понимал тогда в детстве, болью отзывается теперь в моем сердце – я хорошо понимаю своего деда, я уже сам испытал горечь потерь любимых и близких.

Мой дед уже не мог жить, как прежде, после всего пережитого он тихо доживал свой век. Но он знал, что его род продолжается в детях сына. И это его радовало на склоне лет, как и то, что продолжается род его старшего брата Айзика, несмотря ни на что...

...Гися и Злата Златкины – дочери Айзика из Михалина, начало войны застали на Украине, в городе Николаеве. Когда отсюда стали отправлять эшелоны в тыл, сестры долго не раздумывали – из газет они уже знали о зверствах фашистов в Белоруссии, о повальном уничтожении евреев в родных местах и с ужасом предполагали, что из их семьи уже никого не осталось в живых.

– Завтра будет эшелон в сторону Средней Азии. Там такая красота – целый год лето, арбузы, фрукты. Точно как в Крыму, – убеждала одна из знакомых.

– Нет, ни минуты ждать не будем. При первой же возможности уедем. Куда? Нам все равно, на юг или на север, – приняли твердое решение совсем еще юные девушки, почти подростки. Можно только догадываться, как им удалось втиснуться в один из эшелонов, шедший на Урал, куда с Украины вывозилось оборудование для новых военных заводов.

Можно долго рассказывать, как ютились они в войну в заводских цехах, как сутками работали у станков, как мерзли, как голодали – все выдержали, главное было, дожидаться Победы!

Вот тогда, в грозные годы войны, на заснеженной уральской земле пустило корни новое семейное древо Златкиных.

Мог ли думать в свой последний час старый Айзик, что две его дочери не только выжили сами, но и дали жизнь другим. Придет время, и уральская ветвь семейства Златкиных соединится с белорусской.

Случится это на свадьбе нашего брата Якова, где встретятся через десятилетия Давид, Гися и Злата.

Видимо, так судьбе было угодно, чтобы после окончания авиационного института молодой инженер Яков Златкин приехал в Пермь. Здесь он встретил свою любовь, здесь построил свой дом. И здесь впервые встретил своих многочисленных уральских родственников. Такое начало было на Урале, а продолжение – в Израиле.

В один поистине прекрасный день раздался международный телефонный звонок.

– Я Бэла, дочь Златы. Мы – двоюродные брат и сестра, – слышу я голос издалека, – В Израиле находится моя внучка Анечка, она сейчас в Ашдоде...

От волнения я не сразу понял, с кем я говорю, только все повторял: «Да-да-да...»

Прошло несколько дней, и на пороге моего офиса появилась девчушка в солдатской форме с рюкзаком на плече, которые обычно носят израильские солдаты. Сердце тревожно защемило, что-то незримо родное почувствовалось сразу, в первый миг, как только я увидел ее среди своих многочисленных посетителей. Я понял – это она, моя незнакомая племянница.

И она, и ее двоюродная сестра Юля, правнучка Златы, обе приехали в Израиль, они были истинными внучками своих боевых бабушек, а значит, никакие трудности их не смогли сломить.

Аня любит рассказывать про свою семью. Про мать, про отца – украинца, прошедшего афганскую войну.

– Как только мой брат Ефим подрастет, хочу забрать его к себе, в Израиль, – мечтает юная новая израильтянка с миндалевидными глазами и украинской фамилией.

Прошло несколько лет. Аня закончила службу в армии, живет в центре страны. Постепенно она пускает свои корни уже здесь, как ее прабабушка на уральской земле.

Назло всем смертям род Залмана и Айзика продолжается дальше. В России и Канаде, в Израиле и Европе, Австралии, Америке подрастают их наследники. А на семейном дереве появляются все новые и новые ветви...

Глава четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЕВРЕЙСКИМ КОРНЯМ

Николай Кравец, успешный бизнесмен из Подмосковья, с детства приставал к матери с расспросами:

– Мама, где твои родные? Знаю, что у тебя есть брат Ваня и сестры Нина, Женя. Но кем были твои родители – мои бабушка и дедушка? Где мои другие братья и сёстры? Вообще, откуда ты родом?

Мать обычно отмалчивалась, старалась под разными предложениями уйти от ответов сыну. Однажды вечером Николай позвонил своему брату Александру в Астрахань.

– Саша, я хочу вместе с тобой полететь в Израиль, согласен? – предложил он брату.

– Согласен. С тобой – хоть на край света, – забасил Сашка.

– А это и есть край света, – усмехнулся на другом конце провода Николай, – Приезжай, я тебе всё расскажу подробно.

Последнее время ему казалось, что он живет какой-то двойной жизнью. В коротких разговорах с матерью, с незнакомыми людьми, которые как-то заходили к ней, он понимал, что мама – совсем не та, за кого себя выдавала все эти годы.

В Офакиме, маленьком городке на юге Израиля, Николая и его брата Александра уже ждали. Хая Хейфиц достала из альбома старую пожелтевшую фотографию.

– Вот всё, что у меня осталось на память от вашей мамы, – грустно сказала она.

На фотографии, в одной из трех черноглазых девчушек, Николай узнал свою маму, такую молодую и красивую.

– Вот это – я, а вот это – ваша мама Женя Шифрина, – пояснила хозяйка дома.

– Шифрина? – переспросил Николай, чувствуя комок в горле.

– Да, да, Женя Шифрина.

Семейная тайна, долгие годы хранившаяся в секрете, раскрылась...

... Нахум возвращался в родные места. После Крыма, где некоторое время жила его семья, он приехал в Мстиславль. Маленький, с неказистыми деревянными домами, типичный еврейский городок, пришёлся ему по душе.

Нахум работал в колхозе, жена в доме, по хозяйству, дети – в школе. Старшая дочь Женя – молчаливая, но в учёбе усердная, подружилась с Хайей Хейфиц. Сидят за одной партой, обе мечтают стать учительницами математики.

– Почему бы и нет? – рассуждает Нахум. – Это же надо, моя дочь будет не какой-нибудь поварихой или швейей, а учительницей! Вот что значит советская власть.

... Белым цветом покрылись мстиславские сады, зазеленели яблони и груши, когда подружки решили после окончания школы уехать в столицу – Минск. И вот уже год Женя со своими подружками учится в Минске. Азимова Рыся, Диментман Рита, Хая Хейфиц и Шифрин Женя – все они студентки педагогических курсов при Белорусском государственном университете. Все вместе квартируют в доме на улице Московской. Днём – лекции, учёба, а вечером манит девчат река Свислочь, что раскинулась в центре Минска. Здесь всегда весело, многолюдно, не то, что в маленьком Мстиславле, где вечером молодежи некуда пойти. Девичьи мечты – такие сладкие.

– Окончу учёбу здесь – поступлю учиться дальше, – говорит одна.

– Я вернусь домой, – улыбается вторая.

– А я уеду в Москву, – мечтает третья.

– А мне хочется найти самого прекрасного юношу и уехать далеко-далеко, – смущенно вторит подругам четвёртая.

Смеются девушки из маленького еврейского городка. И не беда, что от стипендии остались жалкие гроши, что в доме нет даже краюхи хлеба, что чулки уже изношены, а туфли ждут ремонта – ничего, главное, что они молодые, что они красивы, а впереди у них долгая счастливая жизнь. Они так искренне верили в это...

Но грянула война – и все надежды были перечеркнуты.

В июле 41-го года немцы создали Минское гетто. Вся территорию обнесли колючей проволокой в два ряда. К началу его создания в городе насчитывалось 120 тысяч евреев. Все взрослое население гетто было обязано носить жёлтые звёзды на груди и на спине, белый лоскуток материи с чётко написанным номером дома. Если провинится хоть один его обитатель – будут расстреляны все жители дома. К зиме заставили сдать все тёплые вещи, а в августе начались облавы. Сначала мужчин, а потом и женщин увозили в неизвестном направлении. Ночные погромы стали постоянной мерой физического истребления людей.

Женя и ее подруги прошли через этот кошмар, но судьба их миловала, им удалось выжить. Через много лет Хая рассказала о том, как это случилось:

– Мы приняли решение бежать – пусть лучше нас убьют по дороге, чем оставаться в этом аду. Нужно было только перелезть через проволоку, перескочить через дорогу, где буквально через каких-то нескольких метров ходили обычные люди. Как будто и не было войны, как будто и не было расстрелов. У них была совсем другая жизнь. Под утро, пока еще не рассвело, девушки сорвали с себя жёлтые нашивки и бросились под проволоку, к заранее сделанному проходу. Страшно было так, что казалось, сердце выскочит из груди.

– Мы решили пробираться поодиночке, чтобы не было не так заметно, что мы еврейки. Решили возвращаться в Мстиславль, – вспоминает Хая. – Плелись по дорогам, по просёлкам, избегая крупных населённых пунктов, чтобы не попасться на глаза немцам и полицейским. Под конец пути уже не шли, а ползли, не ощущая пудовых ног.

– Все в разное время пришли в Мстиславль, это я знаю точно. Но после того, как я рассталась со своими подругами в Минском гетто, больше я никого не видела, – рассказывает Хая Хейфиц.

Бывшая фронтовичка, она не любит возвращаться в прошлое, ей тяжело вспоминать те страшные дни.

Так от нее я узнал, как Женя Шифрина, родная племянница моей бабушки Сары, двоюродная сестра моего отца Давида сумела остаться в живых и добраться до родного дома.

В Мстиславле пока было тихо, но и сюда доносились слухи о зверствах фашистов, в которые никому не хотелось верить.

– Надо бежать отсюда! – ломая руки, кричала Женя.

А во двор уже входили полицейские.

– В окно! – быстро принимает решение Женя, не зря ведь она прошла минское гетто. За ней перескакивает Рахель. Как добрались до ближайшего леса – не помнит. Здесь встретили группу исхудавших красноармейцев, небритых, израненных. Девчата предложили помощь раненым, умело перевязали их.

– Никитины мы, свои, из соседнего города, – назвали сёстры фамилию соседей.

– Свои – это хорошо. Только, девчата, с нами вам будет опасно, не можем мы вас взять с собой.

– А у нас не опасно? Смотри, командир! – бросилась к командиру Рахель, которая позже назвала себя Ниной, – Посмотри, какой пожар над городом! Нам некуда возвращаться.

Так, влившись в воинское подразделение, спасли свою жизнь сёстры Шифрины, Нина и Женя, двоюродные сёстры моего отца. Рахель, пройдя войну, получив тяжёлое ранение на фронте, приедет на лечение в Астрахань, где и останется на долгие годы. Женя, как и мечтала, переехала в Москву. Бенья, самый младший брат, его звали в семье Бенчик, тоже остался в живых.

– Бенья, Бенья, как я рад тебя видеть! – всё восклицал мой отец и сразу же просил прощения, – Извини, никак не привыкну, что ты Ваня.

– Да что ты, Давид! Для тебя я был, есть и буду Бенчик, – отвечает ему наш гость.

Приехал он к нам в Белоруссию впервые через много лет после войны. Ожидая его, наш отец всё не скрывал своего возбуждения, своей радости.

– Брательник едет ко мне из России, Бенья Шифрин, он же Ваня Новиков.

– Батя, так ведь у тебя нет ни братьев, ни сестёр – всех немцы расстреляли, – удивляемся мы.

– А Бенья, мой двоюродный брат, сумел выжить.

– А почему он Ваня? Как его зовут на самом деле? – не отставали мы.

– Приедет – всё расскажет. Только будьте осторожны, тема эта для него крайне деликатная, – просит отец.

... В тот страшный день, когда старшие сёстры через окно выскочили в сад, Ваня замешкался, не успел убежать и его повели вместе с остальными на расстрел. Когда колонна стала медленно поворачиваться к Кагальному колодцу, где была выкопана яма для несчастных жертв, патрульный немец прошёл вперёд, и в ту же минуту что-то вышвырнуло Ваню из колонны, словно неведомая сила дала ему приказ свыше: «Беги!».

В последний момент посмотрел на седого Нахума, на мать. В глазах отца увидел сигнал: «Не медли! Через секунду-две будет поздно!»

Бенчик рывком бросился из колонны, за ним – кто-то ещё, потом ещё.

Вдогонку слышалась стрельба, крики. Проскочив через огороды, побежал дальше. На каком-то сеновале укрылся с головой в сено. Не хватало воздуха, невозможно было дышать, но он терпел изо всех сил – рядом гремели выстрелы, лилась кровь его родных, его друзей.

Ночью, когда все стихло, вылез из своего укрытия. Посмотрел в сторону ямы, ещё раз мысленно попрощался с родными, и, сверкая босыми ногами, побежал в сторону леса.

– Ты кто? – проснулся от грозного окрика бородача в непонятной форме.

– Ваня я, Ваня Новиков. Заблудился в лесу, – начал сочинять рассказ Бенья Шифрин. А что сочинять? Всё так и есть. У него был друг, сосед Ваня Новиков. Рядом жил, вместе учились. Каждый день ходил сюда по ягоды, по грибы. А что заблудился – так и такое было не раз.

– Бери мальчика, а там посмотрим, – решил бородач.

Смышленный паренек пришёлся партизанам ко двору. Уходили всё дальше и дальше, вглубь, в леса России, а потом вновь возвращались в Белоруссию, вступая в бой с небольшими силами врага.

– Ваня, ты в дозоре. Ребята минируют дорогу. Если что – стреляй, не робей, – даёт приказ командир.

Под утро Ваня ненадолго засыпает и видит чудный сон, будто все рядом, за семейным столом отец, мать, сёстры. Пришёл дядя Залман, брат Давид. Все улыбаются, шутят.

– Но этого не может быть, война ведь! – кричит Ваня и кусает себе руку до крови, прерывая свой минутный сон.

По дороге, гремя котелками, идёт немецкая охрана.

«Наши ещё не успели заложить мину, нужно их задержать», – решает мальчик. Стреляет, приклад бьёт ему по лицу, еще выстрел. Ему казалось, что он видит тех, кто вёл его на расстрел, кто убил его родных. Так было всю войну – шестнадцатилетний подросток стал мстителем, бесстрашным и беспощадным...

... Смотрят друг на друга братья и не узнают.

– Давид, какой ты молодец! Ни одной седины в волосах! – обнимает нашего отца Ваня и тут же отводит в сторону глаза, скрывая слезы, заметив сквозь рубашку, исполосованную страшными рубцами и шрамами руку Давида.

– Был несколько раз тяжело ранен, контужен, инвалид войны, получаю пенсию, но работаю, – говорит Давид. – А ты как же, Бенья? – поднимает на него глаза Давид.

– Ваня я, Давид, Ваня. А Бенья знаешь где? Там, где расстреляли в Мстиславской яме мою мать, моего отца. Там остался и Бенья. А Ваня Новиков прошёл через партизанский отряд, в составе действующей армии дошёл

до Праги, получил боевые ордена. Понимаешь, никогда не боялся в боях, не страшился смерти. А вот сейчас боюсь признаться своей семье, кто я на самом деле. Как всё рассказать, объяснить. Боюсь рассказать жене, дочери, что я не белорус, а еврей. Что я не Ваня Новиков, а Бениамин Шифрин. Если я откроюсь – откроется и тайна моих сестёр Шифриных, которые уже несколько десятилетий Никитины. Что мне делать, как жить дальше? – сокрушенно спрашивает моего отца Ваня-Беня.

– Но ты же фронтовик, орденосец. Даже за работу получил орден Знак Почёта. Что тебе скрывать? Ты никого не убил, ничего не украл. Так сложилось, что ты должен был изменить своё имя. Ты не один такой был – многим пришлось скрыть свое прошлое.

– Не знаю, пока не знаю, что и как говорить. Может быть, когда-нибудь сама жизнь всё расставит по местам, – подытожил Ваня-Беня.

На том и расстались.

Однако жизнь все рассудила по-иному.

Мой отец и все мы уехали в Израиль. Отсюда и посылал письмо за письмом в Гусь Хрустальный своему брату наш отец. Писал про Израиль, приглашал в гости, высылал деньги – словом, готовил к новой жизни. Одно письмо адресата не застало – умер Ваня Новиков, урожденный Бениамин Шифрин.

И всё бы на этом закончилось, если бы не письмо моего отца. Кто-то из соседей, видя, что письмо опоздало, отправил его по адресу дочери фронтовика. Ведь все здесь знали друг друга.

И тут начинается новая история.

Письмо из Израиля приходит Светлане, его открывает её сын. Но открывает не просто письмо – он открывает семейную тайну.

– Мама, мы ведь евреи? – говорит он ошеломлённой Светлане. –

– Подожди, сынок, присядь. Это, возможно, какая-то ошибка, – отвечает женщина, не зная, что лучше – оставаться, как и раньше для всех русской, или в одночасье превратиться в еврейку.

Светлана, придя в себя, потом напишет письмо моему отцу в Израиль – но это будет позже. А её сын в тот же вечер заскочил в дом к Николаю Кравцу, двоюродному брату его матери, который живёт в этом же городе.

– Дядя Коля, дядя Коля, мы евреи! – всё повторял он.

– Представляешь картину, – улыбается круглолицый, светлоглазый Николай Кравец. – Врывается мой племянник ко мне в дом и при гостях,

при посторонних, кричит: «Дядя Коля, мы – евреи!». Ничего понять не могу. Когда гости ушли, сели за стол, взяли в руки письмо твоего отца, – говорит мне Николай Кравец, – и стали его внимательно читать.

... В окно эйлатской гостиницы, где мы впервые встретились, врываются пронзительные крики чаек. Они взлетают над морским заливом. Призывно манит жёлтый песок, а мы не можем туда идти. Мы даже не можем всё осознать, переварить, воспринять.

– Ну и что? Получили тогда шок? – спрашиваю Николая.

– Как сказать. Я только стал быстро соображать – если мой дядя Ваня еврей, то еврейки и его сёстры – моя мама и мама Саши. А значит, и все мы – и мои дети, и мои внуки, имеем какое-то отношение к совсем другому народу.

Мой отец Златкин Давид, казалось, всю жизнь смотрел вперёд. Видел всё то, что мы не видели, не замечали. Этот среднего роста человек с огненными глазами, оставшись один, всю жизнь искал родных. Писал письма, звонил во все уголки России.

– Ааа! – отмахивался он, если вдруг мать напоминала о телефонных затратах. – Будьте умнее.

От Вани Новикова отец узнал адрес Жени, живущей под Москвой. В один из дней к ней приехала Сима, родная сестра ее довоенной подруги Хаи Хейфец. Это было почти через 50 лет после войны...

– Всё было под покровом какой-то тайны. Приехали к нам люди, которых я никогда не знал. Я задавал свои вопросы маме, но она так и умерла, не рассказав ничего подробно о себе.

Позже пришло письмо от твоего отца из Израиля. А потом я прилетел сюда, чтобы на месте во всем разобраться. Так я узнал, что моя мама в действительности не русская Женя Никитина, а еврейка Женя Шифрина, – говорит Николай, поднимая на меня свои глаза, в глубине которых я вижу грусть.

В разговор включается Александр. Он в чём-то похож на моего родного брата Сергея – такой продолговатый овал лица.

– Да, они схожи, – соглашается со мной Николай, сравнивая фотографии Сергея и Александра.

Александр достаёт из чемодана белый ватман бумаги, на котором – наше семейное древо.

– Вот смотри: Нахум Шифрин – это мой дедушка. У него было 2 сестры: Стэра и Сара. Стэра вышла замуж за Льва Синичкина, Сара – за

твоего деда Залмана Златкина. Их дети все – Шифрины, Синичкины, Златкины – они двоюродные. Из Златкиных остался один твой отец, из Синичкиных – четверо, из Шифриных – трое. Все они – двоюродные. А мы – троюродные. Мы – троюродные братья! Мы нашли друг друга более чем через 40 лет! Мы обнимаемся – я и двое моих русских братьев – Николай Кравец и Александр Никитин.

– И ты 40 лет совершенно не подозревал, не знал, кто ты?

– Подозревал, но не был уверен. Хотя... сейчас я думаю – откуда у меня такая предприимчивость? Я ведь, как-никак, занимаюсь бизнесом – строю, продаю, – улыбается Николай, инженер-строитель по образованию.

А эйлатский вечер так хорош! Но мы его не замечаем, не можем расстаться, наговориться за всю прошедшую жизнь. Николай, словно впервые, видит фотографию своей мамы, на которой она такая красивая, нарядная.

Александр всё никак не может осознать – у него теперь столько родных!

Я будто вижу радостную улыбку своего отца. Он не только прожил достойнейшую жизнь, но и перед самым её концом совершил подвиг – вернул к родным еврейским корням найденных им племянников, внуков.

Для него ведь никогда не было разницы, кто они – родные, двоюродные, троюродные. Для него они все были – родными!

А еще мне кажется, что я вижу и свою бабушку Сару. И она радостно улыбается! Еще бы! Встретился ее родной внук с внуками ее родного брата. Встретился через десятилетия.

А потом были новые встречи моих братьев, живущих в Израиле с братьями – россиянами.

Мы встретились все впервые, а ощущение, что никогда и не расставались...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава первая

МИХАЛИН – ИЕРУСАЛИМ – БЕРЛИН...

Над нами проплывали бело-пушистые облака. Будто сказочные корабли, они уносились ветром все дальше и дальше в чисто-синем небе. А мы, ватага михалинских подростков, только что совершив набег в колхозный сад, с жадностью уплетали содержимое своих карманов – хрустящие сочные яблоки, груши...

В тяжелые послевоенные 50-ые годы этот сад бывшего еврейского колхоза «Энергия» как еще подкармливал нас! До войны в поселке Михалин, что в нескольких километрах от белорусского города Климовичи, жило немало еврейских семей, большинство трудилось в еврейском колхозе. Женщин, детей и стариков уничтожили зверски 6-го ноября 1941 года. А те, кто вернулись после войны из эвакуации, как-то стремились свести концы с концами...

А нам, послевоенным ребятишкам, хотелось взлететь, оторваться от этой беспросветной нужды.

– Представь себе, что это не облако, а сказочный воздушный корабль. И он... он опускается здесь, – говорит рыжеволосый Женька Ошеров.

– Прямо здесь, в михалинских кустах опустится этот корабль? – сверкает глазами его младший брат Левка-Леонид.

– Да, прямо в кустах. И мы садимся в него и летим... летим, – начитавшись, видимо, Жюль Верна, мечтает Женька.

– И куда полетим? – обращается ко мне.

– Известно куда. НАШ САМОЛЕТ ЛЕТИТ ПО МАРШРУТУ «МИХАЛИН – БЕРЛИН», – продолжаю игру я.

Через наш поселок проходили в детской фантазии поезда «Михалин–Берлин», рейсовые автобусы с тем же маршрутом, ну, и, конечно, проплывали самолеты.

– Внимание, внимание! Говорит Германия. Приземлился самолет «Михалин– Берлин».

– А дальше что? – вступает в игру мой младший брат Яков – ровесник и друг детства Левки, будущий авиационный инженер.

– А дальше, дальше мы становимся в ряд на ступеньки Рейхстага и начинаем спрашивать всех – всех немцев: «Почему вы нам принесли войну, почему вы уничтожили столько много наших родных? Почему я живу без бабушки, без дяди, тети... Почему вы искалечили моего отца? Почему, почему...»

Прошли годы, десятилетия. И вот я... стою на ступеньках Рейхстага. Один из всей нашей ребячьей ватаги – Женька – Евгений – полковник Советской Армии, к сожалению, умер. Его брат Левка – генерал-лейтенант, на Украине. Мой брат Яков – бывший инженер-самолетостроитель, как и я – в Израиле. Да и все мои братья тоже в Израиле. А я на несколько дней прилетел в Берлин. Вокруг – множество людей. Все продвигаются выше и выше, чтобы войти в здание Рейхстага, где теперь находится действующий Германский Бундестаг.

Сколько раз я видел это здание в кадрах кинохроники! Оно представляло перед нами в огне, в дыму, с красными полотнищами Победы на самом верху. Сотни тысяч, миллионы людей мечтали сюда дойти, оставить свои подписи на самом главном здании поверженного Берлина.

В берлинском небе – над Рейхстагом, над Брандербургскими воротами, над всеми старыми и новыми постройками проплывают бело-пушистые облака. Я ловлю себя на мысли, что они очень похожи на те облака, которые проплывали в далеком детстве, когда мы хотели улететь на них из Михалина в Берлин.

Прошли десятилетия, и я – в Берлине.

И сейчас, сейчас... многое бы отдал, чтобы вернуться в свое детство, в Михалин, где мой отец – Давид Златкин – молодой, красивый идет мне навстречу в своем костюме с фронтовыми наградами, а над нами в белом цвету его сад.

Когда израненный, он истекал кровью в снегах Подмосковья, когда горел в танке, когда был в беспамятстве на госпитальных койках, он мечтал

об одном – дожить до Победы и, если удастся, пройти по улицам Берлина как еврейский солдат.

Я прошел вместо тебя, дорогой БАТЯ!

Всего два с половиной года ты не дождался до 65-ти Великой Победы. А как мечтал об этом, когда пять лет назад получил в Израиле свою очередную боевую награду в связи с юбилеем.

– Не было, видимо, ни одной еврейской семьи, где бы кто-то не был расстрелян, сожжен или не воевал с врагом, – думаю про себя, рассматривая с высоты Рейхстага город.

Будто воочию вижу всех своих родных и близких – полковника Давида Синичкина – двоюродного брата моего отца.

Подполковник Роман Рувинский, тесть моего младшего брата, капитан Исаак Капланский, отец моих двоюродных брата и сестры, старшина Николай Чашкин, отец двоюродного брата и сестер, солдат – пехотинец Абрам Хенькин – родной брат моей матери, сапер Залман Златкин – мой родной дедушка, партизан, а потом старший сержант действующей армии Ваня Новиков, он же Беня Шифрин, двоюродный брат моего отца, матрос Александр Синичкин – сколько их, прошедших войну и победивших ее, не дожили до 65-ти Победы?

Не дошел мой дядя Ефим Хенькин, погибший в первые дни войны и имя которого я ношу. Не дошел старший лейтенант Арон Златкин, погибший уже в конце войны – двоюродный брат моего отца. Не дошли пять братьев Шнейдерманов – двое из них были политработниками, комиссарами. Трое – это какое счастье – вернулось в белорусский город Кричев. Один из них, Борис-Лейба стал моим тестем...

Но дошел Вениамин Миндлин – полковник, командир танкового корпуса, климовчанин-еврей. И оставил свою подпись на рейхстахе! Дошли счастливики!

И с этим мгновением счастья потом жили всю жизнь. В своей журналистской практике я встречал таких счастливицков – и в России, и в Белоруссии, и в Израиле. Особые Люди! Под каким-то особым светом Победы они продолжали жить все отпущенное им время.

... Я стоял на ступеньках Рейхстага, ходил по его сегодняшним залам, поднимался на лифте, находился под стеклянным куполом, осматривал панораму сегодняшнего Берлина, восхищался, как и все, старыми историческими зданиями и новостройками столицы, а видел ватагу послево-

енных ребятишек возле колхозного сада. Я прилетел из Михалина в Берлин!

Правда, через десятилетия, правда, уже из другой страны. И где те слова, какие я хотел в далеком детстве сказать немцам, где мои родные, почему, почему, почему?...

Берлинский ветер разносит на площади напротив рейхстага желтые листья – такие же желтые листья, как в Белоруссии и России...

– Битте, битте, – говорят мне и улыбаются молодые ребята, пропуская вперед.

А может быть, дед или прадед одного из них поднимал автомат на мою бабушку с библейским именем Сара...

Глава вторая

ПЛАЧ РУССКОЙ СИРОТЫ В ТРЕПТОВ-ПАРКЕ

Свинцово-серое небо нависало над нами. Пошаливал ветер. Высокие, могучие деревья встречали нас в Трептов – парке. Кругом ни души.

– Обычно нет здесь наплыва немцев, экскурсанты в основном из бывшего Советского Союза, – рассказывал экскурсовод, бывший израильтянин, родные которого жили в Берлине до войны.

Громадная территория парка, который расположен в восточной части города на берегу реки Шпрее.

Берлин еще наполовину лежал в руинах, а парк с великолепным мемориалом был уже сооружен в 1948 году. До боли знакомая фигура советского солдата-освободителя. В одной его руке меч, разрубающий фашистскую свастику, а на второй он держит спасенную им немецкую девочку. И это не советская пропаганда. Не один – несколько таких случаев было зафиксировано за время боев за Берлин.

– Это было самое жестокое, самое кровопролитное сражение за всю историю Великой Отечественной. Здесь погибло 20000 солдат Красной Армии! На территории парка захоронено 5000 советских солдат, а под холмом, на котором стоит главный памятник, – еще 200 воинов, – рассказывал экскурсовод. – Куда ни посмотришь – серые и серые плиты... Громадное кладбище советских солдат вдалеке от Родины... Но кладбище

ухоженное, сохраненное, в отличие от того, что нередко наблюдается в других странах Европы, да и в той же России...

– Мы даже не подозревали, что Советский Союз заплатил такую цену за Победу, за освобождение Берлина, – не скрывает своего изумления один из нашей группы, бывший офицер израильской армии...

Перед нами на небольшой площадке – фигура Скорбящей Матери, а впереди – 13-метровая статуя Советского солдата-освободителя.

Не один раз видел фотографии этого памятника в газетах и журналах. Но одно дело – их просматривать, другое – увидеть все своими глазами.

Я смотрел на этот памятник и видел своих родных – отца, всех родных. Никого их уже нет на земле. Одни из них похоронены в Израиле, другие – в Белоруссии, третьи – в России. Сейчас все они уже там, в стае белых журавлей...

Кругом была тишина, только тихо переговаривались на иврите, по-русски ребята из нашей туристической группы.

Все кругом поражало – и величие мемориального комплекса, и обелиск из светлого гранита, взятого для строительства из стен гитлеровской рейхсканцелярии, и многочисленные цитаты Сталина на мемориале.

Но больше поражало величие простого Человека, который победил зверя.

И вдруг в этой немецкой тишине, где все так привыкли к порядку, к спокойствию, над всем Трептов-парком разнесся плач. И не просто плач, а плач, который мог быть только на Руси. Этот плач брал нас, посторонних людей, за сердца, проникал внутрь. В Центре Европы, в Берлине голосила простая русская женщина, а может, из Белоруссии или Украины, но наша славянская женщина, которых столько горемычных, одиноких осталось без отцов, мужей, братьев. Она как будто сегодня хоронила, а не через 65 лет после войны.

Я подошел поближе. С растрепанными светлыми волосами припала к обелиску немолодая женщина.

– Мой отец погиб в Берлине в 1945 году. Сегодня я уже вдвое старше его. Немного и мне осталось. И как я уйду из жизни, не побывав на могиле отца... Всю жизнь сюда стремилась, собирала деньги. И вот теперь я здесь. Думала, что уже не будет слез, столько выплакала за все время. А здесь сердце вновь разрыдалось, когда вспомнила всю свою сиротскую жизнь, – увидев меня и сразу же распознав своего, хотя я уже 20 лет в Израиле, заговорила женщина.

Что я ей мог сказать?

Я просто вспомнил своего отца, который стал сиротой в 20 лет. Он ходил годами от одной еврейской могилы к другой, точно не зная, где его мать, расстрелянная фашистами, которые пришли отсюда из ненавистной ему Германии.

А в плаче русской сироты мне слышался плач всех-всех сирот...

Глава третья

У ОЗЕРА ПОД БЕРЛИНОМ (ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ)

Широкая автострада уводит все дальше и дальше от Берлина в сторону Потсдама. Мой путь – на живописный остров Ваннзее. Это такое же дачное место в Берлинском пригороде, как искусственный остров Серебряный Бор в Москве. Ваннзее всегда был престижным местом отдыха для берлинцев. Замечательный пляж, шезлонги, солнце, прогулочные катера. Однако этот райский уголок имеет мрачное прошлое и навсегда вошел в историю как место проведения т.н. «конференции в Ваннзее».

Гроссер– Ваннзее 54-56. Вхожу через железную калитку с охранником. За широким сквером в окружении вековых деревьев большая помпезная вилла, возведенная в начале 20-го века. Здесь во время нацизма был размещен засекреченный институт по изучению стран Восточной Европы. Когда начались интенсивные бомбежки Берлина, именно сюда переехал штаб Главного управления имперской безопасности. Именно по коридорам этого особняка ходили в свое время самые зловещие фигуры агонизирующей верхушки гитлеровской Германии.

А еще раньше, 20-го января 1942 года, в этом здании руководитель РСХА Гейндрих собрал 15 высших нацистских чинов для обсуждения окончательного решения еврейской проблемы в Европе. С немецкой педантичностью были составлены планы уничтожения евреев в каждой, отдельно взятой стране.

Замахнулись немало – на 11 миллионов человек. Вы только представьте себе... **ОДИННАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ.** За что?

Евреи мешали, к сожалению, мешают многим и сегодня. Но тогда не было кому защитить несчастных жертв, и, как известно, ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ СГОРЕЛО В ОГНЕ...

Кому не давали жить моя бабушка и ее дети? Кому не давали жить простые колхозники еврейского колхоза «Энергия», кому не давали жить простые евреи по всей Белоруссии? Но уже 6-го ноября 1941 года была расстреляна моя бабушка Сара, а вместе с ней более 20 Златкиных – почти все мои родственники со стороны отца... и все евреи города Климовичи и ряда ближайших городов.

В сентябре 1941 года началось уничтожение Минского гетто. К концу войны из 800.000 человек чудом спаслось только ... 13.

В сентябре 1941 года начался массовый расстрел евреев в Бабьем Яру...

Задолго до конференции в Ваннзее уже полыхали костры. Убийцы безнаказанно уничтожали евреев. Никто не мог остановить убийство мирного населения и ничто. Видя это, руководители рейха замахнулись на весь еврейский народ...

Вот за этим широким столом сидели нацистские преступники. И, обсуждая свои будущие планы, потом прогуливались по этим лесным аллеям, любовались прекрасным видом на реку.

С немецкой педантичностью были составлены планы уничтожения евреев по всему миру. Были составлены списки по каждой стране. И мы знаем, что за дикими зверями так не охотились, как за еврейским стариком или ребенком... Скажете, что все известно, зачем возвращаться к этому?

В Германии, где родился фашизм и от которого сама страна также жестоко пострадала, многое делают для того, чтобы он никогда не повторился. Как предостережение о нем, и открывает двери своим посетителям Ваннзейская вилла.

Пепел 6.000.000 не должен остудить нашу память.

Так я думал, возвращаясь обратно в Берлин – город, который не только уничтожал, но и спасал евреев.

Берлинские улицы многолюдны, везде бурлит жизнь. На минутку вдруг наш экскурсовод остановился. Нагнувшись, протер рукой желтую табличку. Через секунду – две на ней выступило имя и фамилия. А рядом были еще и еще желтые таблички с именами живших здесь до войны евреев. Берлинцы создали необычный музей памяти.

Напротив всех домов, где жили евреи, пламенеют желтые таблички. Как когда-то шестиконечные звезды сверкали на одежде приговоренных,

так теперь сверкают желтые таблички памяти на тротуаре, на жилых домах.

Находясь в Берлине, я как будто был в двух временных измерениях. Восторгался германской столицей. Город стал краше. Современные постройки на месте нейтральной полосы между Восточной и Западной Германией просто изменили город. Необычной красоты и архитектурного полета взлетели новостройки в небо объединенного Берлина.

Но стоило мне на миг закрыть глаза и будто воочию видел марширующие колонны нацистов. Огненные костры, на которых сжигали книги Генриха Гейне и других немецких авторов, евреев по национальности. Именно здесь, на площади, что напротив Берлинского университета, был зажжен костер, пламя которого разлетелось по всему свету. Я сейчас стою на этом месте и будто чувствую пожар его пламени.

... Уходят к белым березкам рельсы... Даже не верится, что это красивейшее место стало страшным свидетелем. К этому железнодорожному полотну эсэсовцы подгоняли стариков, женщин, детей – всех евреев. С немецкой педантичностью было все учтено. И теперь на всем протяжении железнодорожного полотна – таблички, на которых указано количество отправленных на смерть в концентрационные лагеря и когда это было... Таких табличек здесь сотни и сотни.

Руководитель нашей группы, бывший старший офицер израильской армии, зажигает свечи в память о погибших, читает кадиш.

– Ни в одном городе не было столько праведников, сколько здесь, в Берлине, – говорит наш экскурсовод.

Он знает, что говорит. Бабушка нашего гида была сожжена в одном из его лагерей, а он, родившись в Израиле, уехал в Берлин.

Время все изменило. Не изменило только память. Многие немцы скрывали евреев. Помогали им выжить. В то же время находились евреи, которые выслеживали своих собратьев.

Так, одна берлинская еврейка не пропускала ни одной похоронной церемонии. Дело в том, что еврей, состоявший в браке с немкой или еврейка – с немцем, были защищены от отправки в концлагерь. Но как только немец или немка умирали, для несчастной жертвы никакой защиты не было.

Власти не всегда об этом могли узнать – война все же. И тут как тут доносица – еврейка. Десятки людей она отправила на смерть. А сама? Осталась жива, дожила до глубокой старости.

Но ее дочь отреклась от нее, уехала в Израиль, стала медсестрой, помогала людям. Вот такие истории... Эта берлинская еврейка за счет других выторговала себе жизнь. Давайте будем помнить все – и о борцах–евреях, и о гнусных доносчиках...

Теперешний Берлин – новый Берлин. Здесь под защитой государства еврейские памятники, мемориальные комплексы. На юг от Бранденбургских ворот – мемориал жертвам Холокоста. Он напоминает о шести миллионах погибших евреев. В центре Берлина – дом Еврейской общины, новая синагога, рядом с ней – еврейская гимназия. Здесь учатся еврейские и немецкие ребята. Открывает двери для посетителей еврейский музей 2000–летней истории еврейской культуры в Германии.

Немцы всё подсчитали, кроме одного – сколько можно собрать предателей и ненавистников евреев на белорусской земле. Иначе не нужно было готовить столько карательных экспедиций, а достаточно было иметь одного-двух немцев для организации расстрелов. А исполнители – их можно было найти немало среди местного населения.

Все начиналось в Берлине, а продолжилось по всему миру и в ... в Михалине...

«Белоруссия-партизанка» – так любили её называть после войны. Партизаны были, но вся ли Белоруссия встала на борьбу с фашистскими захватчиками?

Были отряды, только после войны данные об их количестве были значительно преувеличены. Большинство населения старалось принориться к новым хозяевам и, уж тем более, мало заботилось о спасении своих еврейских сограждан.

В конце 80-х годов я как-то оказался на встрече участников партизанского отряда № 45, которым командовал генерал Владимир Иванович Марков. Выехали на место дислокации отряда, где-то под деревню Савиничи. Здесь за прошедшие десятки лет практически ничего не изменилось. Те же деревья, те же тропинки, даже осевшие землянки все также разбросаны по всему лесу.

– Владимир Иванович, кто из партизан мне может рассказать о войне с точки зрения рядового бойца? – обратился я к генералу.

– А ты посмотри, кто меньше всех кричит о своих подвигах – тот и настоящий боец-партизан. А те, кто горланят сейчас, мол, «мы воевали, мы фрицев громили!», вот тех загоняли в отряд под дулом винтовки. У них

не было выхода: или стать полицаем и заработать пулю от партизан, или самому уйти в партизаны.

Белоруссия – это не Дания и не Голландия. Там все население, начиная с короля и кончая портовыми рабочими, проявило солидарность со своими еврейскими согражданами. Конечно, и в белорусских селах и городах нашлись праведники, которые рисковали жизнью своих семей, спасая евреев, но их было ничтожно мало.

В последнее время все чаще звучат голоса о связи между Холокостом и созданием государства Израиль. Авторы подобных публикаций утверждают, что евреи получили главную компенсацию за перенесенные страдания во время войны в виде согласия сильных мира сего на создание национального очага для народа, понесшего столь жестокие потери.

Мне страшно поверить в то, что моя семья обрела свою историческую Родину благодаря пролитой крови моих родных и еще тысяч загубленных жертв по всей Белоруссии. Невозможно принять эту новейшую доктрину современных историков, которая протягивает некую связующую нить между принятием в январе 1942 года решения о повсеместном уничтожении евреев по всей Европе и существованием того маленького клочка земли, крошечной точке на карте мира, который дал, наконец, возможность каждому еврею почувствовать себя гражданином СВОЕЙ СТРАНЫ.

Воины – евреи героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны. По количеству Героев Советского Союза евреи на третьем месте в стране – и это при том, что в процентном отношении среди всего населения, в меньшинстве. Но сколько и не получило?

Нашего земляка – михалинца полковника Вениамина Миндлина пять раз представляли к званию Героя Советского Союза. И все – безрезультатно!

Евреи – генералы, старшие командиры, сержанты, рядовые, активно участвуя в войне, помогли миру изменить ход истории и сам взгляд на евреев.

Свое государство мы построили только благодаря героизму еврейского народа, начало которого – в древнем Иерусалиме!

Глава четвертая

ЧЕРЕЗ... 20 ЛЕТ – ИЗ ИЕРУСАЛИМА – В МИХАЛИН!

Жаркое, изнуряющее солнце остается за иллюминатором самолета Тель-Авив – Минск.

Самолет быстро разбегается по бетонной полосе и, резко оторвавшись от нее, сливается с черной полоской неба. Внизу – синева Средиземного моря. Еще один прощальный круг над израильской столицей, и снова сотни тысяч огней, разноцветных гирлянд засверкали внизу.

Удивительное зрелище – ночной Тель-Авив с высоты полета самолета! Не один раз, улетаая из Израиля и возвращаясь обратно, я удивляюсь этому фантастическому зрелищу. Его стремительная, горячая жизнь ощущалась даже здесь, в салоне самолета...

Мысли мои были уже далеко – в Белоруссии. На земле, где я родился, где родились мои четверо братьев, на земле, где остался синеглазый домик наших родителей в вишневом саду, на земле, где я встретил свою любовь, где родились мои сын и дочь...

Словом, «Белоруссия – молодость моя» – это не просто слова из песни, это волнующая, долгожданная встреча с прошлым, почти через двадцать лет.

– Саба, ата митрагешь (Дедушка, ты волнуешься)? – все спрашивал меня мой самый младший внук Бениамин, голубоглазый израильтянин.

Что я мог ему ответить?

– Конечно, да.

Столько связано с белорусской землей!

Мой отец, Давид Златкин, израненный, вернулся в свой родной город после войны. Вместо дома – пожарище. Вместо встречи с матерью и братьями – братская могила, и даже неизвестно – где. И с этой болью он прожил всю жизнь. Что и говорить... Были и обиды, когда обзывали, когда чувствовали себя чужими на земле, где родились. И не только в большой нашей семье из пяти братьев и родителей. Со случаями антисемитизма сталкивались в бывшем Союзе многие.

Но прошли годы, обиды ушли, и... родилась любовь к земле, которая все-таки была и остается родной. Родной стала и израильская земля. Лично у меня на ней родилось трое внуков. На месте песков выросли цветущие

щие города. На ней все мы, вновь прибывшие, нашли свое место в жизни. Кто – лучше, кто – хуже.

Самолет, набрав высоту, взял курс на Белоруссию. Внизу оставались страна за страной. Остались родные, знакомые.

А впереди был Минск, была Белоруссия, которую так хотел увидеть мой отец после приезда в Израиль и не успел. Мои мысли летели, видимо, быстрее самолета. И вот он коснулся бетонной дорожки Минского аэропорта.

Темная, прохладная ночь, редкие огни аэродрома, лужицы под ногами... Июльская белорусская земля, встречи с которой я так долго ждал!

И вот я, усталый, небритый, пролетевший тысячи километров из Тель-Авива в Минск и промчав еще несколько сот километров по трассе Минск-Климовичи, стою перед ним, перед домиком с окнами в сад.

Я смотрю в его окна и, кажется, встречаюсь с глазами своей матери, которая провожала нас, своих пятерых сыновей в дальние края, а потом ждала, ждала и ждала.

Я протягиваю руки к старой вишне, и, кажется, протягиваю руки к своему отцу, который посадил ее много лет назад. С трепетом открываю калитку, попросив разрешение у светловолосой хозяйки – внучки хозяина, купившего у нас дом.

Вхожу почти через 20 лет, надеясь увидеть, найти что-то знакомое, родное и близкое. Конечно, прежде всего, дом – его родные стены, его веранду, дверь, крыльцо... Ничего не изменилось. Даже старый умывальник прислонился к забору. Все так же исправно качает воду колонка, которую мы сделали во дворе незадолго до отъезда в Израиль. Помню, как радовалась ей мать, когда по резиновому шлангу побежала через форточку вода. До этого ей десятки лет приходилось носить ее из колодца.

Разбросала свои ветви старая яблоня, когда-то под маленьким деревцем мои младшие братья Яков, Сергей, Григорий, Лев написали письмо в 2000 год. Нам хотелось узнать, кто его прочтет, какими мы станем через десятилетия?

В своих мечтах мы даже не могли представить, что это письмо нам не дано прочесть. Что через годы всю нашу семью судьба забросит в далекий, жаркий Израиль. В январе 1990 года первым уедет из Тбилиси Григорий, в мае – из Сухуми Сергей, в ноябре – я со своей семьей и родителями, в марте 1991 года – Лев из Рославля, еще через два года – Яков из Перми.

Параллельно с нами в конце 1990 года вылетели из Белоруссии трое двоюродных братьев моей жены Хамышкиных – сыновья белорусского журналиста Матвея Хамышкина. Из Украины – двое двоюродных братьев жены Игорь и Михаил Фрадканы, из Белоруссии – две ее сестры с одинаковыми именами Мара с детьми и родителями своими и родителями мужей, из Москвы – семья Рувинских. Громадное пополнение прибыло из Тбилиси. Мой двоюродный брат Александр Чашкин прилетел из Минска. Родной брат и сестра моей матери – Абрам Хенькин и Раиса Капланская со своими детьми прибыли из Белоруссии.

Не только родные, но и знакомые пополняли нашу маленькую страну – и многие останавливались в нашем доме. Поистине, только на примере нашей семьи видно, какая БОЛЬШАЯ АЛИЯ БЫЛА В 1990 ГОДУ!

С маленькими детьми, с больными и немолодыми родителями со всех сторон бывшего Советского Союза мы летели навстречу неизвестности, навстречу трудностям и таким, о которых даже не подозревали.

Только в Израиль мечтал попасть наш отец всю жизнь. Выбор нами любой другой страны был бы нашим предательством по отношению к нему...

Я вхожу в сад, бывший сад своего отца. Вот здесь, на месте старой груши, которой уже нет, летом 1989 года мы мечтали о будущей репатриации.

И вот сейчас, находясь здесь через 20 лет, я снова слышу наши споры, слышу голоса отца, матери, братьев, как будто вижу их рядом. Я вспоминаю сон, который снился мне десятки лет в Израиле, будто я в родном отцовском доме. «Почему вы здесь? Ведь все давно уже уехали, а вы остались одни», – все говорил я и говорил своим родителям во сне.

И здесь, как наяву, я увидел этот сон. Одного себя, вдали от всех, вдали от Израиля. И бывший некогда домик, выходящий голубыми окнами в сад, меня больше не удерживал. Исчезла невидимая нить. Домик как будто подталкивал меня к выходу, желая мне сказать: «Возвращайся к себе, в свою страну, в свой новый дом, а я буду хранить память обо всех вас». Ему было неудобно за свою хозяйку, которая не разрешила мне войти внутрь по причине ремонта. Я вежливо попрощался, не желая напомнить, что ремонт затянулся на 10 лет. По этой же причине не разрешили войти в дом и моему племяннику, который, желая вспомнить свое детство, примчался сюда из Израиля.

Поселок Михалин до войны был центром большого еврейского колхоза, а после нее приютивший до двух десятков еврейских семей, сейчас

только своими бывшими еврейскими домами напоминал о своей связи с евреями.

На месте дома семьи Любан – пустырь. Дети Симы и Зямы Любан – Ида и Владимир – в Израиле, в Германии – Фима. Рядом дом Малаха Ошерова – три дочери его Ева, Рая и Аня с детьми и внуками в Израиле.

Стал ниже дом бывшего колхозного кузнеца Резникова. Его старший внук Гена, друг детства моих младших братьев, с семьей в Израиле. Второй внук Саша – в Америке.

Леонид Рыжиков, мой одноклассник, золотой медалист, ученый ныне живет в Санкт-Петербурге, но летом его притягивает к себе Михалин.

Пустынная дорога Михалина, по которой уходил на фронт мой отец, по которой бегали босоногими я и мои братья – еврейские и белорусские ребята.

Время все слизало, убрало. Те же дома, та же улица, но все другое. Остался только последний полуеврей поселка Михалин – сын еврея и белорусски Михаил Злобински. Высокий, мускулистый, с руками белоруса и носом с горбинкой, как у отца, офицера-фронтовика, он растерянно тербит свою рубашку, не знает, что сказать при встрече.

В бывшем еврейском поселке Михалин, в Климовичах ныне – новая жизнь, с новыми хозяевами. Бывшие еврейские дома – дома, выходящие окнами в сад, грустны при встрече.

Что-то осталось в них от прежних хозяев. Особенно, когда смотришь в окна. Кажется, это не окна, а глаза, еврейские глаза. Глаза грустные и все понимающие. А почему они грустные? Так ведь расстались они с нами навсегда...

Трава по пояс встречает нас на Климовичском еврейском кладбище. Его тишину нарушает кудахтанье соседских кур, которые, видимо, ощущают себя здесь настоящими хозяйками. Ворота и калитка не закрыты – вход свободный. До войны в Климовичах и крупных селах – Родня и Милославичи, в других населенных пунктах были сотни еврейских семей. Но после войны вернулись в город несколько десятков, создав новые семьи.

В сельской же местности, до самого отъезда в Израиль, я не встречал ни одного еврея, кроме старого седовласого человека. Приезжая из Милославич – последний сельский еврей останавливался у своих городских соплеменников, которые помогали ему, как могли, – кто накормит, кто пустит на ночлег, кто даст поношенную одежду. Я думал: неужели придет время, когда и в нашем городе Климовичи не будет ни одного еврея?

А если и будет, то единицы. Хотелось бы, чтобы вместе с белоголовыми сверстниками мелькали и черноглазые ребятишки.

Увы, в 2009 году я не встретил никого из черноглазой ребятни. Осталось только несколько редких семей, в основном, смешанные браки, очень далекие от еврейства и от Израиля люди. Эхо войны донеслось и до сегодняшних дней. Поэтому и на кладбище было больше еврейских фотографий на надгробьях, чем живых евреев в городе.

ШЕСТОГО НОЯБРЯ 1941 ГОДА в городе Климовичи были уничтожены все евреи за исключением редких счастливчиков. Под корень было уничтожено почти все еврейское население Белоруссии.

– Вы знаете, что такое Тростянец? – спросил я у одного молодого жителя Минска. – Да, это новый район столицы, – ответил мне.

– Да, это прекрасный загородный парк, – сообщил второй.

– А! Это там, где высокие памятники, – дополнил третий.

– Правильно, все так и есть. Только Тростянец прежде всего известен, как самое страшное место в Минске во время войны.

Я иду по бетонным плитам в направлении огромной стелы и, кажется, слышу не свои шаги, а скрип колес, колес, колес...

Нагруженные дровами из соседнего леса, погоняют и погоняют возницы – мужики из окрестных сел и деревень. Немцы посадили многих на телеги с лошадьми, чтобы с немецкой пунктуальностью печи Тростянца были обеспечены дровами. Чтобы печи не стояли, чтобы не нарушался их ритм, чтобы каждую секунду, каждую минуту уходили в черный дым евреи. Этот дым клубился гарью, пеплом все пропахло далеко-далеко вокруг. Эшелон за эшелонам приходил в Тростянец из Западной и Восточной Европы.

Единицы уцелели. И один из них – бывший фотожурналист БЕЛТа Георгий Захарович Бегун. Помню, как нам, семнадцатилетним, приехавшим в Минск со всей Белоруссии, он открывал секреты фотографии в Минском ГПТУ № 32. А через несколько лет я встретился с ним уже в Белорусском университете, где будущим журналистам он преподавал секреты фотожурналистики, рассказывал о чудесах фотоистории. И никто не догадывался о его истории, когда он пятнадцатилетним пареньком попал в Тростянец.

Я долго думал, почему у него такие грустные глаза? Почему печаль его глаза не проходит? Более сорока лет прошло с тех пор. Но я и сегодня помню глаза бывшего узника. В Берлине после войны остались в живых тысячи евреев – их берегли немцы, а в Минске – единицы... О чем говорит вам этот факт?

Очень мало сегодня очевидцев, которые могли бы рассказать о том, что происходило в Тростянце. Теперь самые главные очевидцы – это громадные деревья, которые находятся на месте преступления, да земля, которая помнит все. Но она безмолвна, как тени ушедших в вечный покой.

А город подступает сюда все ближе и ближе, захватывая это маленькое лесное угодье в свои каменные объятия. На памятнике нет ни слова, что жертвы – евреи. Я этому уже не удивляюсь. Вначале убивали живых, потом убивали память о мертвых. Да так, что сейчас трудно все восстановить.

... В считанных метрах бурлит столичная жизнь. Пронесаются легковые машины, автобусы, гуляют прохожие. А здесь – на самом дне глубокого оврага – скромный обелиск с шестиконечной звездой. Семнадцать ступеней ведут вниз оврага. На обелиске на русском и идиш написано: «Светлая память во все времена погибшим тысячам евреям...»

Многие годы «Яма» была знаковым местом для минчан. Там собирались каждый год 9-ое мая тысячи жителей города – евреев. Белорусские власти не всегда это приветствовали. Доставляли грузовики с генераторами и через огромные динамики включали невыносимой громкости музыку, мешая людям погасить свою боль, отдать дань памяти погибшим

Я спускаюсь по ступенькам все ниже и ниже. И стою, прислонившись к холодному памятнику. Но он обжигает, обжигает. Я рожден в 1947 году, через два года после окончания войны, и поэтому не был расстрелян, как моя бабушка Сара и все тринадцать Златкиных...

Но сейчас, через десятилетия, я вдруг почувствовал боль в области сердца.

Кругом стояла тишина. Даже шелест березовых листьев ее не нарушал. А боль не проходила. Здесь, на дне оврага, я будто увидел тот страшный день – 2 марта 1942 года, когда было расстреляно более 5 тысяч человек, включая 200 сирот из сиротского дома. Вспоминаю «Черную Книгу» Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга: «21 октября 1943 года гетто было окружено в последний раз. Людей, всех до единого, погрузили в машины и повезли на смерть. В тех случаях, когда дома никого не находили, дома взрывали гранатами, чтобы находившиеся в укрытиях люди не выжили. До освобождения белорусской столицы от оккупантов дожили единицы, укрывшись в склепе возле старого еврейского кладбища».

Надо мной проплывают белые облака, а я будто вижу карателей, вооруженных до зубов, вижу полицейских с белыми повязками, вижу овчарок, которые бросаются на людей. А в центре – колонны с детьми и стариками.

Их подталкивают все ниже и ниже, бьют прикладами, непослушных подгоняют злобные собаки. И всех-всех вниз, в яму. Не смолкает стрельба. Уже горячими стали автоматы, уже затупились штыки, а кругом пьяное гоготанье. Смерть, черная смерть...

В советское время трагедия минского еврейства замалчивалась властями. Только немногие знали, что Юбилейную площадь, улицы Островского, Димитрова полностью отвели под гетто. И расстрелы здесь начались с 23 сентября 1941 года. С самого начала войны.

... На месте трагедии я сегодня вижу молодые березки. Рядом – аллея Праведников. На ней имена белорусов, которые ценой своей жизни спасали евреев. Во все времена находились Люди.

Помню как студент-журфаковец я кружил по этому району, расспрашивал у старожилов, что же произошло здесь? Слишком много черных обгорелых домов находилось на этом месте, слишком большая яма уходила в пропасть.

– Много ваших тогда побили, – рассказывал мне очевидец, узнав во мне еврея и еще более удивляясь, как после такой бойни мог еще кто-то родиться.

Пятая глава – завершающая

ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ... ИЗ ИЕРУСАЛИМА В МИХАЛИН И ОБРАТНО!

Когда эта книга была подготовлена к печати, мне все больше и больше стала вспоминаться Белоруссия... Нет, это была не ностальгия – прошло почти 25 лет после нашего приезда в Израиль – это было что-то другое...

Захотелось еще раз посмотреть в открытые окна дома, будто в глаза матери, дотронуться до его стен, которые помнят руки отца. Дом, который пережил своих главных хозяев, – наших родителей, нас манил больше, чем любое увлекательное путешествие.

Мы – это я и мой младший внук Бени, иерусалимец первого поколения по рождению.

В 1990 году наша семья совершила алию из Михалина в Иерусалим. Вернее, ехали из самых разных городов бывшего Советского Союза,

только родители – из Михалина. Но коль наши корни отсюда, без преувеличения можно сказать и так...

А вот Бени совершает обратную поездку – из Иерусалима – в Михалин.

...Откуда появился у него такой не совсем обычный интерес для израильского подростка?

Я часто читал отрывки своей будущей книги в семье, обсуждал ее с родными, много рассказывал о прежней жизни.

– Я хочу увидеть, где вы жили и как, это самая моя большая мечта, – признался как-то мне Бени.

... И вот наш поезд мчит среди зеленых равнин и бескрайних полей Белоруссии.

Из Иерусалима мы едем – в Михалин!

...В Белоруссии очень поздно наступают сумерки – почти десять вечера, а светло, как днем.

Поезд, уменьшая скорость, приближается к нашей остановке. Я вглядываюсь в знакомые места... Поворот, еще поворот, и вот уже мимо проплывают станционные постройки. Ничего не изменилось за десятилетия. Сюда с таким же волнением приезжал после войны наш дед Залман, а потом и наш Батя.

Потом мы сотни раз уезжали и возвращались сюда – в армию и после армии, на учебу в институты и после их окончания, на работу в другие города и в отпуск домой, когда были холостяками и когда – с семьями.

Мы всегда с волнением приезжали в Климовичи, который никогда не был захолустным городком, хотя и находился вдали от больших дорог.

Он всегда дышал зеленью, был красивым, гостеприимным. Здесь была особая аура, какая-то духовная, возвышенная культура. Поэтому в этом месте всегда жили интересные люди, было множество способных учеников, которые, становясь студентами столичных вузов, передавали уже местным жителям культуру больших городов.

Мне кажется, что на перроне стоит наш Батя, он всегда здесь ожидал своих сыновей. Я уже вижу дорогу, по которой городской автобус нас доведет до здания райвоенкомата, а потом, повернув налево, преодолев пару небольших подъемов и спусков, мы въезжаем в Михалин.

Но на перроне вокзала Батя не встречает нас – он похоронен в Израиле... Да и никого здесь нет из родных. Но город остался, наш дом здесь остался, а друзья, знакомые, уверен, что ждут.

С радостными объятиями бросаются к нам Наталья и ее муж Николай. Наталья – подруга детства моей дочери. С первого класса они вместе... Мы жили на третьем этаже, Наташа – на четвертом, в одном подъезде. Все свои секреты они раскрывали друг другу. Только один свой секрет Женя не открывала подружке, не могла прямо сказать, что она еврейка, страдая из-за этого в классе.

Только перед отъездом в Израиль, подарив ей детскую шкатулку, сообщила об этом.

– Это не секрет, я давно знаю про это – и мне все равно, – пожала плечами Наташа.

– Ты знала и продолжала дружить?

– Знала и продолжала дружить. Я у тебя, будто сама жила другой жизнью. Музыка, книги, еврейская семья – все это для меня было необычным и новым.

– Женя мне завидовала, что со мной живет брат, а я ей, что у нее такое интересное детство.

А ее муж Николай сверкает белозубой улыбкой. Кирилл – их единственный сын – сразу же подружился с Бени.

– Я сейчас почище любой, как это сказать, еврейской мамы? – говорит Наталья.

– Аидише мамэ, – подсказываю ей я.

– Да-да, – аидише мама. Для нас наш сын – самое большое сокровище! Учится на зубного врача. Мы с сыном очень близки и дружны, этому я научилась у вас, – продолжает дальше Наталья.

Улыбается Бени, это же друзья мамы – значит, он как дома!

Прошли годы, как мы уехали отсюда, но, кажется, ничего не изменилось. Друзья, знакомые, узнав, что мы здесь, хотят встретиться, поговорить.

В городской газете, которой я отдал десятилетия, все по-новому – и коллектив, и современная мебель, и методы работы. На столах – компьютеры, на лицах – улыбки. Творческий коллектив возглавляет Никифор Минченко – сын бывшего редактора Миколы Минченко. В приемной все также нас встречает Валентина Филимонова.

От прежнего коллектива осталась только одна Раиса Лавриненко. Девчушкой она пришла к нам, училась мастерству. Вслед за мной и Эдуардом Вержбицким поступила и закончила факультет журналистики Белорусского университета. Мой сокурсник Эдуард, бывший собкор республикан-

ской газеты, сегодня живет в Могилеве, а я – в Израиле. Иван Знаткевич тоже начинал в нашей газете. Потом комсомольская, партийная работа, ответственная должность в аппарате Президента Белоруссии. Сейчас на отдыхе. Про многих можно многое рассказать. И это будет заслуженно!

Сколько чего видели здесь старые редакционные стены! Не побоюсь, если скажу, что Иван Иванович Журко, который редакторствовал до М. Минченко, создал здесь настоящую школу журналистики. Многие бывшие сотрудники газеты становились известными журналистами и редакторами в республике. Приятно, что в юбилейном выпуске газеты, посвященном ее 95-тию, вместе с моими бывшими коллегами, было названо и мое имя, хотя я давно живу не здесь...

Друзья-коллеги удивили меня сюрпризом. Иначе и не назовешь! Уезжая в Израиль, я не взял свою трудовую книжку – просто было не до нее. Но они все годы сохраняли ее и вручили мне, как памятный подарок. Осенью 1966 года я был зачислен в штат газеты на должность фотокорреспондента. Журналистской работе отдал 24 года! Фотокорреспондент, литературный сотрудник, заведующий отделом, заместитель редактора, член Союза журналистов СССР – вот вехи моего пути. Все это сразу же вспомнилось мне...

Сегодня молодые продолжают наши традиции. И честно, скажу: газета интересная, красочно оформлена. Ее продолжение – на сайте. Любой бывший климовчанин, зайдя на него, в курсе всех последних новостей города.

Заместитель редактора Игорь Ковалев, ответственный секретарь газеты Галина Цыганкова, редактор радиовещания Галина Левит, корреспонденты Дарья Эверс, Людмила Цыганкова – работают творчески, являясь здесь главными летописцами.

Здание редакции утопает в море зелени и цветов. Напротив нее – городской парк, которому около 150 лет. Сколько поколений помнят здесь свою молодость!

На смену одним приходят другие, а громадные липы, клены все также приглашают сегодняшних горожан пройтись по тенистым аллеям.

Радость встреч со знакомыми и друзьями была нескончаемой.

Бени было приятно услышать, как говорили про его маму Женю – отличницу с первого класса и до выпускного, золотую медалистку и ее любимая учительница Галина Владимировна Кузнецова, и бывшие одноклассники.

Теплые слова были про бабушку Аню – бывшую заведующую учебной частью технического училища.

Все также открыта окнами к солнцу четвертая школа, где долгие годы работала учительницей наша мама Ирина Хенькина. На сайте школы есть ее имя, а в городе живут ее многие ученики, которые стали бабушками и дедушками. На прежнем месте находится и предприятие, где работал наш Батя!

– Прошло 25 лет и вас помнят! – не понимал мой внук.

В квартире, в которой мы раньше жили, нас радостно встречали Валентина Квартюк с мужем Владимиром. С ней я раньше работал в редакции.

Иосиф и Валентина Цыбуленко – мои старые лучшие друзья, бывшие учителя, они сегодня, как и многие на пенсии. Анатолий Моисенко бывший ответственный работник райисполкома, с которым мы подготовили много материалов для газеты, радостно встречал меня возле подъезда своего дома. Илья Левченко, мой бывший сосед по дому, три дня нас бесплатно возил по родным улицам.

Бывшие соседи, узнавая меня, вступали в разговоры, интересовались жизнью в Израиле. И никто-никто не сказал плохого слова в адрес нашей страны, которая какой уже день находилась под ракетными обстрелами из Газы.

А я думал, как изменилось время и люди! Я ведь хорошо помню, как во время прежних противостояний, газеты яростно бичевали «израильских оккупантов», а мой отец и другие климовичские евреи выслушивали не один упрек в свой адрес.

– Мы и до вас доберемся, отомстим за наших арабских братьев, – возмущались на улицах, в магазинах. Возмущались единицы, а молчали все.

Теперь же дружеские улыбки, а если и заходили разговоры про новую войну на Ближнем Востоке, то все-все одобряли действия Израиля.

– Сами не живут, другим не дают. Надо им так хорошо дать, чтобы запомнили навеки, – говорили мне при встрече в Климовичах.

А в санатории под Минском, где я находился с группой израильтян, все вечера крутили еврейские песни на идиш и на иврите. Местные отдыхающие нас приглашали в круг, мол, это же ваши песни, не стойте в сторонке... И чтобы уже полностью завершить отношение в Белоруссии к Израилю и к израильтянам, напомним один факт. Когда в результате обстрела одна из ракет упала недалеко от нашего аэропорта, все европейские страны и хваленая Америка, испугавшись, отменили свои рейсы к нам.

– Нам скоро улетать домой, все рейсы отменены, – волнуется мой внук.

Но его опасения оказались напрасными. Белоруссия – одна из немногих стран не отменила рейсы в Израиль, тем самым помогла отменить воздушную блокаду. Вот уже поистине, друзья познаются в беде!

Мы ощущали себя не просто, как дома, а лучше чем дома! Многие хотели встретиться, побеседовать.

Много лет назад Микола Минченко мне признался, что хотел бы увидеть настоящего израильянина. Именно он, находясь на посту редактора газеты, принял решение опубликовать во многих номерах газеты списки евреев – жителей города, которые погибли или были убиты во время войны. Эти списки подготовил наш отец. За ними стояла долгая, многолетняя работа. Но и обнародовать их было не просто!

Даже тогда, в 90-ые годы, не каждый из редакторов газеты пошел бы на это. Тогда я и сказал ему перед отъездом, что когда-нибудь ты увидишь одного из наследников Катастрофы в знак благодарности. Только уже рожденных не здесь, а в новой стране, на новой земле.

И когда мой Бени – высокий, широкий в плечах, улыбаясь голубыми глазами, вошел вместе со мной в его квартиру, Микола Минченко был несказанно рад...

Все было за короткие три дня – и уха, и шашлыки, которыми нас угощали Наталья и Николай Степура, и русская баня, и березовый веник, и березовый квас.

Михаил Шур – один из немногих последних евреев, который остался в Климовичах и достойно представляет здесь всех нас. Многие годы был заведующим отделом народного образования, а теперь директор первой школы города. Мы все пятеро братьев Златкиных окончили именно эту школу, а самый младший из нас Лев вернулся сюда директором, работал в ней до отъезда в Израиль какое-то время.

Сегодня Михаил Шур – признанный руководитель коллектива, отмечен многими наградами.

Один его сын в Израиле, второй – в Климовичах. Что-то символичное есть в том, что Михаил остался в родном городке. Его мать Эдка убежала из-под расстрела, одна из немногих осталась в живых из евреев этого города. Вернулась домой, родила двойняшек – его и сестру Аню, которая сегодня тоже в Израиле.

Михаил Шур подходит вместе со мной к новой ограде на еврейском кладбище – казалось бы, новая могилка. А ей уже десятилетия. Здесь похоронен дед Михаила Шура, рядом – мать.

– Куда ни помотри – знакомые имена, сколько лет жили вместе в одном городе. Кто-то должен сюда приходить, – читаю в его глазах.

Пользуясь случаем, подвожу Михаила к могиле нашего деда Залмана, прошу его привести ее в порядок.

– Все будет сделано, – обещает мне Михаил.

Кладбище ухожено. Живущие сегодня в Израиле, в Германии просят знакомых ухаживать за памятниками, высылают деньги.

После войны никого из евреев уже не осталось в крупных еврейских местечках – Родня, Милославичи, Хатовиж. А сегодня – их в городе единицы – всего 18 человек вместе с членами еврейских семей. И тысячи друзей...

Есть хорошее отношение к живущим здесь евреям сегодня и... добрая память о тех, кто когда-то здесь жил.

– Кто это подъехал к дому Златкиных? – вышла на крылечко Михалинского магазина его заведующая, увидев нашу машину.

Мы все удивились – прошли около 25 лет, а в округе называют бывший наш дом – домом Златкиных!

– Да, так все и говорят – и про ваш дом, и про другие еврейские дома. Ваши бывшие дома продолжают жить с нами, – улыбается завмаг, как потом выяснилось одноклассница одного из моих братьев.

Я оглядываюсь вокруг... Нет уже бывшего еврейского Михалина – даже самого Михалина фактически нет – вместо него – улица Советская. Еще до отъезда в Израиль на наш дом прикрепили табличку «Улица Советская».

– Это отсюда Батя уходил на фронт? – спрашивает мой внук, – А где же березы, большак?

– Березы давно вырубил, а на месте большака – новые дома.

– А сад, где колхозный сад, про который ты писал?

– Тоже вырубил.

– А кусты, из которых вы таскали хворост, луг, где косили траву?

– Нет, ничего, нет.

– Так это уже не тот Михалин, который я мечтал увидеть.

– Да не тот, не тот, – соглашаюсь я.

И в это время вдруг засигналил пелефон.

– Заработал интернет, – как такое может быть? – удивился Бени.

В Минске мы приобрели карточку для пользования интернетом, но чаще всего нигде не могли его «поймать».

– А ты говоришь – не тот Михалин, – восклицаю я. – Да он изменился внешне, но незримая связь между им и Иерусалимом, которая была всегда, осталась и сейчас. Вот и тебе подтверждение, что заработал интернет.

Понимаю, что слова мои не совсем соответствуют истине. Но если живущие здесь евреи веками молились, чтобы увидеть Иерусалим, и их наследники его увидели, а потом вернулись сюда, на эту землю, может, действительно что-то есть...

Есть же над нами какая-то Высшая Сила, иначе бы зло никогда не было наказано, а добро бы не восторжествовало. Иначе, иначе, – все хочу сформулировать свою мысль...

Но за оградой нашего бывшего дома видим добродушное лицо хозяйки, которая выходит навстречу.

И здесь снова происходит второе необъяснимое с нами чудо. Огромная собака, которая стояла возле хозяйки, перестав рычать, направилась к нам, дружески виляя хвостом.

Мы ничего не успели сообразить, как она облизала наши руки. Хозяйка, раскрыв глаза, смотрела на эту сцену.

– Расскажу соседям – не поверят. Она признала вас за хозяев, – милости прошу в дом.

Тот же коридор, тот же зал, та же спальня – ничего не изменилось. Также пышет теплом печь.

– Как вы все здесь помещались? – удивляется Бени.

– Помещались, – развожу я руками, – уроки делали по очереди, в две смены за одним столом.

– И отсюда уезжали в города и поступали один за одним в институты? – все допытывается он.

– Уезжали, поступали и не только мы. В пяти метрах были другие еврейские дома, где росли будущие генералы, полковники, ученые. Точно также и в городе Климовичи, где было больше еврейских семей.

Мне хочется рассказать про многое, но... горький комок подступает к горлу, и я выхожу в сад... Будто встретился еще раз с мамой, с отцом – ее увидел на любимой кухоньке, а Батю – на диване с еврейскими газетами и журналами, возле приемника, передающего новости из Израиля. А теперь мы сами – из Израиля...

Яблоня протягивает мне в саду свои ветви. Антоновка, узнаю знакомый терпкий вкус. Как будто и не было десятилетий – такая маленькая тогда, она всегда нас подкармливала в летние дни.

А сейчас вымахала выше дома, будто узнала меня, окружает своими ветвями, наклоняет к лицу мои любимые яблоки.

– Ефим, Ефим, – выводит меня будто из забытья Бени, понимающе покачивая головой.

Мы едем молча к братской могиле. Здесь 6 ноября 1941 года уничтожили семью моего отца и многих других евреев города.

Громадные деревья склоняют свои ветви, словно головы, вместе с нами.

А мой Бени читает молитву «Йтгадал вейткадеш шеме раба, Йитгадал, вейткадеш шеме раба» – Да возвысится и освятится Его великое Имя».

Гортанные слова на чужом в этих местах языке взлетают над нами. Кадиш читаем тихо, склонившись над памятником, а кажется, его слышат все – и живые, и мертвые. Перестали шелестеть деревья своими ветвями, замолкли на миг в вершине синего неба птицы.

Молитва из Иерусалима разносится в тишине над Михалином, над шапкой высоких деревьев, которые стерегут покой наших родных, над окружающими домами.

А я думаю, если бы могли погребенные жертвы услышать молитву на древнееврейском языке, который из мертвого стал живым, если бы могли увидеть нас, приехавших из еврейского государства, о котором они так мечтали, они бы и плакали, и смеялись вместе с нами, как всегда поступают евреи, когда им очень больно...

Со своей фотографии на могильном обелиске нам радостно улыбается глава нашего рода – дед Залман.

Он, видимо, уже знал о нашем приезде – поэтому узенькая тропинка сразу привела нас к его памятнику...

А в последний день перед отлетом в Израиль мы с нашими белорусскими родственниками Виталием и Юлей, поднялись на верхний этаж минской национальной библиотеки.

Отсюда, как на ладони – белорусская столица. Яркими огнями освещены автомобильные дороги, которые ведут в обе стороны.

– О чем ты думаешь? – наклоняется ко мне внук.

– Я будто вижу две дороги – одну в Израиль – такую долгую и тяжелую, а вторую – из Израиля в Белоруссию и обратно.

– Я тоже об этом подумал. Михалин перевернул во мне весь мир. Теперь я знаю, почему Батя зажигал всегда 13 свечей – по количеству уничтоженных его родных. А больше всего мне запомнился в этой поездке дом Бати и Иры, там ведь все начиналось, – говорит мне мой 17-летний внук, так быстро повзрослевший за эти дни.

А я надеюсь на то, что, когда придет время, он вернется сюда уже со своими детьми, чтобы им про все рассказать, а они – своим детям и внукам.

... Когда мы приземлились в залитом солнцем Израиле, зеленая Белоруссия осталась за густыми туманами. За густыми туманами и шелковыми облаками осталась наша прежняя жизнь. А еще там остались наши верные друзья, которые берегут память о нас...

...Совершив поездку в обратном направлении – из Иерусалима в Михалин, мы словно замкнули круг, соединили настоящее с прошлым.

Как деревья не могут быть без своих корней и кроны, так и мы, живущие сегодня и завтра, без связи настоящего с прошлым!

Прошлое для каждого из нас – это свой Михалин, независимо какой это был город – столичный, или небольшой городок.

А настоящее – это наш Иерусалим – один на всех!

Путь домой, на землю Обетованную, был очень долгим и тяжелым.

За последние 25 лет этот путь прошло более миллиона человек. После египетской Алии – это вторая по своей значимости Алия!

Об этом мой рассказ, построенный на конкретных фактах, на примере одной еврейской семьи.

Поэтому, в праве ли мы забыть советский Исход?

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

БЕЛЫЙ АНГЕЛ, ИЛИ Я КУПЛЕТ ДОПИШУ...

Памяти Льва Златкина

Наш младший брат Лев никогда раньше не писал стихи. Выпускник физмата, он по натуре был, как говорят, физик, а не лирик...

Но, когда умер наш отец, Давид Златкин, у Льва стали рождаться такие строки, что их глубине, жизненной мудрости можно было только удивляться. Стихи брата шли от сердца, от боли и безысходности, от чувства тяжелой потери.

В 16 лет, окончив школу, он стал студентом физмата педагогического института. Был, видимо, самым юным студентом вуза. Окончив институт, не выбирал место работы, стал учителем математики в сельской школе, куда его направили. Хотя мог остаться в областном центре, в родном городе – математики всегда нужны, но он не искал легкой жизни, ни к кому не обращался за помощью, а улыбался и радовался жизни, первому учебному году.

На одной из учительских конференций, по истечению 3-х лет работы на селе, выступил с предложенным докладом. На второй день его, ранее неизвестного сельского учителя, выросшего в простой еврейской семье, направили директором крупной городской школы – той самой, в которой он когда-то учился сам.

Весь коллектив школы принял его как родного, и, хотя теперь его бывшие учителя оказались у него в подчинении, никто этому не противился – молодой директор вызывал всеобщую любовь и уважение.

Это было радостное время для молодого руководителя, для преподавателей, для учеников. Я помню, как в эту школу стали приглашать на вече-

ра чествования учителей-пенсионеров, которые давно уже были забыты. Помню, как на различные торжественные вечера приглашали фронтовиков, которых раньше никто не знал. Прежние «свадебные генералы» это восприняли очень болезненно.

– Победу ковал весь народ, и мы должны чествовать всех, – говорил новый руководитель.

Много было творческих замыслов по улучшению учебного процесса, связи с родителями и бывшими учениками. И вдруг... Повестка в армию. До Льва четверо братьев уже отслужили, а самый младший, работая в селе, имел освобождение от службы. Но как только он перешел работать в город, сразу потерял былую льготу.

Для того, чтобы не идти в армию, он мог бы снова вернуться в сельскую школу, или обивать пороги кабинетов высоких чиновников города. Однако – сын фронтовика, он посчитал это слишком унижительным для себя.

В армию, так в армию! В учебном подразделении наш брат был самым старшим из всех курсантов по возрасту, но самым маленьким по росту. Но вскоре на всех строевых смотрах он стоял впереди всех, как заместитель командира взвода, как старший сержант. Это был уже четвертый старший сержант в семье после отца.

Лев не только успешно окончил учебное подразделение, но и был оставлен здесь, чтобы в родной «учебке» обучать будущих командиров. А он в одном лице – и учитель, и класный армейский специалист.

Когда белым снегом запорошило гарнизон, я в один из январских дней приехал к нему вместе с матерью. Уверенным шагом он вышел нам навстречу. О трудностях, которые пришлось пережить, не вспоминал. Больше говорили о будущем. Как исключение, нас поселили в гостинице воинской части. Это было впервые. Командир части пришел к нам специально, чтобы с нами познакомиться.

– У Льва большое будущее, пусть только останется в армии, – все уговаривал он его при нас.

Брат все улыбался, ведь он мечтал вернуться домой, в родную школу... До армии он не успел познакомиться ни с одной девушкой – не до этого было. Учеба, работа, а теперь и служба. Только мать все высматривала его в окне, в ожидании самого последнего солдата в семье, да маленькая племянница Женя.

Родная школа на-ура встретила директора, но его место уже было занято другим. Лев не захотел бороться за свое место – таким уж он был

человеком. Возможно, он ощущал глубокую боль в сердце, ведь сколько планов строил, сколько мечтал о своей работе, все думал, как ее изменить к лучшему. Не унижая себя разборками с чиновниками за потерянное директорское кресло, он стал рядовым учителем математики. Чуть он позже он получил назначение на должность инспектора райотдела народного образования.

Я помню, с каким воодушевлением он посещал школы города и района. Это был действительно творческий период его жизни. Он учил методике преподавания математики намного более старших его по возрасту преподавателей, всегда доходчиво разбирал их уроки, перенимая у них, в свою очередь, практический жизненный опыт.

А вскоре Лев переехал в соседний город Рославль, что на Смоленщине, где снова возглавил среднюю школу. В этом городе он встретил свою любовь – девушку Аллу. Здесь у них родились дети – Эли и Яна.

С работой было все прекрасно, в жизни все складывалось у молодой семьи успешно, но его уже ждал Израиль. Там уже жили родители и четверо братьев. В феврале 1991 года Лев и Алла с маленькими детьми-дошкольниками прилетели в Израиль.

Начинал, как многие вчерашние интеллигенты, оказавшиеся в новой действительности без знания языка, без связей и поддержки. Вчерашний директор школы переквалифицировался в уборщика торгового центра – но ничего зазорного для себя в этом не видел. Но никогда не расставался с книгой по изучению иврита.

– Что ты мне за работника привел, – набросился на меня смуглолицый Эли, типичный представитель восточных общин, ответственный за уборку в каньоне. – Зашел в туалет, а твой брат с книжкой в руках вместо половой тряпки!

На второй день мой брат был уволен, а через день... ему пришло приглашение на работу в одну из городских школ Реховота – небольшого города в центре Израиля.

– Такого карьерного взлета у меня еще не было – из уборщика в учителе математики, – шутил Лев.

И в Израиле, так же, как когда-то в прошлой жизни, он стал не просто учителем – любимым наставником.

Когда с ним случилось несчастье, FACEBOOK был просто взорван воспоминаниями о нем его многочисленных благодарных учеников. Даже не верилось, что молодые люди, в большинстве своем коренные израильтя-

не, могут так трогательно, так от души рассказывать о человеке, который был их учителем. Для них он был УЧИТЕЛЕМ, мудрым и заботливым.

Таким он и останется в памяти тех, кто его знал и любил.

Прошел год после смерти нашего брата. И как в день прощания с ним, так и на этот раз снова весь его бывший класс пришел почтить память своего любимого учителя. Что-то несправедливо в этом мире, когда раньше времени уходят из него такие необычные люди. Девушки-старшеклассницы обняв друг друга, не могли удержаться своих слез. По существу, чужие ему люди плакали, страдали, как родные. Не одна, не две, а все.

Я такого никогда раньше нигде не видел. А потом они все рассказывали и рассказывали про Льва, у которого было удивительное сердце, но такая короткая жизнь.

Прошло еще почти два года. Боль потери не ушла, она просто... затаилась для нас, всех родных. Но и для его бывших учеников эта боль тоже не ушла.

Они не забывают своего любимого учителя, проводят математические олимпиады в его честь. На одной из последних угощали всех пирожными в виде сердца, которые приготовили своими руками. Этим самым они хотели сказать, какое было сердце у Льва – доброе, открытое, светлое.

Выпустили газету с названием «לב שלנו ככה» --сердца наши угасли и две фотографии – Льва и общий фотоснимок группы вместе с ним.

Ведь никто их не просил, не напоминал, а ученики почти через четыре (!) года делают такой необычный подарок человеку, который покинул землю. А для них он есть и продолжает быть рядом.

Видимо, наш брат был для своей школьной детворы не просто учителем, а душевным человеком, близким и своим.

В жизни часто бывает, что после ухода человека, занимающего высокие посты, властного и широко известного, постепенно уходит память о нем. Даже у родных, а не то, что у других. Здесь не ушла, не растворилась в небытии.

Я долго не мог смириться со смертью брата и сейчас не могу в это поверить. Но тогда, в те черные дни, я искал ответа, почему так произошло, по-че-му? Всем рассказывал про брата, какой он необыкновенный и так рано ушел из жизни.

– Лев был ангелом. Белым ангелом. Всевышний отправляет их на землю, чтобы они показывали нам, как надо жить, хотя не все это понимают.

Ангелы больше любят, чем любят их. Вот в этой несовместимости и вся трагедия жизни, – говорил мне ашдодский раввин.

Лев оставил после себя на земле двух прекрасных детей Элли и Яну. Оба – капитаны израильской армии, оба закончили университеты. Оставил после себя учеников, друзей... и два маленьких сборника своих стихов...

Мы предлагаем вам познакомиться с ними. Возможно, Лев хотел нам что-то сказать, передать какой-то тайный посыл для нас, оставшихся на земле...

Читаю эти необычные стихи. И вижу не брата, а белого ангела со светлой улыбкой...

ЛЕВ ЗЛАТКИН

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ЖИЗНЬ

Год сорок пятый, сорок седьмой.
Осколки войны вернулись домой.
Случай, судьба ли, что там гадать –
Встретились наши отец и мать.

Трудные первые десять лет,
Но появляются дети на свет.
Случай с судьбой продолжают играть,
Пять сыновей родила наша мать!

Время идёт, веселее судьбе.
Есть телевизор в новой избе.
Дети растут, одеты, обуты.
Батя на карте искал институты.

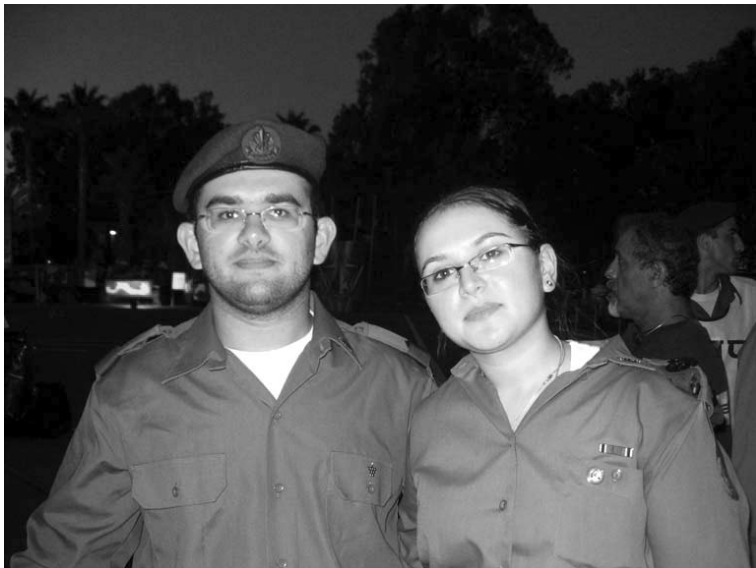
Годы счастливые, восьмидесятые!
Все послужили державе солдатами.
Батя решил судьбе помогать,
Стал по союзу невест он искать.

Год девяностый нам дал по машканте.
Место судьба сменила на карте...
Море шумит. Идёт новый век.
Жизнь продолжает стремительный бег.

ПАМЯТЬ

Помните все. Жил с нами Батя.
Год, как уснул он в больничной палате.
Пухом пусть будет земля под камнями!
Память о бате всегда будет с нами.

ВНУКИ-ОФИЦЕРЫ

Я знаю, был бы ты рад
Видеть этот военный парад.
Было им трудно, было несладко
Но есть офицеры с фамилией Златкин!

РАЗГОВОР ВО СНЕ

- Я тебя слышу: «Здравствуй, Батя!
Мама здорова. Здоровы и братья.
В армии дети. У них всё нормально. –
– Пенсия та же. Что? Коммунальные?
– Нет. Не мешаешь. Почему извини?
– Был рад тебя слышать. Захочешь – звони.

ПОДАРОК ПОЭТУ

Раннее утро, божье творенье.
Свежесть, прохлада. Подарок поэта:
В лёгком тумане – стихотворенье
Ветер, ласкаясь, принёс от рассвета.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Весенний день не радовал солдата,
Убили всех: сестру и мать, и брата.
Я покоя душе его доброй хочу.
Светлой памяти Бате поставьте свечу!

ПСАЛОМ ДАВИДА

Авраам родил Ицхака,
Ицхак родил Яакова, Яаков родил...
Тысячи лет народ
Цепь поколений ведет.

Муля родил Залмана,
Залман родил Давида, Давид родил...
Радуйтесь, нам дано
В этой цепи звено.

ХАНУКА 2007

Горят свечи Хануки мимо.
Гаснет медленно вера с ними.
...И надежда, веры наследник,
Погибла, как в песне, последней.
Но остались с нами, конечно,
Любовь и память – навечно!

БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ

Инвалидов войны отряд
Получил последний приказ.
Пополнить журавлиный ряд
Поручено в этот раз.

РАССКАЗ

Слушайте все про Батю рассказ:
В деревне Красавичи – ногою – раз!
Смело шагал в темноту:
Стоят сержанты на посту!

Не главное тряпки и еда –
Будущее – большие города!
Жил весело, смеясь, не ноя.
Солдаты умирают стоя!

Смена идет, строится страна.
Давняя мечта осуществлена!

К кровавому снегу примерзал,
Но «санитары» не кричал!
Смерть побеждал не раз!
Закончен про Батю рассказ...

Смотрите все, это Батя.
Последний солдат лежит в кровати.
День и ночь пятерка ребят
Тяжелый сон его хранят...

МОЛИТВА

27.11.2007

Батя, проснись, надо вставать.
Улыбнись нам, глаза открой.
Вторую неделю плачет мать
Вставай, возвращайся домой.

ПАЛАТА 12

5.12.2007

Стараются ангелы в белом
Спасти полумертвое тело.
Но ангелы в черном рядом
Не тело, душу им надо.

ВДОВА

Комната в доме, шкафчик, кровать.
Думая что-то, сидит на ней мать.
Грустно, тоскливо ей в тишине.
Висит одиноко пиджак на стене...

ВНУЧКИНА СЛЕЗА

27.12.2007

Служили, служили два солдата,
Один под Москвою, другая – под Цфатом.
Старый солдат отгулял, отслужил...
Молодой офицер слезу уронил...

30 ДНЕЙ

Неделю свеча горела,
Месяц росла борода.
С молитвой душа улетела,
Покинув землю навсегда.

הזכרה

10.01.2008

Месяц назад расстались мы с телом.
Умер отец, завершив свое дело.
Сегодня душа обрела мир небесный.
Батя, прощай! Все будет чудесно!
(*Любимое слово отца*).

НАПУТСТВИЕ С НЕБЕС

10.01.2008

Пришла пора вас оставить, дети.
Не вечно люди живут на свете.
Живите дружно, мать берегите,
И самое главное, жизнь цените!

ПОСВЯЩЕНИЕ ОТЦУ

Он просто устал и прилег отдохнуть,
Смертельно устал от взятых вершин.
Не просто солдат – эпоха лежит.
Эпоха без действий и сил.

БЕЗЫМЯННЫЙ СОЛДАТ

11.12.2007 утро

Тебя звали по имени редко.
Разве в больнице, спасая от мук.
Батя – был прозван ты метко.
Давид – будет назван правнук

МЕЧТА

Давно, в нелегкие годы, о будущем ты мечтал,
От летчика до академика нам титулы раздавал.
Ты говорил – нам трудно, но мы не плачем.
Еще десять лет, все будет иначе.
Прошли эти годы, все стало иначе.
Мечты исполняются, как был бы ты рад!
Нам трудно сегодня, но мы не плачем...
Вернуть бы десять лет назад...

КРАПИВА

Опять это лето,
Время идет.
В саду у солдата
Крапива растет.

СНЫ

Дело явно идет к весне.
Встречаем друзей в интернете.
Батю встречаем только во сне,
Но помнят всегда его дети...

А вот стихи совсем иного плана, они написаны еще до смерти отца, во время отдыха семьи брата в Друскининкай. Эти стихи, будто выхватывают по кусочку из жизни, саму жизнь, фотографируя ее. Лев видит больше других, замечает то, на что другие просто не обращают внимания. Он будто нам говорит, живите каждым мгновением...

Сижу на балконе, на дождик смотрю.
С утра он работает – вымыл зарю,
Смородину, яблоню, грушу,
Сейчас он ласкает мне душу.

Как женщина, погода здесь прекрасна.
Свежа, чиста, то пасмурна, то ясна.
Непредсказуемы их деяния, капризы
Загадка, как улыбка Мона-Лизы

ГРИША (БРАТ)

Рюкзак на спине, спортивный костюм,
В глазах, в глубине, прозорливый ум.
Идет, бредет себе по траве
С картами таро в голове.

ЭЛИ (СЫН)

Что за чушь – ваша страна!
Грядки да куры из окна.
Нет интернета, скрипит кровать
Больше не буду я с вами летать!

БАТЯ

Здесь давно ходили ноги Бати,
Здесь он ел, гулял и хохотал.
А сейчас, прикованный к кровати,
О годах прошедших вспоминал.

Последний стих не хочет сочиняться,
Последний день не хочет завершаться.
Последний дождь смывает паутину
Летим домой. Мы возвращаемся в рутину.

Последнюю песню нам дождик поет
А вот и песни куплет.
Если нам немножко повезет,
Мы вернемся через двадцать лет!

Сегодня наш Лев возвращается к нам в своих стихах...

Его стихи – послание к нам, оставшимся на земле. Как он мог видеть то, что не дано другим? Может, не зря его назвали белым ангелом?

Дед Залман – родоначальник нашей семьи, прошел две германские войны. Вначале бандиты убили его родителей, а во время войны – всю семью, кроме старшего сына.

На снимке еврейское кладбище в Климовичах. В центре – памятник деду Залману.

Бабушка Соня заменила нам и вторую бабушку – мать отца Сару, которую расстреляли фашисты. Потеряв на войне родных, она трудно жила на свою пенсию за погибшего сына. Фото Давида Златкина.

**Сыновья – все богатство нашей мамы.
На руках – самый маленький Лев.
Рядом сидят Гриша и Сергей. Я – в костюме,
кирзовых сапогах и фуражке. Сзади – Яков.
Лето 1957 года. Красавичи.
*Фото Давида Златкина.***

Михалин. Лето 1967 года.

**Они не вернулись с войны –
родной брат нашей мамы
Ефим (Хаим) Хенькин погиб
в самом начале.**

**Наш дедушка по материнской
линии Давид Хенькин. День и
ночь работал в тылу мельником,
не оставляя людей без муки.**

**Дядя Абраша, который
вывез родителей и своих
трех сестер. Если бы не он,
не было бы нас.**

**Старший лейтенант
Арон Златкин –
кадровый офицер, погиб
в середине войны.**

Гися и Бася Златкины – двоюродные сестры нашего отца. Бася осталась в Михалине и была расстреляна, а Гися уехала раньше из Белоруссии. Осталась в живых. Сегодня ее правнучка в Израиле.

Три сестры Хенькины – Ирина, Маруся, Рая и дочь Раи – Алла. Три сестры вернулись в родной Мстиславль после войны.

Даже то немногое, что делается сегодня на земле, где массово уничтожали евреев, можно только приветствовать. В Минске установлен мемориальный комплекс «Яма».

Здесь в Ванзейском музее было принято решение об уничтожении целой нации.

ПАМЯЦЬ

ЖЫХАРЫ КПМАВІЦКАГА РАЕНА, ЯВРЭЙСКОЙ НАЦЫАНАЛЬНАСЦІ, ЯКІМ ЗАГІНУЛІ НА ФРАНТАХ ВЯЛКАЙ АЧЫННАЙ ВАЙНЫ ў 1941–45 ГГ., А ТАКСАМА БЫЛІ РАСТРАЛЯНЫ НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦІКІМІ ЗАХОПНІКАМІ І ІХ ПРЫСЛУЖНІКАМІ.

г. КЛІМАВІЧЫ

БАСІН Міхаіл Барысавіч, нарадзіўся ў 1910 годзе, загінуў на фронце.

ВІННІКАВА Міхаіл, нарадзіўся ў 1912 годзе, расстралены.

ВІННІКАВА Аляксандра, нарадзіўся ў 1912 годзе, расстралены.

ВАЙНЕРМАН Тава Калманавіч, да вайны быў старшынёй яўрэйскага калгаса «Энергія». Загінуў старшынёй роты пад Сталінградам.

ВАЙНЕРМАН Рахіля, нарадзіўся ў 1860 годзе, расстралены.

ВАЙНЕРМАН Цодзік Калманавіч, нарадзіўся ў 1906 годзе, загінуў на фронце.

ВАЙНЕРМАН Сара, нарадзіўся ў 1908 годзе, расстралены.

ВАЙНЕРМАН Лія, нарадзіўся ў 1931 годзе, расстралены.

ВАЙНЕРМАН Хаім, нарадзіўся ў 1933 годзе, расстралены.

ГОЛЬДМАН Бенямін Малосевіч, нарадзіўся ў 1880 годзе, расстралены.

ГОЛЬДМАН Двойра Залманаўна, нарадзіўся ў 1885 годзе, расстралены.

ГОЛЬДМАН Барыс Бенямінавіч, нарадзіўся ў 1906 годзе, да вайны быў настаўнікам Красавіцкай школы, загінуў на фронце.

ГОЛЬДМАН Рыгор Бенямінавіч, нарадзіўся ў 1910 годзе, загінуў на фронце.

ЗЛАТКІНА Сара Давыдаўна, нарадзіўся ў 1906 годзе, расстралены.

ЗЛАТКІНА Злата Залманаўна, нарадзіўся ў 1926 годзе, расстралены.

ЗЛАТКІН Муня Залманавіч, нарадзіўся ў 1930 годзе, расстралены.

ЗЛАТКІНА Хана Залманаўна, нарадзіўся ў 1938 годзе, расстралены.

ЗЛАТКІН Генух Азікавіч, нарадзіўся ў 1906 годзе, расстралены.

ЗЛАТКІНА Хая, нарадзіўся ў 1908 годзе, расстралены.

ЗЛАТКІНА Софія Генухаўна, нарадзіўся ў 1937 годзе, расстралены.

Страница из газеты, напечатавшей списки погибших евреев, среди которых имена 13 Златкиных.

Пятеро братьев Златкиных.

Десять внуков Златкиных. Михалин, 1989 г.

Мама.

**Мама в гостях у сына Льва.
1983 год.**

**Один из первых снимков
в Израиле.**

**Давид Златкин и Иван Новиков (Беня Шифрин).
Долгожданная встреча в Михалине.**

**Чашкины – Мария и Николай Чашкины. Более красивой пары –
белорусской еврейки и оренбургского казака, я не встречал.**

Иногда приходилось слышать, что евреи не воевали, увиливали от службы.

Наш отец ушел на фронт в 17 лет. Все пятеро сыновей прошли армию.

Старший лейтенант Яков отслужил два года в Заполярье.

Последним завершил семейную армейскую одиссею, старший сержант Лев. Рядом с ним на снимке – Сергей, старшина роты.

Возле него я, старший лейтенант запаса. В офицерском кителе Яков, а рядом старший сержант запаса Григорий.

Александр Синичкин с семьей – сын Стэры, родной сестры Сары, которая была уничтожена с детьми в Климовичах.

Директор первой довоенной еврейской школы города Климовичи, а после войны бессменный директор школы рабочей молодежи Марк Лейтус, его верный друг и помощник, знаток идиша Казачков и мой отец Давид Златкин даже в той серой, лишенной всякого еврейства жизни, были объединены каким-то особым еврейским огоньком. Их глаза всегда зажигались при встречах друг с другом. И только одно, а ты слышал, а ты знаешь, передавали друг другу новости про желанный Израиль. А здесь впервые приехал в город еврейский писатель из Минска Григорий Релес, чудом уцелевший во время сталинских зачисток. Я помню, каким радостным отец прибежал домой, давая команду матери, мол, Ира, все на стол!

Стол действительно был на то время шикарный! Ведь у родителей был свой сад, большой огород, а наша мама была хозяйкой, каких еще поискать! Но главное было не угощение, а общение со столичным гостем в белорусской провинции. Таким счастливым я видел отца только через годы, когда он приехал в Израиль...

**Здесь расстреляли евреев
в Климовичах 6.11.1941 года.**

**Отсюда наша семья уехала
первой в Израиль.**

Отец в разные годы жизни.

Внуки и правнуки Раисы Капланской, которая вырвалась из горящего Мстиславля, тоже живут в Израиле.

Галина Левина – младшая дочь Стэры, родной сестры Сары (справа), рядом ее сын Михаил. Во время встречи в Нью-Йорке. 1994 г.

Дети, внуки, правнуки Златы Златкиной, которая до начала войны уехала из Михалина. Ее правнучки Аня Ушко (в центре на фото) и Юлия Аппатова сейчас живут в Израиле.

Давид Златкин вместе с Ела Стукало были в числе тех михалинцев, которые ушли на фронт в 1941 и в числе немногих вернулись домой. Они прошли путь от Михалина до Иерусалима.

Внучки Евгения и Эльвира Златкины, двоюродные сестры, закончившие школы с золотой медалью, в один день получили дипломы Иерусалимского университета.

Мама и папа на золотой свадьбе. Полвека вместе.

**На ежегодной встрече выходцев из Белоруссии в Израиле.
Третий слева – Исаак Цфасман, пятый – Давид Златкин.**

В день 90-летия нашей мамы. Сыновья.

В день рождения мамы. Невестки.

Лев Златкин – талантливый физик, нежный лирик. Он был младшим из нас. Самым талантливым, самым выдержанным. К родителям относился с великой любовью, детям отдавал всю жизнь. Ученики были для него словно члены семьи. Но судьба обошлась с ним несправедливо. Слишком рано ушел из жизни. Оставил после себя двух прекрасных детей и поэтические сборники.

Благодарные ученики не забывают своего учителя.
В день памяти Льва Златкина

Через четверть века калитку родительского дома я открыл вместе со своим внуком Бени, который родился в Израиле. Прикоснуться к нашей прежней жизни, увидеть все своими глазами для него было открытием себя, своей семьи, ее истории.

**Вот такие березы раньше росли на Михалинском большаке.
Я со своим внуком Бени во время поездки в Белоруссию.**

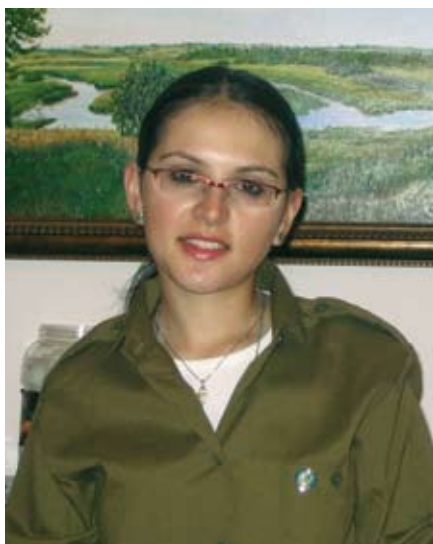
ВНУКИ-ПРАВНУКИ ПОЙДУТ ДАЛЬШЕ НАС

... Мои главные герои давно уже покинули страну белых берез, пустили свои корни в Израиле. А внуки-правнуки, как поется в песне Роберта Рождественского, шагают дальше нас...

Третье и четвертое поколение двух семейных линий Златкиных и Хенькиных – отцовской и материнской вместе со своими сверстниками представляют сегодняшний и завтрашний день Израиля. С некоторыми из них мы вас познакомим.

Капитан израильской армии Эли Златкин, сын Льва, внук Давида.

Капитан израильской армии Яна Златкина, сестра Эли, дочь Льва, внучка Давида.

**Старший сержант десантных войск
Дан Златкин, сын Якова, внук Давида.**

**Сержант Лея Фишер –
правнучка Давида,
дочь Жени, внучка Ефима.**

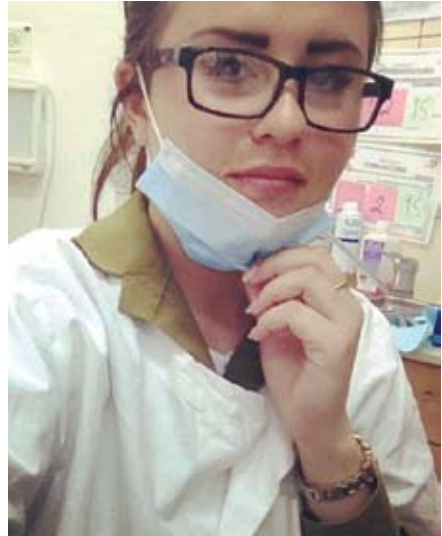
**Мира и Софа Златкины проходили
альтернативную службу,
дочери Григория, внучки Давида.**

Сержант Аня Ушко (на фото) – правнучка Златы Златкиной, двоюродной сестры Давида. Юлия Аппатова- ее двоюродная сестра, правнучка Златы также прошла службу в израильской армии. Обе сестры приехали без родителей из Перми. Так в Израиле соединились две линии Златкиных – из Белоруссии и Урала!

Старший сержант медицинской службы Роман Капланский (в очках), сын Аллы, внук Раисы Капланской-Хенькиной.

Сержант Олеся Капланская, помощник военного зубного врача, дочь Александра, внучка Дмитрия, правнучка Раисы Капланской-Хенькиной.

**Инна Хесина во время службы
в армии, дочь Веры,
внучка Абрама Хенькина.**

**Слава Хесин, старший сержант
пограничных войск, сын Веры,
внук Абрама Хенькина.**

От фронтовиков боевая эстафета перешла к сыновьям,
от них – к внукам, а дальше ее продолжают правнуки.

Прежние осколки войны совершили громадный подвиг
– на ее развалинах вырастили новое поколение.

**Их дети, внуки, правнуки соединились вместе
в одном монолите, имя которому Израиль!**

*Михалин – Иерусалим – Берлин – Иерусалим.
2008-2015 годы.*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4

Часть первая

<i>Глава первая.</i> Залман – еврейский солдат царской армии	7
<i>Глава вторая.</i> Эшелон идет на Восток.....	10
<i>Глава третья.</i> Из окопов – под хупу	11
<i>Глава четвертая.</i> Еврейский десант в Крыму	13
<i>Глава пятая.</i> Недоброе село Доброе.....	17
<i>Глава шестая.</i> Когда я увижу тебя, Иерусалим?.....	20
<i>Глава седьмая.</i> Две сестры– две судьбы, или... Жребий брошен	23
<i>Глава восьмая.</i> Еврейская повозка судьбы... ..	24
<i>Глава девятая.</i> Я вернусь, мама.....	31
<i>Глава десятая.</i> Шестого ноября 1941 года. А город молчал... ..	33
<i>Глава одиннадцатая.</i> Залман – мститель... ..	38
<i>Глава двенадцатая.</i> Кровь на снегу.....	41
<i>Глава тринадцатая.</i> И снова ранение	43
<i>Глава четырнадцатая.</i> Оренбургские булочки.....	45
<i>Глава пятнадцатая.</i> На пепелище	47
<i>Глава шестнадцатая.</i> Два фронтовика – две осиротевших души.....	51

Часть вторая

<i>Глава первая.</i> Свадьба в послевоенном Мстиславле	54
<i>Глава вторая.</i> Бои местного значения.....	56
<i>Глава третья.</i> Красавица-учительница в селе Красавичи	60
<i>Глава четвертая.</i> Единственная еврейская семья в белорусском селе.....	64

<i>Глава пятая. Белорусское лето 1953 года</i>	69
<i>Глава шестая. Ночной рейс по бездорожью</i>	72
<i>Глава седьмая. Возвращение в Михалин</i>	75
<i>Глава восьмая. Мамино стихотворение</i>	78
<i>Глава девятая. И вырос новый дом</i>	82
<i>Глава десятая. Если не Давид, то кто?</i>	86
<i>Глава одиннадцатая. Не Ира – Июська!</i>	93
<i>Глава двенадцатая. Я – еврей!</i>	97
<i>Глава тринадцатая. Ирина– мать солдатская</i>	101
<i>Глава четырнадцатая. Телеграмма в Москву, в «Советише Геймланд»</i>	103
<i>Глава пятнадцатая. Исход</i>	107

Часть третья

<i>Глава первая. Восхождение</i>	113
<i>Глава вторая. Спонсор книги – инвалид войны</i>	118
<i>Глава третья. Почему плачет Стена Плача?</i>	120
<i>Глава четвертая. Список Давида Златкина</i>	123
<i>Глава пятая. Моя семья– мое богатство!</i>	129
<i>Глава шестая. Ирина Хенькина-Златкина.</i> <i>Жизнь была не легкой и не простой, но дожили до свадьбы золотой!</i>	132
<i>Глава седьмая. Две жизни Давида Златкина</i>	135
<i>Глава восьмая. Граф Монте-Кристо из Михалина и его жена Ирина</i>	148

Часть четвертая

<i>Глава первая. Уцелевшая ветвь</i>	152
<i>Глава вторая. Еврейские глаза</i>	155
<i>Глава третья. Дерево жизни</i>	159
<i>Глава четвертая. Возвращение к еврейским корням</i>	162

Часть пятая

<i>Глава первая.</i> Михалин – Иерусалим – Берлин.....	170
<i>Глава вторая.</i> Плач русской сироты в Трептов-парке.....	173
<i>Глава третья.</i> У озера под Берлином (Взгляд сквозь годы).....	175
<i>Глава четвертая.</i> Через... 20 лет – из Иерусалима – в Михалин!.....	180
<i>Пятая глава– завершающая.</i> Через 25 лет.. из Иерусалима в Михалин и обратно!.....	186

Часть шестая

Белый ангел, или Я куплет допишу... ..	196

Лев Златкин. Стихи разных лет	201

Иллюстрации	215

Внуки-правнуки пойдут дальше нас	234

Содержание	238